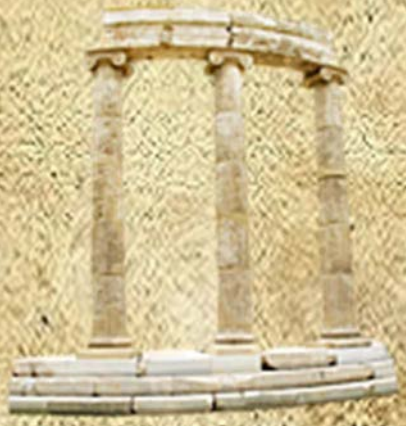
ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ



КНИГА ТРЕТЬЯ

ТАЛИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

The Histories

Herodotus
of Halicarnassus

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ
В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания

Г.А.Стратановского

Под общей редакцией

С.Л.Утченко

Редактор перевода

Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»

Ленинградское отделение

ЛЕНИНГРАД

1972

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), **Б.Г.Вебер**, **М.Я.Гефтер**, **А.А.Губер** (председатель), **А.В.Гулыга**, **В.М.Далин**, **А.И.Данилов**, **И.С.Кан**, **М.В.Нечкина**, **С.А.Токарев**, **С.О.Шмидт**, **Е.М.Штаерман**.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла. Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные па- мятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофонта, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым и в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

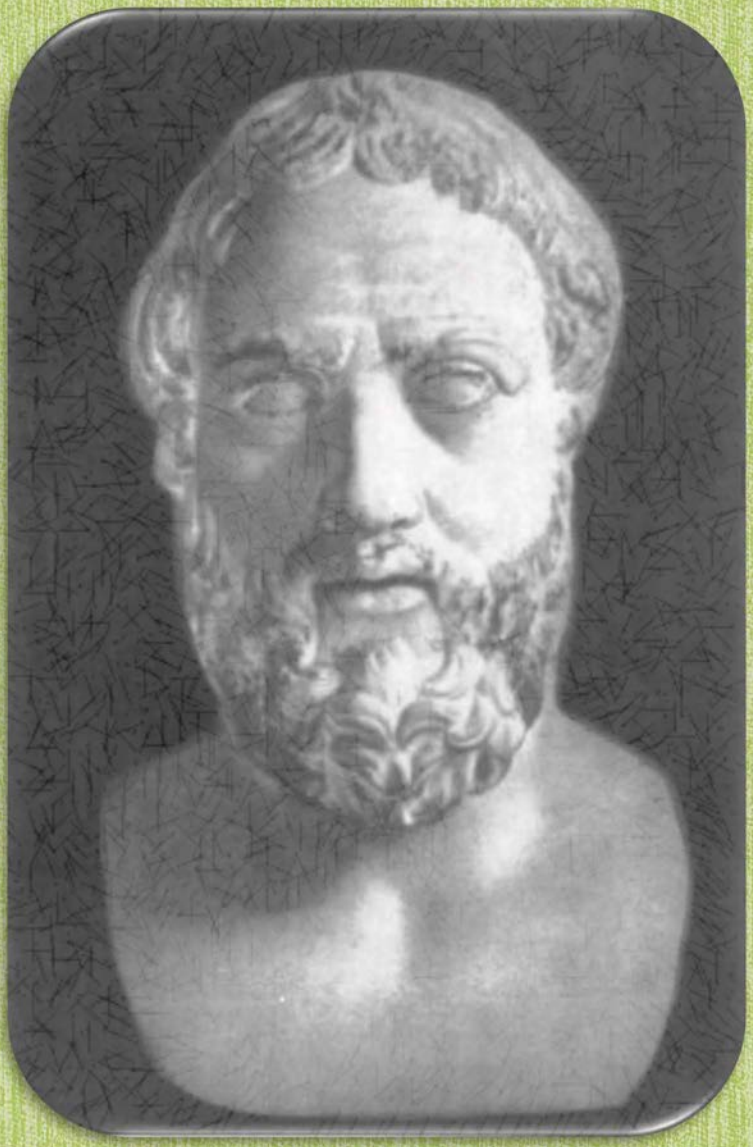
Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно потому и круг отбираемых трудов для серии

должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX–первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому-то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

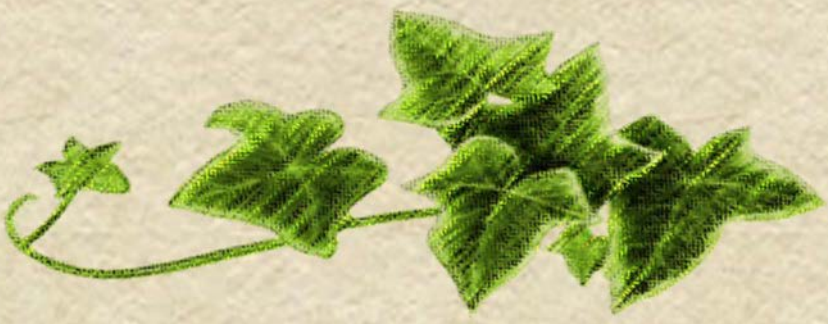
Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»



БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

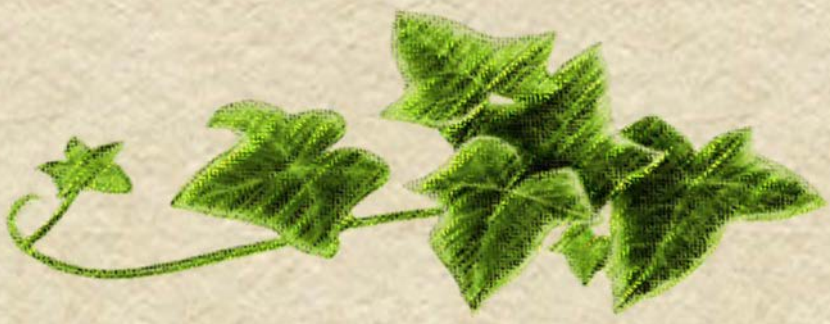
484 ДО Н.Э. – 426 ДО Н.Э.



ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Талия — («цвету», «разрастаюсь») – муза, покровительница комедии и лёгкой поэзии. Изображалась с венком плюща на голове и комической маской в руках. Одна из девяти олимпийских муз.



КНИГА ТРЕТЬЯ

ТАЛИЯ

ГЕРОДОТ
История
Книга Третья

ТАЛИЯ

1. На этого то Амасиса и пошел войной Камбис, сын Кира, и вместе с ним шли все покоренные им народности, в том числе ионяне и эолийцы. Причина похода была вот какая. Камбис отправил вестника в Египет просить дочь Амасиса [себе в жены]. А просил Камбис по совету одного египтянина, который дал этот совет из ненависти к Амасису, за то, что царь его одного из всех египетских врачей, разлучив с женой и детьми, передал персам, когда Кир послал к Амасису просить самого лучшего глазного врача в Египте[1]. Так вот, ненавидя царя за это, египтянин и дал Камбису совет: просить [в жены] дочь Амасиса[2], для того чтобы

египетский царь либо огорчился, отдав дочь, либо отказом раздражил Камбиса. Амасис же ненавидел могущественных персов и вместе с тем опасался их: он не знал, как поступить, – отдать ли дочь или отказать. Ведь царь был вполне уверен, что Камбис берет ее не законной супругой, а в наложницы. Так вот, обдумывая свое положение, Амасис нашел такой выход. Была у Априя, прежнего царя, дочь, весьма видная и красивая девушка. Она одна из всей его семьи осталась в живых. Звали ее Нитетис. Эту ту девушку Амасис велел нарядить в роскошные, украшенные золотом одежды и отослать в Персию вместо своей дочери. Через некоторое время Камбис обратился к ней с приветствием, как к дочери Амасиса, а девушка ответила ему: "Царь! Ты не знаешь, что Амасис обманул тебя. Он нарядил меня в эти роскошные одежды и прислал к тебе как свою родную дочь. А я на самом деле дочь Априя, его прежнего господина, на которого он вместе с египтянами восстал и затем умертвил". Эти то слова и эта причина побудили сына Кира Камбиса, страшно разгневавшегося, к войне против Египта. Так, по крайней мере, гласит персидское предание.

2. Напротив, египтяне считают Камбиса египтянином, именно сыном этой дочери Априя. Ведь, по их словам, Кир, а вовсе не Камбис послал к Амасису сватать его дочь. Но это неверно. Египтянам было, во-

первых, прекрасно известно (ведь никто так хорошо не знает персидских обычаев и законов, как египтяне), что у персов не в обычае ставить царем незаконного сына, если есть законный наследник, а во-вторых, что Камбис был сыном Кассанданы, дочери Фарнаспа Ахеменида, а вовсе не египтянки. Египтяне искажают историческую истину, выдавая себя за родственников Кирова дома. Так в действительности обстоит дело.

3. Есть, впрочем, еще и другое сказание (по-моему, правда, оно невероятное). Одна персидская женщина пришла будто бы как-то на женскую половину [дворца] Кира. Увидев стоящих рядом с Кассанданой ее красивых статных детей, она принялась громко хвалить и любоваться ими. А Кассандана, супруга Кира, сказала на это: "Хотя я и родила Киру таких детей, но он меня презирает, а вот эту женщину, сосватанную из Египта, носит на руках". Так она сказала с досады на Нитетис. А ее старший сын, Камбис, при этом заметил: "Мать! Когда я возмужаю, я переверну весь Египет вверх дном". Так сказал Камбис, будучи еще десятилетним ребенком, и женщины дивились [его словам]. И вот, помня об этом, Камбис, когда возмужал и вступил на престол, пошел войной на Египет.

4. А в этом походе случилось вот какое происшествие. Был у Амасиса в числе наемников один галикарнассец, по имени Фанес, человек умный и храбрый воин. Этот Фанес

поссорился с Амасисом и бежал из Египта на корабле, чтобы предложить свои услуги Камбису. Но так как Фанес имел большой авторитет среди наемников и был посвящен во все дела в Египте, то Амасис послал поспешно погоню, чтобы захватить его. А послал царь в погоню на триере самого верного своего евнуха. Тот захватил Фанеса в Ликии, а, захватив, не смог, однако, доставить в Египет, так как Фанес его перехитрил. Он напоил своих стражей допьяна и бежал в Персию[3]. А Камбис в это время как раз собирался в поход на Египет и не знал, как пройти безводную пустыню. Тогда явился Фанес, сообщил Камбису о положении дел у Амасиса и указал путь через пустыню. А именно, он посоветовал Камбису послать к царю арабов с просьбой обеспечить безопасный проход через его землю.

5. Только этим путем открыт доступ в Египет. Ведь от Финикии до области города Кадитиса простирается земля так называемых палестинских сирийцев[4]. А от Кадитиса (города, который, по-моему, едва ли меньше Сард) до города Ианиса приморские торговые порты принадлежат аравийскому царству. От Ианиса же опять идет земля сирийцев до озера Сербониды, вдоль которого к морю тянется гора Касий. А от озера Сербониды, где, по преданию, погребен Тифон, – от этого озера начинается уже Египет. Земля же между городом

Ианисом, горой Касием и озером Сербонидой – длинная полоса на три дня пути – совершенно безводная пустыня.

6. Теперь я хочу рассказать о том, что удается заметить лишь немногим, побывавшим в Египте. Из всей Эллады да, кроме того, еще из Финикии в Египет привозят дважды в год вино в глиняных сосудах и все=таки, можно сказать, там не увидишь ни одного порожнего сосуда. Куда же, спрашивается, они деваются? Я отвечу на это. Каждый староста общины обязан собирать все [порожние] глиняные сосуды в своем городе и отправлять в Мемфис. Из Мемфиса же, наполнив водой, их переправляют в ту безводную Сирийскую пустыню. Таким образом, всю глиняную винную посуду, ввозимую в Египет, там опоражнивают и затем, в дополнение к прежней, отправляют в Сирию[5].

7. Теперь и персы после завоевания Египта также снабжают водой этот путь в Египет вышеуказанным способом. Однако в то время там еще не было заготовлено воды. Узнав об этом от галикарнасского наемника, Камбис послал вестников к царю арабов[6] просить о безопасном проходе. Царь арабов согласился, и они заключили между собой союз.

8. Арабы считают такие договоры о дружбе особенно священными. Заключают же они договоры вот как. Когда двое желают заключить договор о дружбе, то третий

становится между ними и острым камнем делает надрез на ладони у большого пальца каждого участника договора. Затем, оторвав от их плащей по кусочку ткани, смачивает кровью и намазывает ею семь камней, лежащих между будущими союзниками. При этом он призывает Диониса и Уранию. После этого обряда заключивший договор представляет чужеземца или родича (если договор заключен с ним) своим друзьям и те также свято соблюдают договор. Из богов арабы почитают одного Диониса и Уранию и утверждают, что носят стрижку такого же фасона, как у самого Диониса. Стригут же они голову в кружок, подстригая также волосы и на висках[7]. На своем языке Диониса они зовут Оротальт, а Уранию – Алилат.

9. Итак, царь арабов, заключив договор с вестником Камбиса, придумал вот что. Он велел наполнить водой мехи из верблюжьей кожи и навьючить на всех своих верблюдов. Затем он выступил с этим караваном в пустыню и там стал ожидать войско Камбиса. Так, по крайней мере, гласит более достоверное предание. Но все же не следует умалчивать и о менее достоверном предании, раз оно существует. Есть в Аравии большая река по имени Корис, впадающая в так называемое Красное море[8]. Так вот, из этой то реки, по преданию, царь арабов провел воду в пустыню (с помощью рукава,

сшитого из сыромятных бычьих и других шкур). А в пустыне царь велел выкопать большой водоем для приема и сохранения воды. От реки же до этой пустыни двенадцать дней пути. Три таких рукава, как говорят, царь провел в три разных места.

10. В так называемом Пелусийском устье Нила разбил свой стан[9] Псамменит, сын Амасиса, ожидая Камбиса. Самого же Амасиса Камбис во время египетского похода уже не застал в живых. Амасис скончался после 44 летнего царствования. За это время ему не пришлось испытать никакой особенно тяжкой беды. По кончине царя тело его было набальзамировано и погребено в усыпальнице святилища, которое он сам воздвиг[10]. А при Псаммените, сыне Амасиса, явилось египтянам великое знамение, именно выпал дождь в египетских Фивах, чего, по словам самих фиванцев, не бывало ни раньше, ни после вплоть до нашего времени. Ведь в Верхнем Египте вообще не бывает дождей, да и тогда в Фивах выпали лишь какие-то капли.

11. Персы же прошли через безводную пустыню и расположились станом вблизи египтян, чтобы сразиться с ними. Тогда египетские наемники – эллины и карийцы – в гневе на Фанеса за то, что тот привел вражеское войско в Египет, придумали отомстить ему вот как. Были у Фанеса сыновья, оставленные отцом в Египте. Этих то

сыновей наемники привели в стан, поставили между двумя войсками чашу для смешения вина и затем на виду у отца закололи их над чашей одного за другим. Покончив с ними, наемники влили в чашу вина с водой, а затем жадно выпили кровь и ринулись в бой. После жаркой битвы, когда с обеих сторон пало много воинов, египтяне обратились в бегство.

12. Удивительную вещь мне пришлось увидеть там, на месте битвы (на это обратили мое внимание местные жители). Кости воинов, павших в этой битве, были свалены в отдельные кучи. На одной стороне лежали кости персов, как они были погребены, а на другой – египтян. Черепа персов оказались такими хрупкими, что их можно было пробить ударом камешка. Напротив, египетские черепа были столь крепкими, что едва разбивались от ударов большими камнями. Причина этого, как мне объяснили, и я легко этому поверил, в том, что египтяне с самого раннего детства стригут себе волосы на голове, так что череп под действием солнца становится твердым. В этом также причина, почему египтяне не лысеют. Действительно, нигде не встретишь так мало лысых, как в Египте. Вот почему у них такие крепкие черепа. У персов, напротив, черепа хрупкие, и вот почему. Персы с юности носят на голове войлочные тиары и этим изнеживают свою голову. Таковы эти черепа. Такие, как здесь, черепа я видел в Папремисе, где лежали тела персов,

павших во главе со своим вождем Ахеменом, сыном Дария, в борьбе против ливийца Инара.

13. Египтяне же, потерпев поражение в той битве, обратились в беспорядочное бегство. Их оттеснили в Мемфис, и Камбис отправил туда к ним вверх по реке на митиленском корабле персидского вестника с предложением сдаться. А египтяне, завидев подходивший к Мемфису корабль, толпою бросились из города, потопили корабль, людей порубили в куски и тела их потащили в город. Затем [персы] осадили город, и египтяне после долгой осады вынуждены были, наконец, сдаться. Соседние же с Египтом ливийцы в страхе, как бы их не постигла участь Египта, без сопротивления покорились персам, сами наложили на себя подать и послали царю дары. Так же поступили киренцы и баркейцы, устрашившись, подобно ливийцам. Камбис милостиво принял дары ливийцев, дарами же киренцев остался недоволен, как я думаю, потому что они были ничтожны (ведь киренцы послали царю всего 500 мин серебра). Царь взял деньги и собственноручно разделил своему войску.

14. На десятый день после взятия города Мемфиса Камбис велел посадить в предместье на позор египетского царя Псамменита, который был царем всего шесть месяцев. А, посадив его вместе с другими знатными египтянами, Камбис стал подвергать мужество и

стойкость царя вот каким позорным испытаниям. Камбис велел царевну, дочь Псамменита, одеть в одежду рабыни, и послал ее за водой, а вместе с ней и других девушек, дочерей знатнейших египтян, в таком же одеянии, как царевна. Когда девушки с воплями и плачем проходили мимо своих отцов, те также подняли вопли и рыдания, глядя на поругание дочерей. Только Псамменит, завидев издали девушек, и, узнав [среди них свою дочь], потупил очи долу. Когда девушки с водой прошли, Камбис послал затем [на казнь] сына Псамменита и 2000 его сверстников с петлей на шее и заткнутым удилами ртом[11]. Их вели на казнь в отмщение за митиленцев, погибших с кораблем в Мемфисе. Такой приговор вынесли царские судьи: за каждого человека казнить десять знатнейших египтян[12]. Когда Псамменит увидел, как они проходили мимо, и понял, что сына ведут на казнь, он также потупил очи, тогда как другие египтяне, сидевшие около него, плакали и сетовали [на свою горькую участь]. После того как миновали и эти, подошел, случайно проходя мимо Псамменита, сына Амасиса, и сидевших у ворот египтян, один из его застольных друзей, человек уже весьма преклонного возраста. Он лишился всего своего добра и теперь, как нищий, просил подаяния у воинов. А Псамменит, завидев друга, громко зарыдал, назвал его по имени и стал бить себя по голове. Около Псамменита, конечно, стояли стражи, которые доносили Камбису о

каждом его шаге. Камбис удивился поступку Псамменита и послал вестника спросить вот что: “Псамменит! Владыка Камбис спрашивает: почему при виде твоей опозоренной дочери и сына на смертном пути ты не рыдал и не оплакивал их, а этому нищему, который, оказывается, даже не родственник тебе, воздал честь [этими знаками скорби]”. Так спрашивал вестник, а Псамменит отвечал такими словами: “Сын Кира! Несчастья моего дома слишком велики, чтобы их оплакивать. Несчастье же друга, который ныне, на пороге старости, из роскоши и богатства впал в нищету, достойно слез”. Когда вестник передал Камбису эти слова, они показались царю справедливыми. При этом, по рассказам египтян, Крез, сопровождавший Камбиса в египетском походе, заплакал; заплакали также и персы из царской свиты. Даже сам Камбис был тронут и тотчас же приказал помиловать царского сына, а самого Псамменита привести к нему с того места [у ворот] в предместье, где тот сидел.

15. Сына Псамменита посланные [Камбисом], правда, уже не застали в живых: он был казнен первым. Самому же Псаммениту они приказали встать и повели к Камбису. При дворе Камбиса Псамменит и остался жить и в дальнейшем не терпел никаких обид. Если бы он сумел воздержаться от козней, то получил бы в управление

Египет. Ведь у персов обычно царские дети в почете. Если даже какой-нибудь царь и поднимает восстание против них, то все же сыну его возвращают престол. Подобных случаев можно привести много. Так они, например, поступили с Фанниром, сыном ливийца Инара, которому возвратили престол его отца, и с Павсирисом, сыном Амиртея, хотя никто не причинил персам зла больше Инара и Амиртея[13]. Теперь же Псамменит, "зло замышляя", получил достойное возмездие: он был уличен в подстрекательстве египтян к мятежу. Услышав об этом, Камбис приказал Псаммениту выпить бычьей крови, отчего египетский царь тотчас же скончался. Таков был конец Псаммента.

16. Камбис же прибыл из Мемфиса в город Саис ради того, чтобы совершить там деяние, которое он и действительно совершил. Именно, вступив во дворец Амасиса, он повелел выбросить из усыпальницы тело царя. А когда это было исполнено, Камбис велел бичевать тело, вырвать волосы, исколоть, словом, всячески осквернить. Когда, наконец, исполнители царского приказа измучились, а набальзамированное тело, несмотря на их усилия, все-таки не распадалось, Камбис приказал предать мумию огню[14]. Это было нечестивое, безбожное повеление. Ведь персы считают огонь божеством. Сжигание же трупов вовсе не в обычае у обоих этих народов. У персов потому,

что они по приведенной выше причине считают преступным предавать какому-нибудь богу человеческое тело. Египтяне же признают огонь живой тварью, которая пожирает все, что ни попало, чтобы потом, насытившись, умереть вместе со своей жертвой. Поэтому отдавать покойника на съедение зверям противно египетскому обычаю. По этой то причине египтяне и бальзамируют покойника, чтобы он не был съеден в земле червями. Таким образом, повеление Камбиса противоречило обычаям обоих этих народов. Египтяне, конечно, рассказывают, что сожжен был не Амасис, а какой-то другой египтянин одинакового с ним роста [и телосложения]. Оскверняя мумию [этого человека], персы думали, что оскверняют Амасиса. Амасис же перед своей кончиной, как говорят, узнал от оракула, какая участь постигнет его тело. Во избежание этого царь велел после смерти похоронить этого человека, тело которого теперь было подвергнуто бичеванию, перед дверью своей усыпальницы. Свое же собственное тело приказал сыну положить в самом отдаленном ее углу. Впрочем, по-моему, вся эта история с распоряжением Амасиса о своей усыпальнице и об этом человеке совершенно неправдоподобна и выдумана египтянами, чтобы приукрасить дело.

17. После этого Камбис задумал три похода: на карфагенян, на аммониев [15] и на долговечных эфиопов, живущих на Южном море в Ливии [16]. Замышляя [эти походы], царь решил снарядить свой флот против карфагенян, а против аммониев послать часть сухопутного войска. К эфиопам же он хотел отправить сначала соглядатаев, чтобы узнать, действительно ли у них есть так называемая трапеза солнца, и, кроме того, под предлогом поднесения даров их царю все разведать.

18. Вот что такое, по рассказам, эта "трапеза солнца". Перед городскими воротами находится лужайка, полная вареного мяса разного рода животных. Каждую ночь начальники горожан кладут сюда куски мяса, стараясь делать это незаметно, а днем всякий желающий приходит есть это мясо. Народ же, конечно, верит, что мясо это каждый раз порождает земля. Такова, как передают, эта трапеза солнца.

19. Камбис же, решив послать [к эфиопам] соглядатаев, велел вызвать из города Элефантины несколько ихтиофагов, знающих эфиопский язык. Когда они были еще в пути, царь приказал своим кораблям плыть на Карфаген. Финикияне, однако, отказались подчиниться царскому приказу. Они объявили, что связаны страшными клятвами и выступить в поход на своих потомков для них великое нечестие. А без финикиян корабли остальных

[подвластных царю городов] не могли тягаться с карфагенянами. Так-то карфагеняне избежали персидского ига. Ведь Камбис не пожелал силой заставить финикиян [выступить в поход], потому что они добровольно подчинились персам и вся морская мощь персидской державы зависела от финикиян [и держалась] на них. И жители Кипра также добровольно подчинились персам и участвовали в египетском походе.

20. Когда ихтиофаги из Элефантины прибыли к Камбису, царь отправил их в Эфиопию, объяснил им поручение и передал дары эфиопскому царю: пурпурное одеяние, золотое ожерелье, золотые браслеты, алебастровый сосуд с миррой и кувшин финикийского вина[17]. А об этих эфиопах, к которым Камбис отправил послов, рассказывают, что они самые рослые и красивые люди на свете. И обычаи у них совершенно иные, чем у всех остальных народов. Например, обычай избирать царя: они, как говорят, выбирают самого рослого и сильного из граждан и ставят его царем.

21. Так вот, когда ихтиофаги прибыли к этим людям, они поднесли их царю дары с такими словами: "Царь персов Камбис желает быть твоим другом и союзником, а нас послал для переговоров. И вот он подносит тебе эти дары, которыми он и сам больше всего любит наслаждаться". А царь эфиопов понял, что они пришли как

соглядатаи, и ответил вот что: “Не потому послал вас ко мне персидский царь с дарами, что высоко ценит мою дружбу, и не говорит он правды. Вы ведь пришли в мое царство соглядатаями, и он вовсе не праведный человек. Будь он праведным человеком, не жаждал бы он чужой земли и не порабощал бы народов, которые не причинили ему никакого вреда. Поэтому передайте ему вот этот лук и скажите: царь эфиопов советует персидскому царю вот что: если персы так же легко сумеют натянуть столь большой лук, как я его натягиваю, то пусть они идут войной с несметной силой на долговечных эфиопов. Если же нет, пусть персидский царь возблагодарит богов, что они не внушили сынам Эфиопии присоединить к своей земле еще и чужую”.

22. Так он сказал и, ослабив [тетиву] лука, передал ее посланцам. Потом, взяв пурпурное одеяние, царь спросил: “Что это такое и как это сделано?”. Ихтиофаги правдиво рассказали ему, что такое пурпур и как его окрашивают, на что царь заметил: “Обманчивые люди, обманчивы и их одежды”. Далее царь спросил о золотом ожерелье и браслетах. Когда ихтиофаги показали, как их носят, царь возразил со смехом (он принял эти украшения за оковы), что у эфиопов оковы крепче этих. Затем царь спросил о мирре, и когда посланцы рассказали об изготовлении этого благовония и о том, как им умащаться, то он заметил

то же, что и об одеянии. Наконец, он дошел до вина и осведомился, как его приготовляют, причем очень обрадовался этому напитку. Потом эфиоп спросил, чем же питается персидский царь и до какого предельного возраста могут дожить персы. Те отвечали, что пища царя – хлеб, и объяснили, что такое пшеница. 80 лет, добавили они,– наибольшая продолжительность жизни смертного. На это эфиопский царь ответил, что вовсе не удивлен кратковременностью жизни персов, так как они питаются навозом. Но даже и этого срока они бы не могли прожить, если бы не подкреплялись вот этим напитком (при этом царь указал ихтиофагам на вино); вино ведь – это единственное, в чем персы превосходят их.

23. Ихтиофаги же в свою очередь задали царю вопрос о продолжительности жизни и о жизненном укладе у эфиопов. Царь отвечал, что большинство эфиопов достигает 120 летнего возраста, а некоторые живут даже еще дольше. Их пища – это вареное мясо и молоко. Соглядатаи дивились такому долголетию, и тогда царь провел их к источнику, от омовения в котором кожа их стала блестящей, словно это был источник елея. От источника струился аромат, как от фиалок. Вода этого источника, по рассказам соглядатаев, так легка, что никакой предмет не может плавать на ней – ни дерево, ни даже еще более легкое вещество, чем дерево, но все идет ко

дну. Если эта вода действительно такая, как говорят, то, быть может, долголетие эфиопов как раз и зависит от того, что они пьют ее. От источника царь повел ихтиофагов затем в темницу. Все заключенные там были закованы в золотые цепи. Ведь у этих эфиопов медь – самый редкий и наиболее ценный металл. Посетив темницу, ихтиофаги осмотрели потом и так называемую трапезу солнца.

24. Напоследок соглядатаи посетили также гробницы эфиопов, которые, говорят, делаются из прозрачного камня вот каким образом. Сначала тело покойника высушивают по египетскому способу или как-нибудь иначе. Затем его покрывают гипсом и со всех сторон разрисовывают красками, так что мумия по возможности правильно передает черты умершего. Наконец, мумию помещают в полый столб из прозрачного камня (камень этот у них добывают в большом количестве, и он легко поддается обработке). Находящаяся внутри столба мумия ясно видна, но не распространяет дурного запаха и вообще не производит отталкивающего впечатления. При этом [раскрашенная] мумия выглядит совершенно похожей на покойника. Целый год родные покойника держат этот столб в доме[18], предлагают ему долю при каждом угощении и приносят жертвы. Затем столб с мумией увозят и ставят за городом.

25. Осмотрев все это, соглядатаи возвратились [в Египет]. Когда они принесли эту весть Камбису, царь так разгневался, что немедленно выступил в поход на эфиопов, даже не позаботившись о съестных припасах для войска и не подумав, что ему предстоит идти на край света. Словно в неистовом безумии от вести, принесенной ихтиофагами, собрался царь в поход, а сопровождавшим его эллинам приказал оставаться в Египте. Все же остальное войско он взял с собой. Когда Камбис прибыл в Фивы, то разделил свое войско: 50000 воинов должны были покорить и продать в рабство аммониев и сжечь прорицалище Зевса. Сам же царь с остальным войском двинулся на эфиопов. Не успело, однако, войско пройти пятой части пути, как уже истощились взятые с собой съестные припасы. Вьючные животные были также забиты и съедены. Если бы Камбис, заметив это, одумался и повернул назад, то, несмотря на свою первую ошибку, он все-таки поступил бы как благоразумный человек. Однако царь, ни о чем не рассуждая, шел все вперед и вперед. Пока воины находили еще съедобную траву и коренья, они питались ими. Когда же пришли в песчаную пустыню, то некоторые воины совершили страшное дело: каждого десятого они по жребию убивали и съедали. Когда Камбис узнал об этом, то в страхе, что воины съедят друг друга, прекратил поход и велел повернуть назад. В Фивы царь прибыл, потеряв

большую часть своего войска. А из Фив он спустился вниз по реке в Мемфис и отправил эллинов на кораблях домой.

26. Так кончился поход на эфиопов. Часть же войска, посланная против аммониев, выступила из Фив с проводниками. До города Оасиса[19], населенного будто бы самосцами из филы Эсхриони, войско без сомнения дошло. Город этот находится в семи днях пути от Фив по песчаной пустыне, а называется эта местность в переводе на эллинский язык Островом Блаженных. Так вот, до этой то местности, говорят, дошло персидское войско, а что с ним случилось потом, этого никто не знает, кроме, пожалуй, самих аммониев и еще тех, кто слышал их рассказы. До Аммона, во всяком случае, они не дошли и назад не вернулись. Сами же аммонии рассказывают об этом вот что. Из Оасиса персы пошли на них через песчаную пустыню. Приблизительно на полпути между Оасисом и Аммоном как раз во время завтрака поднялась страшная [песчаная] буря с юга и погребла войско под кучами песка. Так погибли персы. Таков рассказ аммониев об участи персидского войска.

27. Когда Камбис снова прибыл в Мемфис, "явился" египтянам Апис, которого эллины называют Эпафом. При его "явлении" египтяне тотчас облачились в праздничные одежды и радостно пировали. Видя это, Камбис заподозрил, что египтяне устроили праздник и так веселятся именно

по случаю его неудачного похода и приказал городским властям Мемфиса явиться к нему. Когда же они предстали пред его царские очи, Камбис спросил, почему при его первом пребывании в Мемфисе египтяне так не радовались, как ныне, когда он потерял большую часть своего войска. А те отвечали, что им явился бог, обычно являющийся только по истечении долгого времени. При явлении этого бога по всему Египту справляют радостные празднества. Услышав такой ответ, Камбис назвал их лжецами и за ложь велел предать казни.

28. Казнив их, Камбис приказал затем призвать пред свои очи жрецов. Жрецы дали такой же ответ. Царь сказал тогда, что сам убедится, действительно ли бог явился им в виде домашней скотины. Так он сказал и повелел жрецам привести Аписа. Те пошли и привели Аписа. Этот Апис, или Эпаф, должен происходить от коровы, которая после отела уже никогда не сможет иметь другого теленка. По словам египтян, на эту корову с неба нисходит луч света и от него то она рождает Аписа. А теленок этот, называемый Аписом, имеет вот какие признаки: он черный, на лбу у него белый четырехугольник, на спине изображение орла, на хвосте двойные волосы, а под языком – изображение жука.

29. Когда жрецы привели Аписа, Камбис как безумный выхватил кинжал и, желая ударить животное в брюхо,

рассек ему только бедро. Тут он рассмеялся и сказал жрецам: "Жалкие вы людишки! Разве это боги с кровью и плотью и уязвимые железом? Такого бога египтяне, конечно, вполне достойны. Но вам то уж не придется больше безнаказанно издеваться надо мной!". С этими словами он приказал палачам бичевать жрецов и хватать, и убивать всякого египтянина, справляющего праздник. Так-то кончилось это празднество у египтян. Жрецов бичевали, Апис же, пораженный в бедро, умер, лежа в храме. После его кончины от раны жрецы тайно, чтобы Камбис не узнал об этом, предали Аписа погребению[20].

30. Камбис же, по рассказам египтян, из-за этого кощунства тотчас был поражен безумием (хотя, впрочем, и прежде был не совсем в своем уме). Первый безумный поступок он совершил против своего брата Смердиса, рожденного от одного с ним отца и матери. Царь отослал Смердиса из Египта в Персию из зависти (потому что тот, единственный из персов, мог почти на два пальца натягивать тетиву принесенного ихтиофагами лука эфиопского царя). Так вот, после отъезда Смердиса в Персию Камбис увидел во сне, что прибыл к нему вестник из Персии с вестью, будто Смердис восседает на царском престоле, а голова его касается неба. Тогда Камбис в страхе, что брат умертвит его, и сам станет царем, послал в Персию Прексаспа, самого преданного ему

человека, убить Смердиса. А тот отправился в Сусы и убил Смердиса. Одни говорят – заманив его на охоту, а другие – будто привел к Красному морю и там утопил[21].

31. Это было, как говорят, первое злодеяние Камбиса. Затем он умертвил свою сестру. Она сопровождала царя в Египет, и Камбис жил с ней, хотя она была его родной сестрой по отцу и по матери. А взял он ее в супруги вот как. Прежде ведь у персов вовсе не было обычая вступать в брак с сестрами. Камбис воспылал страстью к одной из своих сестер и задумал взять ее в жены хотя бы вопреки обычаю[22]. Для этого царь созвал царских судей, и спросил, нет ли закона, разрешающего по желанию вступать в брак с сестрами. А царские судьи – это знатные персы – выбирались [на эту должность] пожизненно или пока их не уличат в каком-либо беззаконии. Они судят тяжбы между персами, толкуют законы и обычаи предков и разбирают все сложные дела. Так вот, судьи отвечали на вопрос Камбиса, сообразуясь с законом и соблюдая собственную безопасность: нет такого закона, разрешающего брак с сестрой, но есть, конечно, другой закон, который позволяет царю делать все, что ему угодно. Таким образом, судьи не нарушили закона из страха перед Камбисом, но, чтобы самим не погибнуть, оберегая [отеческий] закон, они нашли другой, более благоприятный

для его желания жениться на сестре[23]. Так Камбис вступил в брак с любимой сестрой, но все же немного спустя, он взял в жены и вторую сестру. Младшую же из этих сестер, которая сопровождала его в Египет, он убил.

32. О ее смерти, так же, как и об убиении Смердиса, есть два разных сказания. Эллины рассказывают, что Камбис велел стравить львенка со щенком. Супруга его также смотрела на эту борьбу. Когда щенок стал ослабевать, то другой щенок, его брат, сорвался с цепи и бросился на помощь и таким образом они вдвоем одолели львенка. Камбис с удовольствием смотрел на борьбу, а супруга рядом с ним проливала слезы. Заметив это, царь спросил, почему она плачет. А та отвечала, что плачет, видя, как щенок пришел на помощь брату: она вспомнила при этом о Смердисе, зная, что за него никто не отомстит. За эти то слова, говорят эллины, Камбис и велел умертвить ее. Египтяне же передают, будто царица, сидя с царем за столом, взяла кочан салата, ощипала его и спросила супруга, какой салат красивее, ощипанный или пышный [с листьями]. А когда царь отвечал, что с листьями красивее, царица сказала: "Ты поступил с домом Кира, как я с этим салатом, – ты сделал его пустым". Тогда Камбис, распалившись гневом, бросился на нее. А та была беременной, родила преждевременно и скончалась[24].

33. Такие неистовства творил Камбис со своими родными – [неясно] из-за Аписа ли или по какой либо другой причине, так как ведь много бедствий поражает людей. Впрочем, говорят, Камбис от рождения страдал тяжким недугом, который у иных слывет под названием "священного"[25]. Поэтому вполне естественно, что при тяжком телесном недуге он страдал и душевно.

34. А вот какие дела творил Камбис в своем безумии против других персов. Как-то раз царь, говорят, сказал Прексаспу, который был у него в великой чести и докладывал ему дела (сын его был виночерпием у Камбиса, а это также – великая честь), говорят, Камбис сказал Прексаспу: "Прексасп! Кем меня считают персы? Что они говорят обо мне?". А тот отвечал: ""Владыка! Они воздают тебе великую хвалу во всем, только говорят, что ты слишком пристрастился к вину". Это он сказал о суждении персов. А Камбис с гневом воскликнул: "Стало быть, персы считают меня пьяницей и безумцем? Поэтому то, что они говорили прежде, – ложь". Действительно, Камбис как-то раз прежде спросил своих персидских советников (среди них был и Крез), каким он, Камбис, представляется им в сравнении с его отцом, Киром. А те отвечали, что он гораздо более велик, чем Кир, так как владеет всей державой Кира и к тому же Египтом и господствует на море. Так говорили персы, а

бывший тут Крез не согласился с ними и возразил Камбису: "Сын Кира! Я думаю, ты не можешь сравниться с Киром: ведь у тебя нет сына, какого оставил он". Камбис с удовольствием выслушал эти слова и похвалил Креза.

35. Так вот, вспомнив теперь об этом, Камбис с раздражением сказал Прексаспу: "Смотри, говорят ли персы правду или сами лишились рассудка! Если я попаду стрелой в самое сердце твоего сына, который стоит там перед дверьми, то ясно, что речь персов – вздор. Если же я промахнусь, то, значит, персы говорят правду и я не в своем уме". С этими словами царь натянул свой лук и пустил стрелу в мальчика. И когда тот упал, то приказал рассечь его тело и осмотреть рану. Стрелу нашли в сердце, и Камбис со смехом и радостью обратился к отцу мальчика: "Прексасп! Тебе ясно теперь, что я не безумец, а вот персы – не в своем уме. Скажи-ка мне, видал ли ты на свете еще такого прекрасного стрелка, как я?". Прексасп же, видя, что перед ним безумец, и в страхе за свою участь, сказал: "Владыка! Я думаю, что даже сам бог не может так хорошо стрелять, как ты!"[26]. Вот что Камбис тогда совершил. А в другой раз он велел без всякой веской причины схватить двенадцать знатнейших персов и с головой закопать живыми в землю.

36. Из-за таких злодейств Крез, лидийский царь, решил обратиться к Камбису со словами увещания: “Царь! Не подчиняйся всецело юношескому пылу, но сдерживайся и властвуй над собою. Благоразумие – благотворно, а предусмотрительность – свойство мудреца. А ты убиваешь людей – своих же сограждан, хватая их без всякой веской причины, и умерщвляешь даже детей. Если и далее будешь так поступать, то берегись, как бы персы не восстали против тебя. Отец твой Кир строго наказал мне наставлять тебя и давать советы, какие я признаю полезными”. Так советовал Крез из расположения к царю. А Камбис возразил на это такими словами: “И ты еще смеешь давать мне советы! Ты, который так «хорошо» управлял своей страной и дал такой «удачный» совет моему отцу, побудив его перейти реку Аракс и напасть на массагетов, в то время как они сами хотели перейти на нашу землю[27]. Ты погубил и себя, дурно управляя своей страной, и Кира, который внимал твоим советам. Но не радуйся: я давно уже искал случая добраться до тебя”. С этими словами Камбис схватил лук, чтобы застрелить Креза, но тот успел отскочить, и выбежал [из покоя]. Так как Камбис не смог поразить Креза стрелой, то приказал слугам схватить и казнить его. Слуги, однако, зная царский нрав, скрыли Креза. Они надеялись, что Камбис раскается и станет разыскивать Креза и тогда они

получат награду за то, что сохранили жизнь лидийскому царю. Если же царь не пожалеет о своем поступке и не спросит о Крезе, тогда они успеют его умертвить. И действительно, спустя немного времени Камбис потребовал к себе Креза, а слуги, узнав об этом, объявили ему, что лидийский царь еще жив. Тогда Камбис сказал, что очень рад этому, но тех, кто его спас, он все же не оставит без наказания и казнит. Так царь и сделал.

37. Много еще подобных преступных деяний в неистовстве совершил Камбис против персов и союзников. Во время своего пребывания в Мемфисе он велел открыть древние гробницы царей и осматривал мумии покойников. Так он вступил и в святилище Гефеста[28] и насмеялся над кумиром бога. Этот кумир Гефеста очень похож на изображения Патеков, которые находятся на носах финикийских триер. Для тех, кто не видал этих изображений, я добавлю в пояснение, что они имеют вид карлика. Вступил Камбис также и в святилище Кабиров, куда не дозволено входить никому, кроме жреца. Кумиры этих богов после поругания он приказал сжечь. Эти кумиры похожи на изображение Гефеста. Они, как говорят, – сыновья Гефеста.

38. Итак, мне совершенно ясно, что Камбис был великий безумец. Иначе ведь он не стал бы издеваться над чужеземными святынями и обычаями. Если бы

предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие. Поэтому как может здравомыслящий человек издеваться над подобными вещами! А что люди действительно такого мнения о своем образе жизни и обычаях, в этом можно убедиться на многих примерах. Вот один из них. Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев[29], которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов, и, мне кажется, прав Пиндар, когда говорит, что обычай – царь всего.

39. Пока Камбис был занят войной в Египте, лакедемоняне выступили в поход на Самос против Поликрата, сына Эака, который стал владыкой острова, подняв народное восстание. Сначала Поликрат разделил город на три части и правил вместе с братьями Пантагнотом и Силосонтом. Затем одного из братьев он

убил, а младшего – Силосонта изгнал. С тех пор Поликрат стал владыкой всего Самоса. Он заключил договор о дружбе с Амасисом, царем Египта, послал ему дары и получил ответные подарки. Вскоре за тем могущество Поликрата возросло и слава о нем разнеслась по Ионии и по всей Элладе[30]. Ведь во всех походах ему неизменно сопутствовало счастье. У него был флот в 100 50 весельных кораблей и войско из 1000 стрелков. И с этой военной силой Поликрат разорял без разбора земли друзей и врагов. Ведь лучше, говорил он, заслужить благодарность друга, возвратив ему захваченные земли, чем вообще ничего не отнимать у него. Так-то Поликрату удалось захватить много островов и много городов на материке. Между прочим, он одержал победу над лесбосцами в морской битве, когда они со всем своим флотом пришли на помощь Милету. Тиран заставил пленников в оковах выкопать ров вокруг стен на Самосе.

40. До Амасиса также дошли как-то слухи о великом преуспевании Поликрата, и это очень встревожило царя. Когда же Поликрат стал еще гораздо больше преуспевать, Амасис написал такое послание тирану и отправил на Самос: “Амасис Поликрату говорит так: «Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив. Но все же твои великие успехи не радуют меня, так как я знаю, сколь ревниво [к человеческому счастью] божество.

Поэтому я желал бы, чтобы и у меня самого и моих друзей одно удавалось, а другое нет, чтобы лучше на своем веку мне попеременно сопутствовали успехи и неудачи, чем быть счастливым всегда. Ведь мне не приходилось слышать еще ни об одном человеке, кому бы все удавалось, а, в конце концов, он не кончил бы плохо. Поэтому послушайся моего совета теперь и ради своего счастья поступи так: обдумай, что тебе дороже всего на свете и потеря чего может больше всего огорчить тебя. Эту то вещь ты закинь так, чтобы она больше не попалась никому в руки. И если и тогда успехи у тебя не будут сменяться неудачами, то и впредь применяй то же средство по моему совету»''.

41. Поликрат прочел послание и понял, что совет Амасиса хорош. Он стал размышлять, потеря какой драгоценности больше всего огородит его. А, обдумывая, Поликрат вспомнил вот что. Был у него смарагдовый перстень с печатью, в золотой оправе, который он носил [на пальце], – изделие самосца Феодора, сына Телекла. Этот то перстень Поликрат и решил забросить и поступил так. Посадив людей на 50 весельный корабль, он сам поднялся на борт и приказал затем выйти в море. Когда корабль отошел далеко от острова, Поликрат снял перстень и на глазах у всех своих спутников бросил в море.

После этого он отплыл назад и опечаленный потерей возвратился во дворец.

42. А спустя пять или шесть дней после этого случилось вот что. Какой-то рыбак поймал большую красивую рыбу и решил, что это достойный подарок Поликрату. Рыбак принес рыбу к воротам дворца и сказал, что желает предстать перед Поликратовы очи. Когда желание рыбака было исполнено, он подал Поликрату рыбу со словами: "Царь! Поймав эту рыбу, я не захотел нести ее на рынок, хотя и живу от трудов рук своих. Я решил, что она достойна тебя и твоего царства. Поэтому я приношу ее тебе в дар". А Поликрат обрадовался таким словам и отвечал: "Ты поступил прекрасно. Я благодарю тебя вдвойне: за речь и за подарок. Приглашаю тебя на обед". Рыбак, польщенный, отправился домой, а слуги выпотрошили рыбу и нашли в ее брюхе тот Поликратов перстень. Увидев перстень, они тотчас же с радостью понесли его Поликрату. Отдавая перстень, слуги рассказали, как он нашелся. А Поликрат понял [тогда], что это божественное знамение и написал послание [Амасису] обо всем, что он сделал, и что из этого вышло. А, написав послание, он велел отправить его в Египет.

43. Амасис же, прочтя послание Поликрата, убедился, что ни один человек не может уберечь другого от предреченной ему участи и что Поликрат не кончит

добром, так как он преуспевает во всем и даже находит то, что сам забросил. Так вот, Амасис послал на Самос вестника объявить, что разрывает свой союз и дружбу с Поликратом. А поступил так Амасис ради того, чтобы не пришлось ему сокрушаться о Поликрате" как о своем друге, когда того постигнет страшное бедствие.

44. Итак, против этого то баловня счастья Поликрата и выступили в поход лакедемоняне. Их призвали на помощь самосцы [изгнанники], основавшие впоследствии Кидонию на острове Крите. Поликрат же послал вестника к Камбису, сыну Кира, который в то время снаряжал войско в египетский поход, прося его отправить послов на Самос и требовать у него, Поликрата, войска на помощь. Камбис же, услышав это, охотно послал на Самос с просьбой прислать ему военные корабли в Египет. Тогда Поликрат отобрал граждан, которых особенно подозревал в мятежных замыслах, и послал их на 40 триерах[31] [в Египет], а Камбису предложил не отпускать их назад на Самос.

45. Одни говорят, что эти отправленные Поликратом самосцы вовсе не прибыли в Египет, но, доплыв до острова Карпафа, держали совет и решили не плыть дальше. По другим же сведениям, они приплыли в Египет, но бежали оттуда, хотя их и стерегли. Во всяком случае, они возвратились на Самос, и Поликрат встретил

их со своими кораблями и дал морской бой. Изгнанники одержали победу и высадились на острове. На суше, однако, они потерпели поражение и тогда отплыли в Лакедемон. Некоторые, впрочем, утверждают, что возвратившиеся из Египта самосцы победили Поликрата, но, по-моему, это неверно. Ведь им вовсе не нужно было бы тогда звать на помощь лакедемонян, если бы они сами могли одолеть Поликрата. К тому же нельзя поверить, чтобы Поликрат, у которого было много иноземных наемников и местных лучников, был побежден кучкой самосских изгнанников. Жен и детей подвластных ему граждан Поликрат запер в корабельных доках и держал их там, чтобы сжечь вместе с доками, если их мужья [и отцы] перейдут на сторону изгнанников.

46. Когда изгнанные Поликратом самосцы прибыли в Спарту, то явились к архонтам и в длинной речи настоятельно просили о помощи. Архонты же дали на этом первом приеме ответ: они забыли начало речи и поэтому не понимают конца ее. После этого, явившись вторично, самосцы ничего не сказали, но принесли с собой только хлебную суму со словами: "Сума просит хлеба". Архонты же отвечали, что самосцы слишком перестарались с сумой. Впрочем, они все же решили помочь самосцам.

47. После этого лакедемоняне снарядили [войско] и выступили в поход на Самос из чувства признательности, как говорят самосцы, так как самосцы прежде послали им корабли на помощь против мессенцев. Напротив, лакедемоняне утверждают, что выступили в поход не ради просьб самосцев о помощи, но, прежде всего, чтобы отомстить за похищение чаши для смешения вина, которую они послали Крезу, и за панцирь, подаренный им египетским царем Амасисом н похищенный самосцами годом раньше чаши. Панцирь был льняной с множеством вытканных изображений, украшенный золотом и хлопчатобумажной бахромой. Самым удивительным в нем было то, что каждая отдельная завязка ткани, как она ни тонка, состояла из 360 нитей и все они видны. Другой такой панцирь Амасис посвятил в святилище Афины в Линде.

48. К этому походу на Самос добровольно присоединились коринфяне. Ведь и против них самосцы совершили преступление за одно поколение до этого похода, около того времени, когда похитили и чашу для смешения вина. Периандр, сын Кипсела, отправил 300 сыновей знатных людей с острова Керкиры в Сарды к Алиатту для оскопления. Когда же коринфяне с этими мальчиками на борту пристали к Самосу, то самосцы, узнав, зачем их везут в Сарды, сначала научили детей

искать убежища в святилище Артемиды, а затем не позволили насильно вытащить "умоляющих о защите" из святилища. А когда коринфяне не хотели давать детям пищи, то самосцы устроили праздник, который справляют еще и поныне. Каждый вечер, пока дети оставались в святилище как умоляющие о защите, самосцы водили хороводы и пляски девушек и юношей и во время плясок ввели в обычай приносить лепешки из сесама с медом, чтобы дети керкирян могли уносить их и есть. Это продолжалось до тех пор, пока коринфские стражи не уехали с острова, оставив детей. Затем самосцы отвезли детей назад на Керкиру.

49. Так вот если бы коринфяне после кончины Периандра были в дружбе с керкирянами, то, конечно, по этой причине они не стали бы участвовать в походе на Самос. Однако, с тех пор как коринфяне основали поселение на острове Керкире, они, несмотря на племенное родство, жили в постоянной вражде с керкирянами, Коринфяне же питали злобу к самосцам вот за что: Периандр послал в Сарды для оскопления, выбрав детей самых знатных керкирян, чтобы отомстить жителям острова. Ведь керкиряне первыми совершили против него злодеяние.

50. Когда Периандр убил свою супругу Мелиссу[32], то, кроме этой беды, поразила его еще и другая. Было у него от Мелиссы двое сыновей семнадцати и восемнадцати

лет. Дед их по матери Прокл, тиран Эпидавра, вызвал юношей к себе и обласкал их (как это и естественно, ведь они были детьми его дочери). При расставании, провожая их, дед сказал: "Знаете ли вы, дети, кто умертвил вашу мать?". Старший юноша вовсе не обратил внимания на эти слова, а младший, по имени Ликофрон, принял их так близко к сердцу, что, возвратившись в Коринф, не здоровался с отцом, как с убийцей матери, не говорил с ним и не отвечал на его вопросы. В конце концов, Периандр распалился на сына страшным гневом и изгнал его из дома.

51. А, изгнав [младшего] сына, Периандр стал расспрашивать старшего, о чем с ними говорил дед. Тот рассказал отцу, как ласково с ними обошелся дед, а о словах Прокла при расставании не упомянул, так как не понял их смысла. Периандр же возразил на это: невозможно, чтобы дед не намекнул им на что-нибудь, и продолжал настойчиво расспрашивать сына. Наконец юноша вспомнил и передал ему слова деда. Периандр же понял смысл и пожелал в полной мере показать сыну строгость. Он послал вестника в дом, где жил изгнанный сын, и запретил [хозяевам] принимать юношу. Теперь, куда бы ни приходил Ликофрон, отовсюду его прогоняли, так как Периандр грозил [карой] людям, приютившим сына, и приказывал изгонять его. Так вот, постоянно гонимый, он, наконец,

пришел в дом друзей, которые хотя и со страхом, но все же дали ему приют, как сыну Периандра.

52. В конце концов, Периандр повелел объявить через глашатая: всякий, кто примет [в дом] его сына или будет говорить с ним, должен уплатить священную пеню (определенную сумму денег) в святилище Аполлона. Поэтому то никто не желал больше говорить с изгнанником или давать ему приют в своем доме. Да и сам Ликофрон уже не пытался больше склонить кого-нибудь к нарушению отцовского приказа, но терпеливо выносил свою участь, скитаясь под портиками Коринфа. На четвертый день [после этого] Периандр увидел сына, немытого и голодного, и сжалился над ним. Подавив свой гнев, тиран подошел к Ликофрону и сказал: "Сын мой! Что тебе милее: твое нынешнее положение или власть и богатства, которые теперь мои, но будут твоими, если ты подчинишься отцовской воле? Ты, сын мой, наследственный владыка «блаженного» Коринфа, избрал, однако, жалкую жизнь нищего, восстав в гневе на того, кто менее всего должен вызывать твой гнев. Если, действительно, случилась у нас беда, из-за чего ты питаешь подозрение, то это также и моя беда: меня она касается ближе всего, потому что я ее виновник. Но теперь, когда ты изведал, насколько лучше возбуждать зависть, чем сожаление, и что такое распалиться гневом

на родителей и на владык, то вернись в отчий дом!''. А Ликофрон только ответил отцу: отец должен уплатить священную пеню богу [Аполлону] за то, что разговаривал с ним. Тогда Периандр понял, как неисправимо зло и как неодолимо оно в его сыне, и отослал Ликофрона на корабле с глаз своих в Керкиру, которая тогда также была ему подвластна. А, отправив сына, Периандр пошел войной на своего тестя Прокла, главного виновника его несчастий. Он завоевал Эпидавр и самого Прокла захватил в плен живым.

53. Когда со временем, достигнув преклонного возраста, Периандр убедился, что не в силах больше управлять городом, он послал на Керкиру за Ликофроном, чтобы передать ему власть. Ведь своего старшего сына Периандр считал неспособным [к управлению] из-за его слабоумия. Ликофрон, однако, даже не удостоил ответом отцовского посланца. Периандр же, искренне полюбивший юношу, вторично послал за ним свою дочь, сестру юноши, думая, что тот хоть ее то послушает. А та приехала и сказала: ''Брат! Неужели ты предпочитаешь отдать власть в чужие руки и позволишь расхитить отцовское добро, вместо того чтобы возвратиться и самому владеть всем? Вернись домой, перестань терзать себя. [Ложная] гордость – это плохое качество. Не исправляй беду бедою. Многие ведь отдают предпочтение [гуманному] духу закона перед его буквой, но многие

также, добиваясь материнской доли [наследства], теряют отцовскую. Царская власть таит в себе опасности; ведь многие жаждут ее, а отец уже дряхлый старик. Не отдавай своего достояния чужим!''. Так сестра приводила ему по отцовскому внушению самые веские доводы. А брат отвечал, что не приедет в Коринф, пока знает, что отец жив. Когда она передала такой ответ Ликофрона, Периандр в третий раз послал вестника объявить, что сам готов жить на Керкире, Ликофрон же должен приехать в Коринф и наследовать царскую власть. Сын согласился на это. Тогда Периандр стал готовиться к отплытию на Керкиру, а сын его – в Коринф. Однако керкиряне, услышав об этих замыслах, умертвили юношу, для того чтобы Периандр не приезжал на их остров. За это то Периандр и хотел отомстить керкирянам.

54. А лакедемоняне высадились на Самосе с сильным войском и осадили город. Они проникли до городской стены и уже взобрались на башню (что стоит в предместье со стороны города). Тогда подошел на помощь Поликрат с сильным отрядом и оттеснил их назад. А с другой башни на вершине горы наемники и большой отряд самосских горожан сделали вылазку. Однако после короткой схватки они были отброшены лакедемонянами и обратились в бегство. Лакедемоняне же преследовали и убивали их.

55. Если бы все лакедемоняне в этот день сражались так же доблестно, как Архий и Ликоп, то Самос был бы взят. Эти два воина, Архий и Ликоп, только вдвоем проникли в город по пятам бегущих самосцев, но пали, когда путь назад был отрезан. С внуком этого Архия, сыном Самия (его также звали Архием), я сам познакомился в Питане, спартанском округе, откуда он был родом. Он говорил о самосцах с большим уважением, чем обо всех прочих чужеземцах. Его отец получил имя Самия, потому что дед нашел на Самосе доблестную смерть. По его словам, он уважает самосцев за то, что те похоронили его деда и воздвигли ему памятник за счет города.

56. Лакедемоняне же после 40 дневной безуспешной осады города Самоса отплыли назад в Пелопоннес. По одному известию (конечно, недостоверному), Поликрат подкупил лакедемонян самосскими деньгами, будто бы приказав выбить монету из позолоченного свинца, а те, получив эти деньги, отплыли домой. Так окончился первый поход в Азию лакедемонских дорийцев.

57. Враждебные Поликрату самосские [изгнанники], покинутые на произвол судьбы лакедемонянами, отплыли оттуда на остров Сифнос. Они ведь нуждались в деньгах, а Сифнос тогда процветал и был самым богатым из всех островов. На острове были золотые и серебряные рудники,

такие богатые, что на десятину доходов с них сифнийцы воздвигли в Дельфах одну из самых пышных сокровищниц. Ежегодно граждане [острова] делили доходы между собою. Когда они воздвигли эту сокровищницу, то вопросили оракул, долго ли продлится их благоденствие. Пифия же дала им такой ответ:

Лишь когда белизной пританей засияет сифнийский
И когда белой оградой оденется рынок, тогда то,
Благоразумный, засады древесной, багряного вестника бойся.

И действительно, тогда уже у сифнийцев рыночная площадь и пританей были украшены паросским мрамором.

58. В то время, однако, они не могли понять смысла предсказания, и даже тогда, когда самосцы были уже у ворот. Ведь едва лишь самосцы бросили якорь у Сифноса, как отправили послов на одном корабле в город. А в древние времена все корабли окрашивали в красный цвет (суриком), и это то и имела в виду Пифия, советуя сифнийцам "остерегаться древесной засады" и "багряного вестника". Так вот, послы по прибытии потребовали у сифнийцев ссудить им 10 талантов. Когда сифнийцы отказались, самосцы стали опустошать их поля. Узнав об этом, сифнийцы поспешили на помощь, но потерпели поражение и большая часть их была отрезана от города. После этого сифнийцам пришлось заплатить 100 талантов выкупа.

59. На эти деньги самосцы купили у гермионян остров Гидрею, что у Пелопоннеса, и поручили его охрану трезенцам. Затем они основали на Крите город Кидонию, хотя туда они отправились не с этой целью, а для того чтобы изгнать с острова закинфян. В Кидонии самосцы остались и жили там пять лег, благоденствуя. Поэтому и святилища, ныне стоящие в Кидонии (между прочим, и храм Диктинны), воздвигнуты самосцами. На шестой год они потерпели поражение в морской битве от эгинцев и критян и были проданы в рабство. У их кораблей эгинцы отрубили носы с изображениями вепря[33]и посвятили в храм Афины на Эгине. А сделали это эгинцы в гневе на самосцев, которые еще при царе Амфикрате первыми напали на Эгину, причинив эгинцам много вреда, но, конечно, и сами потерпели от них урон. Это было причиной теперешнего похода на Крит против самосцев.

60. Остановился же я несколько подробнее на самосских делах потому, что самосцы воздвигли на своем острове три самых больших сооружения во всей Элладе. Во-первых, они пробили сквозной тоннель в горе высотой в 150 оргий, начинающийся у ее подошвы, с выходами по обеим сторонам. Длина тоннеля 7 стадий, а высота и ширина по 8 футов. Под этим тоннелем по всей его длине они прокопали канал глубиной в 20 локтей и 3 фута ширины, через который в город по трубам проведена вода

из одного обильного источника. Строителем же этого водопроводного сооружения был Евпалий, сын Навстрофа, мегарец. Это одно из трех сооружений. Второе – это дамба в море, возведенная вокруг гавани. Дамба эта 20 оргий высотой и более 2 стадий в длину. Третье сооружение – величайший из известных нам храмов[34]. Первым строителем этого храма был Рек, сын Филея, самосец. Ради этих то сооружений я и рассказал более подробно о самосских делах.

61. Пока Камбис, сын Кира, находился еще в Египте и творил там безумные деяния, двое братьев из племени магов подняли мятеж. Одного из них Камбис оставил в Персии управителем своего дома. Этот то человек и поднял восстание, хорошо зная, что кончину Смердиса держат в тайне и что в Персии об этом известно лишь немногим, большинство же считает, что Смердис жив. На этом то маг и построил свой замысел захватить царскую власть. Был у него брат, который, как я уже сказал, вместе с ним поднял мятеж, по внешности очень похожий на Смердиса, убитого по приказанию своего брата Камбиса. А был он не только похож на Смердиса, но даме и имя его было Смердис. Этого то человека, своего брата, маг Патизиф убедил, что все для него устроит, и "сесть на престол пригласил"[35]. А, посадив [брата] на престол, Патизиф разослал глашатаев по разным

областям [персидской державы], а также и к войску в Египет [с вестью], что отныне надлежит повиноваться Смердису, сыну Кира, а не Камбису[36].

62. Итак, глашатаи повсюду объявляли об этом; между прочим, был отправлен глашатай и в Египет (царя он застал с войском в Акбатанах в Сирии)[37]. Выступив посредине [царского] стана, глашатай объявил повеление мага. А Камбис, услышав такую весть, подумал, что глашатай говорит правду и Прексаспа его предал, не исполнив приказания умертвить Смердиса. Царь посмотрел на Прексаспа и сказал: "Так-то ты, Прексаспа, выполнил мое поручение?". А тот отвечал: "Владыка! Неправда это, что брат твой Смердис восстал против тебя. Никогда уже не выйдет у тебя со Смердисом ссоры – ни большой, ни малой. Ведь я сам лично исполнил твое повеление и своими руками предал тело его погребению. Если теперь и мертвые воскресают, тогда можно ожидать, что и мидийский царь Астиаг восстанет против тебя. Если же на свете все осталось, как прежде, то, конечно, от Смердиса уж больше не угрожает тебе никакой беды. Так вот, я думаю, нужно воротить глашатая и допросить, кто его послал требовать повиновения царю Смердису".

63. Такой совет Прексаспа пришелся по душе Камбису. Тотчас же нагнали глашатая и привели назад. А когда он

явился, Прексаспа сказал ему вот что: “Человек! Ты говоришь, что пришел вестником от Кирова сына Смердиса. Так вот, скажи нам правду и иди с миром: сам ли Смердис лично дал тебе это поручение или один из его слуг?”. А тот отвечал: “Я то ни разу не видел Смердиса, сына Кира, с тех пор как царь Камбис отправился в Египет. Но маг, которого Камбис назначил управителем своего дома, дал мне это поручение и сказал, что Смердис, сын Кира, так велел объявить вам”. Так отвечал глашатай и сказал сущую правду. А Камбис сказал: “Прексаспа! Ты честно выполнил мое поручение, ты не виновен. Но кто же в Персии восстал против меня, обманом присвоив себе имя Смердиса?”. Прексаспа же отвечал: “Мне думается, царь, я знаю это. Маги восстали против тебя: Патизиф, которого ты оставил управителем своего дома, и брат его Смердис”.

64. Когда Камбис услыхал имя Смердиса, ему сразу же стало ясно, что Прексаспа прав и что сновидение его сбылось. А видел он во сне, что некто принес ему весть: Смердис восседает на царском троне и головой касается неба. Тогда царь понял, что напрасно погубил брата, и стал его оплакивать. Оплакав же брата и страшно подавленный всем этим несчастьем, Камбис вскочил на коня и решил немедленно выступить в поход на Сусы против мага. А когда царь вскакивал на коня, отпал

наконечник ножен его меча и обнаженный меч рассек ему бедро. Рана была в том самом месте, куда он прежде сам поразил египетского бога Аписа. Камбис решил, что рана смертельна и спросил об имени города. Ему сказали, что [город называется] Акбатаны. А Камбису еще прежде было предсказано оракулом в египетском городе Буто, что он окончит жизнь в Акбатанах. Камбис думал, что умрет в главном городе Мидии – мидийских Акбатанах [глубоким] старцем. Оракул же, стало быть, имел в виду сирийские Акбатаны. И действительно, когда на вопрос Камбиса ему назвали имя города, безумие внезапно оставило царя: так сильно его потрясли известие о восстании мага и рана. Царь понял предсказание оракула и сказал: "Здесь суждено окончить жизнь Камбису, сыну Кира".

65. Тогда царь ничего [больше] не прибавил. Но приблизительно через двадцать дней он велел призвать к себе знатнейших персов из своей свиты и сказал им вот что: "Персы! Постигло меня несчастье, которое я [до сих пор] хранил в глубочайшей тайне, и эту тайну ныне я открою вам. В Египте было мне одно сновидение – о, если бы я никогда его не видел! Предстал [во сне предо мною] прибывший из дома вестник и сообщил, что Смердис восседает на царском троне, головой касаясь неба. В страхе, что брат лишит меня престола, я поступил скорее поспешно, чем благоразумно. Ведь, стало быть, не в

человеческой власти отвратить определенное Роком. А я, безумец, посылаю Прексаспа в Сусы убить Смердиса! Когда свершилось это злодеяние, я жил без опасений, вовсе не помышляя о том, что кто-нибудь после устранения Смердиса восстанет против меня. Совершенно не ведая грядущей судьбы, я стал без нужды братоубийцей и вот, тем не менее, теперь лишился престола! Ведь это был Смердис, маг, о мятеже которого провозвестило мне в сновидении божество. Так вот, злодеяние это совершено мною, верьте мне, и Смердиса, Кирова сына, нет уже в живых. Маги владеют теперь вашим царством – управитель моего дома и брат его Смердис. А тот, кто, скорее всего, должен был бы отомстить за причиненный мне магами позор,– этот самый человек преступно умерщвлен своим самым близким родственником. А так как его теперь уже нет в живых, то я хочу затем высказать вам, персы, перед смертью мою последнюю волю – то, что лежит тяжелым камнем у меня на сердце. И вот я наказываю вам, заклиная нашими царскими богами всех вас и, прежде всего, вас, здесь присутствующие Ахемениды: не допускайте, чтобы власть снова перешла к мидянам! Но если они захватили власть коварством, то и вы также должны вырвать ее у них коварством; если же они добыли власть силой, то и вы также отвоюйте ее у них силой оружия. Если вы совершите это, то да будут ваши нивы тучными, а жены и скот плодоносны, и тогда

вы навеки останетесь свободными. Если же вы не отвоюете у них власть и даже не сделаете попытки, то в противоположность к этому желаю вам [засухи и бесплодия]. И, кроме того: да постигнет [тогда] каждого перса такой же жалкий конец, как и меня''. Так говорил Камбис и горько плакал о своей жалкой участи.

66. Персы же, увидев своего царя плачущим, разодрали на себе одежды и разразились громкими рыданиями. После этого скончался Камбис, сын Кира, пораженный сухой гангреной в кости, когда [от воспаления] омертвело бедро. Царствовал же Камбис всего семь лет и пять месяцев. Детей у него вовсе не было – ни сыновей, ни дочерей. А персов, слышавших последнюю речь Камбиса, охватило сильное недоверие [к словам царя], будто маги захватили власть. Персы заподозрили, что Камбис своим рассказом о кончине Смердиса хотел только обмануть их и возбудить против Смердиса всю Персию.

67. Итак, они поверили, что Смердис, сын Кира, действительно вступил на престол. Ведь Прексаспа решительно отрицал теперь, что умертвил Смердиса: после смерти Камбиса ему было опасно сознаться, что он своей рукой убил Кирова сына. А маг после кончины Камбиса, обманом присвоив себе, имя Смердиса, Кирова сына, спокойно процарствовал семь месяцев, недостававших Камбису до полных восьми лет

царствования. За это время маг успел даровать всем своим подвластным великие милости, так что после смерти мага все азиатские народы, кроме самих персов, горько оплакивали его. Ведь он разослал вестников ко всем подвластным народам, объявив освобождение от податей и военной службы на три года[38].

68. Объявил же маг об этих милостях тотчас по вступлении на престол. А на восьмой месяц обман открылся вот каким образом. Отан, сын Фарнаспа, по роду и богатству был одним из самых выдающихся людей в Персии. Этот Отан первым заподозрил мага, что тот вовсе не Киров сын Смердис. Об этом Отан заключил из того, что маг никогда не выходил из царского дворца и не призывал пред свои очи никого из знатных персов. А, заподозрив мага, Отан поступил вот как. Дочь его, по имени Федима, была супругой Камбиса, и теперь, как и все остальные жены Камбиса, стала супругой Смердиса. Так вот, Отан послал к этой своей дочери спросить, кто теперь ее супруг, с которым она делит ложе, Киров ли сын Смердис или кто другой. Дочь велела передать в ответ, что не знает: она ведь никогда раньше не видала Кирова сына Смердиса и ей неизвестно, кто ее теперешний супруг. Тогда Отан вторично послал к ней со словами: "Если ты сама не знаешь Смердиса, сына Кира, то спроси Атоссу, кто ее и твой муж. Ведь она то уж

непременно должна знать своего собственного брата". На это дочь велела передать вот что: "Я не могу спросить Атоссу и вообще не вижу ни одной из других царских жен. Ведь этот человек – кто бы он ни был – сразу же по вступлении на престол отделил нас одну от другой".

69. Когда Отан услыхал этот ответ, его подозрения стали все более усиливаться. Он послал тогда дочери третье поручение, гласившее вот что: "Дочь моя! Ты – благородного происхождения и должна решиться поэтому на опасное дело, которое поручает тебе ныне отец. Ведь если это не Смердис, сын Кира, а тот, кем я его считаю, то он дорого заплатит за то, что делит с тобой ложе и властвует над персами. Он не должен остаться безнаказанным. Поэтому сделай так. Когда он взойдет к тебе на ложе и ты заметишь, что он уже заснул, то ощупай его уши. Если у него окажутся уши, считай, что делишь ложе со Смердисом, сыном Кира; если же нет, то – с магом Смердисом". В ответ Федима велела передать, что подвергнется великой опасности, если сделает это. Ведь если у ее мужа действительно нет ушей и он поймает ее при ощупывании, то, наверное, казнит. Тем не менее, она все-таки сделает это. Итак, она обещала отцу выполнить это поручение. А этому магу Смердису царь Камбис, сын Кира, велел отрезать уши за какую-то немалую вину. Так вот, эта Федима, дочь Отана,

исполнила все, как обещала отцу. Когда наступил ее черед идти к магу (ведь у персов жены поочередно посещают своего супруга), Федима пришла, чтобы разделить с ним ложе. А когда маг погрузился в глубокий сон, она ощупала его уши. Тогда Федима легко убедилась, что у мужа нет ушей, и лишь только наступил день, она послала к отцу сообщить об этом.

70. Отан же пригласил к себе Аспафина и Гобрия, знатных персов, самых преданных своих друзей, и поведал им все. А те сами уже подозревали, что это так, но теперь, после сообщения Отана, всецело убедились. И они решили, что каждый из них привлечет к их союзу еще одного перса, которому особенно доверяет. Так, Отан привлек Интафрена, Гобрий – Мегабиза, Аспафин – Гидарна. Когда их стало шестеро, то прибыл в Сусы[39]из Персии Дарий, сын Гистаспа (ведь отец его был правителем Персии). Так вот, по прибытии Дария шестеро персов решили принять в сообщники и его.

71. А эти семеро, собравшись, заключили клятвенный союз и держали совет. Когда пришла очередь Дарию высказать свое мнение, он сказал им вот что: “Я думал, что, кроме меня, никому не известно, что у нас теперь царем маг, а Киров сын Смердис мертв. И только ради того я так быстро и приехал в Сусы, чтобы вызвать вас на борьбу с магом. А так как я вижу теперь, что и вам, а

не мне одному только известно об обмане, то предлагаю немедленно приступить к делу. Промедление смерти подобно!''. На это Отан ответил: ''Сын Гистаспа! Отец твой – доблестный муж. И ты, несомненно, нисколько не уступаешь ему доблестью. Однако не торопись так безрассудно с нашим делом, но приступай к нему более осмотрительно. Сначала нас должно быть больше, а затем уже следует браться за дело''. Дарий возразил на это: ''Господа здесь присутствующие! Если вы примете совет Отана, то знайте, что вам предстоит жалкая гибель. Ведь кто-нибудь непременно донесет магу, чтобы получить выгоду себе одному. Лучше всего, конечно, чтобы вам тотчас действовать на свой страх и риск. Но раз уж вы решили набрать еще сообщников и доверились мне, то давайте совершим это дело сегодня. Иначе знайте: если мы упустим сегодняшний день, то я сам пойду к магу с доносом на вас, чтобы никто другой не успел упредить меня''.

72. Отан, видя такую горячность Дария, отвечал на это: ''Если уж ты вынуждаешь нас спешить, не оставляя времени на размышление, то скажи, как нам проникнуть во дворец и напасть на магов? Ты знаешь, конечно, что там расставлена стража, и если ты сам ее не видел, то слышал об этом. Как же мы минуем ее?''. Дарий же отвечал ему так: ''Отан! На многое можно дать ответ

не словами, а делом. Об ином же можно рассуждать, но за словами не следует никакого славного деяния. Вы прекрасно знаете, что вовсе не трудно миновать стражу. Ведь никто не станет задерживать столь знатных людей либо из почтения к ним, либо из страха. Затем у меня есть самый благовидный предлог, под которым мы и пройдем: я скажу, что только что прибыл из Персии и желаю передать известие от отца. Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать. Ведь лжем ли мы иди говорим правду – добиваемся одной цели – [выгоды]. Одни, правда, лгут, желая убедить ложью и [затем] извлечь для себя выгоду, так же как другие говорят правду, чтобы этим также приобрести корысть и заслужить больше доверия. Таким образом, мы стремимся [в обоих случаях] к одной цели, только разными путями. Если бы мы не искали выгоды, то, конечно, правдивый так же легко стал бы лжецом, как и лжец – правдивым. Итак, привратники, которые добровольно пропустят нас, вскоре получат награду. А кто посмеет противиться нам, с тем мы расправимся, как с врагом. Тогда мы проникнем во дворец и – за дело!''.

73. После этого Гобрий сказал вот что: ''Друзья! Когда еще, как не ныне, представится нам такой удобный случай отвоевать власть или погибнуть в тщетной борьбе за нее? Теперь над нами, персами, владыка мидянин, маг, и к тому же безухий. Те из вас, кто стоял при

смертном одре Камбиса, без сомнения помнят, какими проклятиями грозил отходящий царь персам, если они оставят власть в чужих руках. Тогда мы, конечно, не поверили ему, думая, что Камбис говорил это с целью обмануть нас. Поэтому я за то, чтобы принять совет Дария и не расходиться, а прямо с нашего собрания идти против мага''. Так сказал Гобрий, и все согласились с ним.

74. Пока эти [семеро персов] держали совет, случилось вот какое происшествие. Маги решили привлечь на свою сторону Прексаспа, оттого что ему пришлось на себе испытать жестокость Камбиса (царь ведь убил стрелой его сына); кроме того, и потому, что Прексасп был единственным человеком, кто знал о кончине Смердиса, которого он убил своей рукой; и, наконец, потому, что Прексасп пользовался большим уважением у персов. По этой же причине маги послали за ним, назвали его своим ''другом'' и связали клятвой строго хранить тайну и не открывать никому обмана, которым они одурачили персов. За это они сулили Прексаспу золотые горы. Получив согласие Прексаспа, маги дали ему второе поручение. Они объявили, что созовут всех персов под стены царского дворца, а он должен с башни заверить народ, что над ним действительно царствует сын Кира, а не кто иной. Маги избрали на это именно Прексаспа, конечно, потому, что

персы доверяли ему больше всех и он часто заявлял, что Смердис, сын Кира, жив, решительно отрицая его убиение.

75. Прексаспъ изъявил свою готовность, и маги, созвав народ, велели ему взойти на башню и [оттуда] обратиться к народу. А Прексаспъ намеренно позабыл об их приказаниях. Речь свою он начал с [Кирова] родоначальника Ахемена и перечислил всю родословную Кира. Когда же в заключение дошел до Кира, то прославил благодеяния его персидскому народу; а, перечислив эти благодеяния, он, наконец, раскрыл всю тайну. До сих пор, по его словам, он молчал обо всем, так как признаться было опасно. А ныне настало время, когда необходимо открыть всю правду. Так вот, Прексаспъ рассказал, как он по повелению Камбиса сам, своими руками, умертвил Кирова сына, а теперь, по его словам, [над персами] царствуют маги. Затем он призвал страшные проклятия на главы пер сов, если те не отнимут власть у магов и не отомстят им, и стремглав ринулся с башни. Такова была славная кончина Прексаспа, который всю жизнь прожил как достойный человек.

76. А семь персов между тем решили немедленно напасть на магов. Помолившись богам, они выступили [к дворцу], еще ничего не ведая об участи Прексаспа. Свернув с дороги, они стали еще раз держать совет. Отан и его сторонники настоятельно советовали отложить дело,

пока не утихнет народное волнение. Дарий со своими приверженцами были за немедленное выполнение замысла и против всякой отсрочки. Когда они еще спорили, появилось семь пар ястребов, которые, преследуя две пары коршунов, рвали и терзали их. Увидев это знамение, все семеро приняли совет Дария и направились во дворец, ободренные явлением вещих птиц.

77. Когда семь [заговорщиков] подошли к [дворцовым] воротам, произошло именно то, что ожидал Дарий. Стража почтительно пропустила знатных персов, совершенно не подозревая их намерений. Боги вели их, и никто [из стражи] ни о чем их не спрашивал. Так они проникли во двор, где их встретили евнухи, докладывавшие царю. Евнухи же стали расспрашивать заговорщиков, что им нужно здесь, и, расспрашивая, осыпали бранью привратников, зачем те пропустили их. Дальше идти евнухи запрещали. А заговорщики, подав друг другу знак, выхватили свои кинжалы и пронзили на месте тех, кто им препятствовал. Сами же бегом устремились в мужские покои.

78. А в это время оба мага как раз находились во дворце и совещались о поступке Прексаспа. Так вот, услышав шум и крики евнухов, они бросились назад и, как только поняли, что происходит, взялись за оружие. Один из них второпях схватил лук, а другой – копье, и началась

рукопашная схватка. Тот, у кого был лук, не мог пустить его в ход, так как заговорщики были уже слишком близко и теснили их. Другой же защищался копьем и ранил Аспафина в бедро, а Интафрена в глаз. Интафрен лишился глаза, но, впрочем, не умер от раны. Так один из магов ранил двоих персов. Другой же, так как его лук оказался бесполезен, нашел убежище в покое, выходившем на мужскую половину, и хотел запереть за собой дверь. Однако вместе с ним туда успели ворваться двое из семи [заговорщиков] – Дарий и Гобрий. Гобрий схватился с магом, а Дарий стоял около в нерешительности, боясь в темноте поразить Гобрия. А Гобрий, заметив, что Дарий бездействует, закричал, почему тот не наносит удара. Дарий отвечал: "Боюсь, как бы не поразить тебя". Гобрий возразил на это: "Рази мечом нас обоих!". Дарий повиновался, нанес удар кинжалом и по счастью поразил мага.

79. Умертвив магов, заговорщики отрубили у них головы. Раненых же [товарищей] они оставили на месте, так как те были слишком слабы, а также для охраны дворца. Остальные же пятеро, захватив с собой головы магов, с криком и шумом выскочили из дворца. Затем они созвали прочих персов, объяснили им, что произошло, показывая отрубленные головы, и стали убивать всех магов, попадавшихся на пути. Когда же персы узнали о

подвиге семерых и об обмане магов, то не захотели отстать [от заговорщиков]: они выхватили свои кинжалы и бросились убивать всех магов, каких только могли найти; и если бы не наступила ночь, то ни одного мага не осталось бы в живых. Этот день все персы считают величайшим праздничным днем и справляют его весьма торжественно. А зовется у персов этот праздник "избиение магов". Ни одному магу нельзя в то время показаться на улице, и все они сидят дома.

80. Когда волнение улеглось и прошло пять дней, заговорщики стали совещаться о [будущем] устройстве государства. Они держали речи, которые иным эллинам, правда, кажутся невероятными, но все же действительно были произнесены. Так, Отан высказался за то, чтобы передать власть всему персидскому народу. Он сказал: "По-моему, не следует опять отдавать власть в руки одного единодержавного владыки. Это и неприятно, и нехорошо. Вы знаете ведь, до чего дошло своеволие Камбиса, и испытали на себе высокомерие мага. Как же может государство быть благоустроенным, если самодержец волен творить все, что пожелает? И действительно, если бы даже самый благородный человек был облечен такой властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям. От богатства и роскоши, его окружающих, в нем зарождается высокомерие, а зависть и

без того присуща человеческой натуре. А у кого два этих порока, у того уже они все. Он творит множество преступных деяний: одни – из-за пресыщения своеволием, другие – опять таки из зависти. Конечно, такой властитель должен бы быть лишен зависти, так как ему, как государю, принадлежит все. Однако самодержец по своей натуре поступает со своими подвластными, [исходя из] совершенно противоположного [взгляда]. Ведь он завидует «лучшим» людям за то только, что те здравы и невредимы, а любит самых дурных граждан. Более всего он склонен внимать клевете. Это человек, с которым ладить труднее всего на свете. За сдержанное одобрение [его поступков] он распаляется, видя в этом недостаточную почтительность, а за высокое уважение он недоволен тобой, как льстецом. Но вот я перехожу к самому плохому: он нарушает отеческие обычаи и законы, насилует женщин, казнит людей без суда. Что до народного правления, то оно, прежде всего, обладает преимуществом перед всеми [другими] уже в силу своего прекрасного имени – «исономия». Затем народ правитель не творит ничего из того, что позволяет себе самодержец. Ведь народ управляет, [раздавая] государственные должности по жребию, и эти должности ответственны, а все решения зависят от народного собрания. Итак, я предлагаю уничтожить единовластие и сделать народ

владыкой, ибо у одного народоправства все блага и преимущества''[40].

81. Таково было мнение Отана. Мегабиз же советовал передать власть олигархии и говорил вот что: ''То, что сказал Отан об отмене самодержавной власти, повторю и я. Но что до его второго предложения – отдать верховную власть народу, то это далеко не самый лучший совет. Действительно, нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни. Поэтому недопустимо нам, спасаясь от высокомерия тирана, подпасть под владычество необузданной черни. Ведь тиран, по крайней мере, знает, что творит, а народ даже и не знает. Откуда же, в самом деле, у народа разум, если он не учен и не имеет никакой врожденной доблести? Очертя голову, подобно [бурному] весеннему потоку, без смысла и рассуждения, бросается народ к кормилу правления. Пусть ценит народное правление лишь тот, кто желает зла персам! Мы же облечем верховной властью тесный круг высшей знати (в их числе будем и мы). Ведь от «лучших» людей, конечно, исходят и лучшие решения [в государственных делах]''[41].

82. Таково было мнение Мегабиза. Третьим же объявил свое мнение Дарий в таких словах: ''По-моему, Мегабиз верно отозвался о народе; на олигархию же у меня взгляд иной. Если мы возьмем из трех предложенных нам на выбор

форм правления каждую в ее самом совершенном виде, т.е. совершенную демократию, совершенную олигархию и совершенную монархию, то последняя, по-моему, заслуживает гораздо большего предпочтения. Ведь нет, кажется, ничего прекраснее правления одного наилучшего властелина. Он безупречно управляет народом, исходя из наилучших побуждений, и при такой власти лучше всего могут сохраняться в тайне решения, [направленные] против врагов. Напротив, в олигархии, если даже немногие [лучшие] и стараются приносить пользу обществу, то обычно между отдельными людьми возникают ожесточенные распри. Ведь каждый желает первенствовать и проводить [в жизнь] свои замыслы. Так у них начинается яростная вражда между собой, отчего проистекают смуты, а от смут – кровопролития. От кровопролитий же дело доходит до единовластия, из чего совершенно ясно, что этот последний образ правления – наилучший. При демократии опять таки пороки неизбежны, а лишь только низость и подлость проникают в общественные дела, то это не приводит к вражде среди подлых людей, а, напротив, [между ними] возникают крепкие дружественные связи. Ведь эти вредители общества обычно действуют заодно, [устраивая заговоры]. Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный [вождь] быстро становится

единодержавным властителем. Отсюда еще раз ясно, что единовластие – наилучший образ правления. Наконец, одним словом: откуда у нас, персов, свобода? Кто даровал ее нам? Народ, лучшие люди или единодержавный властитель? По моему, все же если свобода дарована нам единодержавным властителем, то мы должны крепко держаться этого [образа правления] и вообще не нарушать добрых отеческих обычаев, ибо «мало хорошего в этом»''[42].

83. Таковы были эти три мнения. А четверо остальных из семи примкнули к мнению Дария. Когда же Отан, который стремился ввести у персов демократию, понял, что его предложение отвергнуто, то сказал собравшимся вот что: ''Друзья! Итак, решено, что один из нас станет царем. Будет ли он избран по жребию, решением персидского народа или как-нибудь иначе – я, во всяком случае, не буду соперничать с вами. Не желаю я ни сам властвовать, ни быть подвластным и отказываюсь от престола с тем условием, чтобы ни сам я, ни мои потомки никогда не подчинялись никому из вас''. После таких слов все шестеро согласились на его просьбу. Поэтому Отан отказался от царства и остался в стороне от борьбы за власть. И поныне еще его дом – единственный независимый дом от царя в Персии –

подчиняется царской власти, поскольку сам желает этого, но не должен нарушать персидские законы.

84. Остальные же шестеро [персов] стали держать совет, как справедливее всего поставить царя. Прежде всего, они решили: если один из них будет избран царем, то должен жаловать Отану и всем его потомкам ежегодно по наилучшей мидийской одежде и [посылать] другие самые почетные дары, обычные в Персии. А решили они жаловать ему эти дары ради того, что он первым задумал восстание и привлек [всех] их к заговору. Таковы были особые преимущества, предоставленные Отану. А для всех семерых было постановлено, чтобы каждый из них по желанию мог входить без доклада в царский дворец, если только царь не почивает у своей жены. Далее, царь должен был брать себе супругу только из семейств заговорщиков[43]. О царской же власти они решили вот что: чей конь первым заржет при восходе солнца, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царем.

85. Был у Дария конюх, сметливый парень, по имени Эбар. Этому то человеку Дарий после собрания сказал вот что: "Эбар, вот как мы решили о царской власти. Чей конь первым заржет при восходе солнца, когда мы поедем верхом, тот и будет царем. Если ты знаешь какое-нибудь хитрое средство, то устрой так, чтобы я, а не кто другой получил [персидский престол]". Эбар ответил так:

“Господин! Если только от этого зависит, быть тебе царем или нет, то соберись с духом и не беспокойся, так как раньше тебя никто не будет царем. Есть у меня такое зелье”. А Дарий сказал ему: “Так, если ты действительно знаешь какое-нибудь хитрое средство, то поспеши и не теряй времени: ведь завтра [рано утром] дело у нас должно решиться”. Услышав это, Эбар сделал вот что. С наступлением ночи он привел за ворота одну из кобылиц, которую жеребец Дария более всего любил, крепко привязал ее и затем подвел к ней жеребца. Много раз он обводил его вокруг кобылицы и, наконец, пустил покрыть ее.

86. На рассвете все шестеро мужей по уговору сели на коней. Когда они оказались за воротами и приблизились к тому месту, где прошлую ночь была привязана кобылица, конь Дария бросился вперед и заржал. На ясном небе в то же время сверкнула молния и загремели громовые раскаты. Это неожиданное значение посвятило Дария на царство, словно по предварительному условию. Тогда другие соскочили с коней, пали к ногам Дария и поклонились ему, как царю.

87. Так вот, по одному известию это [избрание Дария] подстроил Эбар. Но есть и другое известие (ведь персы рассказывают об этом событии двояко), будто тот же Эбар сунул руку в половые части кобылицы и затем

спрятал руку в штаны. Когда же затем с восходом солнца кони готовы были устремиться вперед, Эбар вытащил свою руку и поднес к ноздрям Дариева жеребца, а тот, почуяв кобылицу, зафыркал и заржал.

88. Так то Дарий, сын Гистаспа, был провозглашен царем[44]. И были ему подвластны, кроме арабов, все народы Азии, которые покорил Кир, а затем вторично Камбис. Арабы никогда не были под игом персов. Они стали, однако, друзьями персов после того, как пропустили Камбиса в Египет через свою землю[45]. Дарий взял себе в супруги знатнейших персиянок, во-первых, двух дочерей Кира – Атоссу и Артистону (Атосса уже была прежде женой своего брата Камбиса, а потом мага; Артистона же была еще девицей). Затем он вступил в брак с дочерью Смердиса, Кирова сына, по имени Пармис и, наконец, с дочерью Отана, которая раскрыла обман мага. Могущество Дария было беспредельно. Прежде всего, он повелел высечь из камня и поставить рельефное изображение[46]всадника с надписью, гласившей: "Дарий, сын Гистаспа, обрел себе персидское царство доблестью своего коня (следовало имя) и конюха Эбара".

89. А, сделав это, Дарий разделил персидскую державу на 20 провинций [округов], которые у персов называются сатрапиями[47]. Учредив эти округа и назначив их правителей, царь установил подати по племенам. Многие

соседние народности были объединены в одну сатрапию, а иногда. Кроме ближайших соседей, к ней присоединялись и народности другой, более далекой сатрапии. Распределение же сатрапий и ежегодных взносов податей он произвел следующим образом: тем, кто вносил подати серебром, царь назначил плату по весу вавилонского таланта, а платившим золотом – по евбейскому весу. Вес вавилонского таланта составляет 78 евбейских мин[48]. В царствование Кира и потом Камбиса не было еще установлено никакой определенной подати, но только добровольные дары. Из-за этого обложения данью и некоторых других подобных мероприятий Дария в Персии говорили, что Дарий был торгаш, Камбис – владыка, а Кир – отец, потому что Дарий всю свою державу устроил по торгашески; Камбис – оттого, что был жесток и высокомерен; а Кир – оттого, что был милостив и ему они обязаны всеми благами.

90. От ионян же, азиатских магнетов, эолийцев, карийцев, ликийцев, милиев и памфилов (ибо для всех них была установлена единая подать) поступало 400 талантов серебра. Это была первая область, установленная царем[49]. А от мисийцев, лидийцев, ласонцев, кабалиев и гитеннов [поступало] 500 талантов. Это был второй округ. От геллеспонтийцев по правую сторону от входа, затем от фригийцев, азиатских

фракийцев, пафлагонов, мариандинов и сирийцев налоги и подати составляли 360 талантов. Это был третий округ[50]. Из Киликии доставляли 360 белых коней (по одному на каждый день в году) и 500 талантов серебра. Из них 140 талантов расходовалось на содержание конницы, охранявшей Киликию, а 360 талантов получал Дарий. Это – четвертый округ.

91. Область от города Посидея, основанного Амфилохом, сыном Амфиарая, на границе между Киликией и Сирией, до Египта, кроме Аравийской земли, свободной от податей, должна была платить 350 талантов подати. В этот округ входят вся Финикия, так называемая палестинская Сирия и Кипр. Это пятый округ[51]. Из Египта, из соседней с Египтом части Ливии, Кирены и Барки[52], которые были включены в египетский округ, получалось 700 талантов, не считая доходов с рыбной ловли на Меридовом озере. Так вот, помимо этих денег и поступающего в счет подати хлеба, с этого округа взималось еще 700 талантов. Ведь для персов и наемников, занимавших Белую крепость в Мемфисе, доставляется 120 000 медимнов хлеба. Это – шестой округ[53]. Саттагиды же вместе с гандариями, дадиками и апаритами платили 170 талантов. Это – седьмой округ[54]. Из Сус и остальной Киссии поступало 300 талантов. Это – восьмой округ[55].

92. Вавилон же и остальная Ассирия платили 1000 талантов серебра и доставляли 500 оскопленных мальчиков. Это – девятый округ[56]. Акбатаны, остальная Мидия, парикании и ортокорибантии платили 450 талантов. Это – десятый округ[57]. Каспии же, павсики, пантимафы и дариты вместе платили 200 талантов. Это – одиннадцатый округ[58]. Народности от бактрийцев до эглов платили 300 талантов подати. Это – двенадцатый округ[59].

93. Из Пактики, Армении и соседних областей до Евксинского Понта поступало 400 талантов. Это – тринадцатый округ[60]. Сагартии, саранги, фаманеи, утии, мики и жители островов Красного моря, куда царь выдворяет так называемые переселенные народности, вместе платили 600 талантов. Это – четырнадцатый округ[61]. Саки и каспии платили 250 талантов. Это – пятнадцатый округ[62]. Парфяне же, хорасмии, согдийцы и арии платили 300 талантов. Это – шестнадцатый округ[63].

94. Парикании и азиатские эфиопы платили 400 талантов. Это – семнадцатый округ[64]. На матиенов, саспиров и алародиев была наложена подать в 200 талантов. Это – восемнадцатый округ[65]. Мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было приказано платить 300 талантов подати. Это –

девятнадцатый округ[66]. Что до индийцев, то этот самый многочисленный народ из всех нам известных и подать должен был платить самую большую сравнительно с другими, именно 360 талантов золотого песку. Это – двадцатый округ[67].

95. Так вот вавилонские серебряные таланты в переводе на евбейский вес составляют 9880 талантов, и если принять отношение золота к серебру как 1 к 13, то ценность золотого песка составляет 4680 евбейских талантов. Таким образом, общая сумма всех ежегодных поступлений Дарию составляла 14 560 евбейских талантов. При этом цифры более мелких доходов я не принимаю в расчет.

96. Эти подати поступали Дарию из Азии и из небольшой части [стран] Ливии. Позднее стали доставлять также подати с эллинских островов и от европейских народностей вплоть до фессалийцев. А сохраняет царь эти свои сокровища, вот каким образом: он приказывает, расплавив металл, выливать его в глиняные сосуды. Когда сосуд наполнен, его разбивают. Всякий раз, когда нужны деньги, царь велит отрубать, сколько требуется золота.

97. Таковы были эти округи и размеры податей. Только одну Персидскую землю я не упомянул в числе земель, обложенных данью, потому что персы живут в

стране, свободной от податей. Но есть еще народности, которые, правда, не платят дани, а доставляют дары. Это – эфиопы, живущие на границе с Египтом[68] (их покорил Камбис во время похода на долговечных эфиопов); затем обитатели области у священной Нисы[69], которые справляют известные празднества в честь Диониса. Эти эфиопы и соседние с ними народы такого же происхождения, как и каллатии в Индии; они живут в подземных жилищах. Оба эти эфиопских племени доставляют в дар царю, каждые три года (и делают это до нашего времени) 2 хеника самородного золота, 200 стволов эбенового дерева, 5 эфиопских мальчиков и 20 больших слоновых клыков. Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта[70] (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных даров. Так вот, эти народы еще и поныне посылают царю по 100 мальчиков и 100 девочек. Наконец, арабы ежегодно посылают 1000 талантов ладана. Эти дары они шлют царю помимо подати[71].

98. Большое количество этого золота, часть которого индийцы посылают царю в виде упомянутого золотого песка, добывают вот каким способом. На востоке Индийской земли есть песчаная пустыня[72]. Ведь из всех известных нам восточных азиатских народов у восхода

солнца индийцы – первый народ, о котором у нас есть, по крайней мере, определенные сведения. Ибо восточнее Индии простираются пески и пустыня. В Индии есть много разных племен, говорящих на разных языках. Некоторые из них кочевники, другие же – нет. Одни обитают в болотистой дельте реки [Инда] и питаются сырой рыбой, которую они ловят со своих бамбуковых лодок (целая лодка делается из одного колена этого бамбука). Эти индийские племена носят одежды из тростникового [лыка]. Тростник они срезают в реке, затем разделяют на полосы, сплетают наподобие циновок и носят в виде панциря.

99. Далее к востоку обитают кочевые индийские племена, питающиеся сырым мясом. Они называются падеями[73]. Обычаи их, по рассказам, вот какие. Когда кто-нибудь – мужчина или женщина – занедужит, то, если это мужчина, его убивают ближайшие друзья – мужчины же. Ведь, по их словам, недуг, снедающий больного, загубит для них его мясо. А тот уверяет, что вовсе не страдает от недуга. Они же, не внимая его словам, умерщвляют его и затем поедают труп. Если же недуг поражает женщину, то ближайшие родственницы больной поступают с ней так же, как мужчины. Что же касается старцев, то их торжественно закалывают [и приносят] в жертву [божеству] и также съедают. Впрочем, до преклонного возраста доживает у них немного

людей, так как всякого убивают уже раньше, если он страдает каким-нибудь недугом.

100. Есть индийские племена, которые держатся иных обычаев, а именно вот каких. Они не убивают ни одного живого существа, не трудятся на нивах, нет у них жилищ, а питаются они травой. В их стране дико растет одно растение, стручки которого величиной с просяное зерно. Эти зерна они собирают вместе с шелухой, варят и употребляют в пищу. Если кого-нибудь из них поражает недуг, то он уходит в пустыню и там ложится. Никто уже не заботится ни об умирающем, ни о страждущем[74].

101. У всех названных индийских племен половое общение совершается открыто, как у скота. Цвет кожи у всех их одинаковый, именно такой, как у эфиопов. Так же и семя, которым они оплодотворяют женщин, не белое, как у остальных народов, а черное, под цвет их кожи. Такое же [черное] семя и у эфиопов. Эти индийские племена обитают еще дальше к югу от персов и никогда не подчинялись Дарию.

102. Другие индийские племена, напротив, обитают вблизи области Пактики и ее главного города Каспатира севернее прочих индийцев. По своему образу жизни они приближаются к бактрийцам. Это самое воинственное из индийских племен, и они уже умеют добывать золото. В их

земле есть песчаная пустыня, и в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но меньше лисицы[75]. Несколько таких муравьев, пойманных на охоте, есть у персидского царя. Муравьи эти роют себе норы под землей и выбрасывают оттуда наружу песок, так же как это делают и муравьи в Элладе, с которыми они очень схожи видом. Вырытый же ими песок – золотоносный, и за ним то индийцы и отправляются в пустыню. Для этого каждый запрягает в ярмо трех верблюдов, по бокам – верблюдов самцов, которые бегут рядом, как пристяжные, а в середине – самку верблюдицу. На нее они и садятся, выбирая преимущественно спокойную, которая только что ожеребилась. Их верблюды быстротой не уступают коням, а помимо того, могут нести гораздо более тяжелые вьюки.

103. Описывать вид верблюда я не буду, потому что он известен в Элладе. Скажу только то, что не знают о верблюде. На задних ногах у верблюда четыре бедренных мускула и четыре сустава, и половые части, находящиеся между задними ногами, обращены к хвосту.

104. В такой верблюжьей упряжке индийцы отправляются за золотом с тем расчетом, чтобы попасть в самый сильный зной и похитить золото. Ведь муравьи от зноя прячутся под землей. Солнце в стране этих народов самое знойное утром, а не как в других

местах в полдень. Лишь около полудня, когда у нас расходится рынок, солнце стоит там уже высоко на небо. Именно в это время оно припекает там гораздо сильнее, чем в полдень в Элладе, так что, по рассказам, люди должны в это время освежаться купаньем. А в полдень в Индии солнце припекает почти так же сильно, как и в других странах, после полудня же солнце сияет там так же ярко, как у нас утром. А затем солнце делается все холоднее, пока при закате не станет совершенно холодным[76].

105. Когда индийцы приедут на место с мешками, то наполняют их [золотым песком] и затем как можно скорее возвращаются домой. Муравьи же тотчас, по словам персов, по запаху почуяв их, бросаются в погоню. Ведь ни одно животное не может сравниться с этими муравьями быстротой [бега], так что если бы индийцы не успели опередить их (пока муравьи соберутся), то никто бы из них не уцелел. Так вот, верблюдов самцов (те ведь бегут медленнее самок и скорее устают) они отвязывают в пути и оставляют муравьям (сначала одного, потом другого). Самки же, вспоминая оставленных дома жеребят, бегут без устали. Таким-то образом индийцы, по словам персов, добывают большую часть золота, а некоторое гораздо меньшее количество выкапывают из земли.

106. Окраины ойкумены по воле судьбы щедро наделены редчайшими и драгоценными дарами природы. Эллада же зато имеет самый умеренный [благодатный] климат. Самая крайняя страна на востоке, как я сказал, это Индия. И в Индии не только четвероногие животные и птицы гораздо большей величины, чем в других странах, кроме коней (они меньше мидийских, так называемых нисейских коней)[77], но там есть и несметное количество золота, добываемого из земли, частью приносимого реками или похищаемого описанным мною способом. А плоды дикорастущих деревьев дают здесь шерсть[78], по красоте и прочности выше овечьей шерсти. Одежды индийцев изготовляются из этой древесной шерсти.

107. А на юге самая отдаленная из населенных стран – это Аравия. И ни в одной другой земле, кроме Аравии, не растут ладан[79], мирра[80], касия, кинамом[81] и ледан[82]. Все эти благовония, за исключением мирры, арабы добывают с трудом. Так, ладан они получают, сжигая стирак[83], который ввозят в Элладу финикияне. Сжигая этот стирак, они получают ладан. Ведь деревья, дающие ладан, стерегут крылатые змеи[84], маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого дерева. Они же нападают и на Египет. От этих деревьев их нельзя ничем отогнать, кроме как курением стирака.

108. Арабы утверждают даже, что эти змеи наполнили бы всю землю, если бы с ними не происходило того же, что, как известно, происходит с гадюками. Божественный промысел[85], как это и естественно, в своей премудрости сотворил всех робких и годных в пищу животных весьма плодовитыми, чтобы у нас не было недостатка в пище, хищных же и вредоносных – малоплодовитыми. Так, на зайца охотятся все – звери, птицы и человек, и поэтому то он весьма плодовит. Это единственное животное, которое после зачатия одного плода [сразу же] зачинает второй. Поэтому то один детеныш у него уже во чреве матери покрыт шерстью, а другой еще голый, третий зародыш только что образуется, четвертого зайчиха еще зачинает. Таково это животное. Напротив, львица, самый мощный и свирепый хищник, рождает раз в жизни единственного детеныша. Ведь при родах она выбрасывает вместе с детенышем и матку. Причина же этого вот в чем. Когда детеныш в матке начинает шевелиться, то разрывает ее своими когтями, которые у него гораздо острее когтей всех прочих животных, и чем больше становится детеныш, тем сильнее он разрушает ее. Когда, наконец, наступают роды, то матка уже совершенно разрушена.

109. Точно так же, если бы гадюки и крылатые аравийские змеи рождались на свет так, как это заложено

в их змеиной природе, то жить на свете людям было бы невозможно. Однако, когда гадюки спариваются и самец уже готов испустить семя, самка вцепляется ему в шею и, ухватившись, не отпускает, пока не перегрызет. Так-то самец погибает, а самка должна за это поплатиться, так как детеныши еще в утробе матери мстят за отца: они перегрызают ей чрево и таким образом прокладывают себе выход на свободу. Другие же змеи, не опасные для людей, несут яйца и высиживают множество детенышей. Гадюки водятся на земле повсюду, тогда как крылатые змеи во множестве встречаются только в Аравии и больше нигде, отчего и думают, что их очень много.

110. Так-то арабы добывают этот ладан, а касию – следующим образом[86]. Они обвязывают все тело и лицо, кроме глаз, бычьими шкурами и разными кожами и в таком виде отправляются за касией. Она растет, правда, в мелком озере и вокруг него, а в этом озере живут крылатые звери, очень похожие на летучих мышей. Они испускают громкие крики и храбро нападают на людей. Арабам приходится отгонять этих зверей, защищая свои глаза, и таким образом срывать касию.

111. Корицу они собирают еще более удивительным способом. Где она растет и какая земля порождает это растение, они и сами не знают. Иные утверждают (и они, вероятно, правы), что корица растет в тех краях, где был

воспитан Дионис. По их рассказам, большие птицы приносят эти сухие полоски коры, которые у нас зовутся финикийским именем "кинамомон". А приносят их эти птицы в свои гнезда, слепленные из глины, на кручах гор, куда не ступала нога человека. Так вот, для добывания корицы арабы придумали такую уловку. Туши павших быков, ослов и прочих вьючных животных они разрубают сколь возможно большими кусками и привозят в эти места. Свалив мясо вблизи гнезд, они затем удаляются. А птицы слетаются и уносят куски мяса в свои гнезда. Гнезда же не могут выдержать тяжести и рушатся на землю. Тогда арабы возвращаются и собирают корицу. Собранную таким образом корицу из страны этих арабов вывозят затем в другие страны.

112. А ледан, который у арабов зовется ладаном, добывают еще более удивительным способом. Это вещество самое благовонное, хотя и происходит из самого зловонного места. Оно находится на бородах козлов и зарождается там, как смола на деревьях. Его применяют для многих благовонных мазей, и арабы употребляют его главным образом для курений.

113. О благовониях сказано достаточно: вся земля Аравийская благоухает божественным ароматом. Есть там две удивительные породы овец, которых нигде в другом месте не встретишь. У одной из них длинные

хвосты, не менее 3 локтей. Если бы позволить этим овцам волочить хвосты по земле, то от трения хвосты покрылись бы ранами. Но все пастухи там знают плотницкое дело настолько, что мастерят маленькие тележки и привязывают их под овечьи хвосты. Таким образом, у каждого животного под хвостом привязана такая тележка. Другая же порода овец имеет хвост даже до локтя шириной[87].

114. На юго западе Эфиопия[88]– самая крайняя населенная страна на земле. Эта страна очень богата золотом, и в ней водятся огромные слоны, всевозможные дикорастущие плодовые деревья, а также эбеновое дерево. Люди там очень высокого роста, красивые и самые долговечные.

115. Итак, это – самые отдаленные страны в Азии и в Ливии. Что же до самых отдаленных стран Европы, именно на западе, то я не могу сообщить о них ничего определенного. Я то ведь не верю в существование реки, называемой у варваров Эриданом[89], которая впадает в Северное море (оттуда, по рассказам, привозят янтарь). Я ничего не знаю также, существуют ли действительно острова Касситериды, откуда к нам привозят олово[90]. Ведь само название "Эридан" оказывается эллинским, а не варварским и придумано каким-нибудь поэтом. С другой стороны, несмотря на все мои старания, я не мог ни от

одного очевидца узнать подробности об этом море на севере Европы. Впрочем, верно то, что олово и янтарь привозят из самых далеких стран.

116. На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди – аримаспы. Но я не верю, что от природы вообще существуют одноглазые люди, а в остальном естество у них, как и у прочих людей. Во всяком случае, кажется, что эти окраины ойкумены, окружающие остальные земли, обладают продуктами, которые у нас считаются весьма ценными и редкими.

117. Есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горой, а через эту гору ведет пять узких проходов. Эта долина принадлежала некогда хорасмиям и лежит на границе земель хорасмиев, гирканов, парфян, сарангов и фаманеев[91]. Со времени же персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот, с этой окружающей [долину] горы стекает большая река по имени Акес. Эта река, разделенная на пять рукавов, прежде орошала земли упомянутых народов, так что из каждого прохода вытекал свой рукав. Однако со времени подчинения персам эти народы очутились вот в каком положении. Царь повелел закрыть горные проходы и построить на каждом шлюзы. Поэтому вода не могла больше вытекать

[через проходы], и долина, окруженная горами, обратилась в озеро, так как река разливается по равнине, но выхода не имеет. Так вот, те племена, которые прежде пользовались этой водой для орошения, стали терпеть ужасные лишения. Зимой, конечно, божество, как и в других местах, посылает также и им дожди; летом же просо и сесам, которые они сеют, постоянно испытывают недостаток влаги. Когда нет уже больше воды, они едут в Персию вместе с женами и, остановившись перед вратами царского дворца, начинают громко и жалостно вопить. Царь же, видя крайнюю нужду просителей, велит открыть шлюзы, ведущие в их страну. Когда же их земля вдоволь напитается водой, царь приказывает опять закрыть шлюзы и открыть другие, ведущие в землю тех племен, которые больше всего после них нуждаются в воде. Однако, как я узнал, царь взимает за открытие шлюзов большие суммы денег (сверх податей). Так обстоит дело.

118. А среди тех персов, свергнувших мага, был некто Интафрен, который тотчас после этого восстания был казнен за совершенное преступление. Он хотел войти в царский дворец, чтобы переговорить о чем-то с царем. Действительно, существовало постановление, что заговорщики могут свободно входить к царю без доклада, если только царь не спит на женской половине. Поэтому Интафрен не счел необходимым посылать кого-нибудь с

докладом и захотел, как один из семи, прямо войти. Страж дверей же и докладчик[92] не пропускали его, говоря, что царь находится на женской половине[93]. А Интафрен, думая, что они говорят неправду, сделал вот что. Выхватив свою саблю, он отрубил им уши и нос и нанизал их на поводья своего коня. Затем он обвязал поводья вокруг шеи несчастных и так отпустил их.

119. Тогда искалеченные слуги явились к царю и рассказали ему о причине учиненного над ними насилия. Дарий же, опасаясь, не совершен ли этот поступок с общего согласия всех шестерых, велел призвать к себе каждого из них поодиночке и стал допытываться, одобряют ли те этот поступок. Когда Дарий понял, что Интафрен совершил этот поступок без одобрения других, то велел схватить его вместе с сыновьями и всей родней, твердо убежденный, что тот с родней замыслил мятеж против него. А, схватив их, он велел бросить в темницу для обреченных на казнь преступников. Жена же Интафрена приходила к дворцовым вратам с плачем и жалобами. А так как она не переставала плакать, то Дарий, наконец, сжалился и послал сказать ей: "Женщина! Царь Дарий дарует для тебя свободу одному из твоих родных. Выбирай, кого ты хочешь!". А та, подумав, ответила так: "Если царь желает даровать мне жизнь одного, то я выбираю брата". Узнав об этом, царь удивился

ее выбору и велел снова спросить ее: “Женщина! Спрашивает тебя царь, с какой целью ты, оставив мужа и детей, предпочитаешь спасти жизнь брата, который тебе не так близок, как дети, и менее дорог, чем муж?”. На это она ответила так: “Царь! Супруг для меня, быть может, найдется (если божеству угодно) и другой, будут и другие дети, если этих потеряю. Но брата уже больше не будет, так как отца и матери у меня уже нет в живых. Это то и было у меня на уме, когда я давала тебе ответ”. Ответ этой женщины пришелся по душе Дарию, и он повелел освободить брата, за которого та просила, и, кроме того, из расположения к ней еще и старшего сына. Остальных же всех казнил. Итак, один из семи персов вскоре же погиб вышеописанным путем.

120. Около того времени, когда недуг поразил Камбиса, случились вот какие события. Сатрапом Сард Кир поставил перса Орета. Этот то человек возымел желание совершить гнусное дело: задумал захватить и погубить Поликрата Самосского, хотя тот не обидел его ни словом, ни делом и даже и в глаза его раньше не видал. Задумал же сатрап это, как обычно рассказывают, вот по какой причине. Перед вратами царского дворца сидели однажды Орет и другой перс, по имени Митробат, сатрап Даскилейской области. От мирной беседы [друг с другом] они перешли к ссоре. Когда они заспорили о том, кто из

них доблестнее, то Митробат бросил Орету упрек: “И ты еще считаешь себя мужем, а не мог завоевать остров Самос, лежащий против твоей сатрапии. Этим островом так легко овладеть, что один самосец с пятнадцатью гоплитами внезапным нападением захватил его и теперь он у них царем”. Услышав эти слова, Орет, как некоторые утверждают, будто бы задетый за живое насмешкой, возымел желание не столько отомстить оскорбителю, как совершенно погубить Поликрата, ради которого ему пришлось выслушать такую издевку.

121. Напротив, согласно менее известному преданию, Орет послал глашатая на Самос с какой то просьбой (а о чем он просил, не сообщается). Поликрат в это время сидел в мужском покое и с ним был Анакреон Теосский[94]. Умышленно ли Поликрат захотел показать свое пренебрежение Орету или это произошло случайно, только, когда глашатай Орета вступил в покой и передал поручение, Поликрат, который сидел, повернувшись к стене, не обратился [к глашатаю] и не дал никакого ответа.

122. Итак, о причинах гибели Поликрата передают два рассказа. Всякий волен верить, какому захочет. Во всяком случае, Орет из Магнесии на Меандре, где он тогда находился, послал лидийца Мирса, сына Гигеса, с известием на Самос к Поликрату, замыслы которого ему были

хорошо известны. Именно Поликрат, насколько мы знаем, первым из эллинов, если не считать Миноса, кносского царя, и тех, кто в прежнее время еще до него господствовал на море, задумал стать владыкой на море. Со времени героической эпохи, по крайней мере, до Поликрата никто не стремился покорить Ионию и острова. Итак, эти замыслы Поликрата были известны Орету, и поэтому то сатрап и отправил к нему посла вот с каким известием: "Орет так говорит Поликрату, Я узнал о твоих замыслах, но у тебя нет средств их осуществить. Если ты примешь мое предложение, то и себя осчастливишь, и меня спасешь. Ведь царь Камбис посягает на мою жизнь, и мне это точно известно. Поэтому спаси и мои сокровища, часть их возьми себе, а остальное оставь мне. С этими деньгами ты станешь властителем всей Эллады. Если же ты не веришь, что у меня так много денег, то пошли ко мне самого верного человека и я ему покажу их".

123. Услышав это, Поликрат с радостью согласился. Ведь тиран, я думаю, страстно желал [получить] эти сокровища и, прежде всего, послал осмотреть их Меандрия, сына Меандрия, одного из самосцев, который был у него писцом. Этот то человек немного спустя посвятил в храм Геры достопримечательные украшения из мужского покоя Поликратова дворца. Орет же, узнав, что надо ждать

прибытия соглядатая, сделал вот что. Он наполнил восемь сундуков камнями почти до краев, а сверху на камни наложил золота и, завязав сундуки, держал их наготове. Меандрий прибыл и, осмотрев [сундуки], донес Поликрату о том, что видел.

124. Тогда Поликрат, невзирая на настоятельные предупреждения прорицателей и друзей, сам отправился в Магнесию. Кроме того, и дочь его имела во сне вот какое видение. Представилось ей, что отец парит в воздухе и его омывает Зевс и умащает Гелиос. После этого сновидения дочь сделала все возможное, чтобы удержать Поликрата от поездки к Орету, и, когда тот уже вступил на борт 50 весельного корабля, она еще кричала, предрекая отцу несчастье. Он же угрожал дочери за это, что если вернется невредимым, то она еще долго останется девой. А дочь молила богов, чтобы отцовские угрозы исполнились, потому что предпочитала надолго остаться в девах, чем потерять отца.

125. Так вот, Поликрат, несмотря на все предостережения, отплыл к Орету с большой свитой приближенных. Среди них был и Демокед, сын Каллифонта из Кротона, врач, превосходивший искусством всех своих современников. По прибытии же в Магнесию Поликрат погиб позорной смертью, совершенно недостойной ни его деяний, ни [великих] замыслов. Ведь, кроме сиракузских

тиранов, ни один эллинский властитель не может сравниться могуществом и пышностью с Поликратом. После того как Орет умертвил Поликрата таким способом, о котором я не хочу даже рассказывать, он велел распять тело [несчастного]. Самосцев из свиты Поликрата сатрап отпустил, советуя еще поблагодарить за освобождение, а иноземцев и рабов оставил как пленников в рабстве. Сновидение же дочери Поликрата сбылось, когда он был распят: действительно, его омывал Зевс, именно когда шел дождь, и Гелиос умащал, когда от зноя тело его увлажнялось. Таков был конец великого счастливца Поликрата[95]. Амасис, египетский царь, предрек ему [печальную кончину].

126. Спустя немного, впрочем, и Орета постигла кара за Поликрата. После смерти Камбиса и после правления магов Орет оставался в Сардах, не участвуя в борьбе персов с мидянами, которые оспаривали у них власть. Напротив, во время этой смуты сатрап велел умертвить Митробата, правителя Даскилея, который некогда бросил ему упрек за отношение к Поликрату, а также и сына Митробата Кранаспа. Оба они были уважаемыми людьми в Персии. Орет совершал также и разные другие злодеяния. Так, например, сатрап велел убить на обратном пути гонца Дария, потому что был раздосадован вестью. Орет устроил гонцу засаду, послав

своих людей, и затем велел убить его, а тело спрятать вместе с конем.

127. Вступив на престол, Дарий задумал покарать Орета за все его преступления, и особенно за убийство Митробата с сыном. Так вот, послать тотчас войско против сатрапа царю казалось неудобным, так как [народное] брожение в стране еще не улеглось и сам он недавно вступил на престол. К тому же Дарий знал, что у Орета большая военная сила: у сатрапа лично была "тысяча" персидских телохранителей[96], а в его сатрапию входили Фригийская, Лидийская и Ионийская области. В таком положении Дарий придумал вот что. Царь призвал знатнейших персов и сказал им: "Персы! Кто из вас возьмется исполнить мое поручение, но только хитростью, без насилия и шума? Ведь все дело в хитрости, а насилие не нужно. Итак, кто из вас приведет мне Орета живым или мертвым? Орет не принес добра Персии, а лишь причинил много зла. Двоих из нашей среды он погубил – Митробата с сыном, а моих вестников, которые должны были призвать его ко мне, убил, показав этим свою нестерпимую наглость. Так вот, мы должны обуздать его, покарав смертью, пока он не натворил еще больших зол".

128. Так спрашивал Дарий, и тридцать персов решили взяться за это дело, причем каждый сам желал

исполнить [царское] поручение. Дарий же решил их спор, повелев бросить жребий. Тогда они стали метать жребий, и он выпал Багею, сыну Артонта. А Багей, избранный жребием, приступил к делу вот как. Он написал несколько разных грамот и приложил к ним печать Дария, а затем отправился в Сарды. По прибытии туда Багей явился к Орету и стал давать их царскому писцу[97]для прочтения, распечатывая по очереди (а такие писцы есть у всех сатрапов). Багей велел читать грамоты, чтобы испытать телохранителей, не готовы ли те изменить Орету. Заметив, что они с большим уважением относятся к грамотам и еще более – к их содержанию, [зачитанному] писцом, Багей подал писцу грамоту, в которой были слова: "Персы! Царь Дарий запрещает вам служить телохранителями Орета". А те, услышав это [повеление], опустили свои копья перед Багеем. Багей же, увидев, что телохранители повинуются [царскому] приказу, ободрился и дал писцу последнюю грамоту, которая гласила: "Царь Дарий повелевает персам в Сардах умертвить Орета". Как только телохранители услышали это повеление, они обнажили свои короткие мечи и убили сатрапа на месте. Так-то перса Орета постигла кара за убиение Поликрата Самосского. Рабы и богатые сокровища сатрапа были перевезены в Сусы.

129. Спустя немного после этого Дарий как-то на охоте за дикими зверями, соскакивая с коня, случайно вывихнул себе ногу. Вывих, вероятно, был такой сильный, что лодыжка вышла из сустава. При царе и раньше постоянно находились самые знаменитые египетские врачи, которые теперь должны были его лечить. Они стали силой вправлять царю вывих, но причинили еще больше вреда. Семь дней и семь ночей Дарий провел без сна от боли. На восьмой же день, когда царю не стало лучше, кто-то из приближенных, слышавший ранее в Сардах об искусстве кротонца Демокеда, сообщил об этом Дарию. А Дарий приказал тотчас же привести к нему Демокеда. Демокеда нашли где-то среди рабов Орета совершенно забытым, в оковах и рубище и привели к царю.

130. Когда Демокед предстал перед Дарием, царь спросил его, знает ли он врачебное искусство. А тот не признался, опасаясь, что если откроется, то его никогда уже не отпустят в Элладу. Дарий же понял, что Демокед, зная врачебное искусство, только притворяется, и приказал слугам принести плети и скорпионов. Тогда Демокед открылся, но все же сказал, что знаком с искусством врачевания далеко не вполне, а лишь отчасти и то благодаря знакомству с одним врачом. Когда же после этого Дарий вверился его лечению, то Демокед с помощью эллинских целительных снадобий и успокоительных средств

вместо грубых [лекарств египтян] возвратил царю сон и за короткое время совершенно восстановил здоровье, хотя тот уже потерял надежду вылечить ногу. За это Дарий пожаловал Демокеду две пары золотых оков. А тот спросил царя, не хочет ли Дарий в награду за исцеление сделать его вдвойне несчастным. Царю этот ответ пришелся по душе, и он послал Демокеда к своим женам. Евнухи привели его на женскую половину и сказали женам, что это и есть тот человек, который спас жизнь царю. Тогда каждая из них зачерпнула чашей золота из сундука и подарила Демокеду. Это был столь щедрый дар, что даже его слуга по имени Скитон, подбирая упавшие из чаш золотые статеры, набрал себе еще много золота.

131. А этот Демокед вот каким образом прибыл из Кротона ко двору Поликрата. Он жил в Кротоне, [постоянно] ссорясь с отцом, человеком крутого нрава. Когда он уже не мог больше переносить такой жизни, то, оставив [отчий дом], уехал на Эгину. Поселившись там, он в первый же год превзошел искусством всех прочих врачей, хотя у него и не было инструментов, необходимых для врачевания. На второй год город эгинцев нанял его на службу за талант серебра, а на третий год афиняне – за 100 мин, на четвертый же – Поликрат за 2 таланта. Так он прибыл на Самос. Этому то человеку больше всего обязаны славой кротонские врачи[98]. Это было время,

когда кротонские врачи считались первыми в Элладе, а киренские – вторыми. Тогда же аргосцы слыли мастерами в музыкальном искусстве.

132. Так вот, Демокед, исцелив Дария, получил в Сусах огромный дом для жилья и даже был принят в число сотрапезников царя[99]. И вообще ему было позволено все, кроме одного, – возвращения в Элладу. Так он спас от казни своим заступничеством египетских врачей, прежде пользовавших царя (их хотели распять за то, что они оказались хуже эллинского врача). Затем он спас также прорицателя из Элиды, который [раньше] находился в свите Поликрата, а теперь жил в совершенном пренебрежении среди [бывших] рабов [Орета]. Одним словом, Демокед был весьма важной персоной у царя.

133. Через некоторое время после этого случилось вот какое другое происшествие. У Атоссы, дочери Кира, супруги Дария, появился на груди нарыв, который, затем прорвавшись, стал распространяться дальше. Пока нарыв был еще небольшим, Атосса от стыда скрывала его, не показывая никому. Когда же нарыв стал опасным, она послала за Демокедом и показала ему. А тот, обещав исцелить, взял с нее клятву, что она окажет за это ему взаимную услугу, когда он попросит (но он не будет просить ее ни о чем постыдном).

134. Когда затем Демокед своим врачеванием исцелил ее, то Атосса (по наущению Демокеда) сказала возлежавшему с ней на ложе Дарию вот какие слова: “Царь! При всем твоем великом могуществе ты бездействуешь. Еще ни один народ ты не покорил персам и не преумножил персидской державы. Человеку молодому, как ты, властителю великих сокровищ, следует прославить себя великими подвигами, дабы персы знали, что над ними властвует муж. Это пойдет тебе вдвойне на пользу: персы будут знать, что во главе их стоит муж, и, занимаясь войной, они не будут иметь досуга, чтобы восставать против тебя. Теперь, пока ты еще молод, ты можешь совершить великий подвиг. Ведь с ростом тела растут и духовные силы, а когда тело начинает стареть, то с ним вместе дряхлеет и дух и уже неспособен к великим свершениям”. Так сказала Атосса по наущению Демокеда, а царь отвечал ей: “Жена! Все, о чем ты говоришь, я и сам думаю совершить. Я ведь собираюсь перекинуть мост с нашего материка на другой и идти на скифов. И это скоро должно свершиться”. Атосса же отвечала на это вот что: “Нет! Тебе не следует сначала идти на скифов. Ведь они будут в твоей власти, как только ты пожелаешь. Ты должен ради меня идти в поход на Элладу. Мне рассказывали о лаконских, аргосских, аттических и коринфских женщинах, и я желаю, чтобы они

были у меня служанками. А у тебя есть человек, который лучше всякого другого может дать подробные сведения об Элладе и быть проводником. Это тот врач, который исцелил твою ногу''. А Дарий сказал: ''Жена! Если, по-твоему, нам следует, прежде всего, обратиться против Эллады, то лучше всего, я думаю, сначала послать туда соглядатаев из персов и вместе с ними эллина, о котором ты говоришь. Они разузнают все и сообщат нам о положении дел в Элладе. А тогда я, все, хорошо разузнав, начну войну с эллинами''.

135. Как он сказал, так и сделал. На следующее утро царь призвал пятнадцать знатных персов и приказал им вместе с Демокедом объехать все побережье Эллады и смотреть, чтобы он не убежал, и во что бы то ни стало привезти его назад. Отдав им такие приказания, Дарий снова призвал к себе Демокеда и просил его показать всю Элладу этим персам и затем возвратиться назад. При этом царь велел ему взять с собой все свое добро и отвезти в подарок отцу и братьям с обещанием, что [по возвращении] воздаст ему взамен сторицею. Сверх всего этого Дарий объявил, что дает Демокеду в дорогу еще грузовой корабль со всяким добром. Царь говорил ему все это, мне думается, без всякой задней мысли. А Демокед, опасаясь, не хочет ли Дарий его испытать, не кинулся с жадностью на все эти подарки, но объявил, что оставит

все свое добро здесь, чтобы по возвращении снова владеть им, но грузовой корабль, пожалованный царем его братьям, он принимает. С таким поручением Демокеду Дарий послал их в море.

136. Спустившись [вдоль берегов] в Финикию, посланцы прибыли в финикийский город Сидон. Там персы немедленно снарядили две триеры и, кроме того, еще финикийское грузовое судно с разным добром. Когда все было готово, они поплыли в Элладу и, держась близ эллинских берегов, осматривали и описывали их. После того как персы осмотрели большинство самых известных мест на побережье, они прибыли в италийский город Тарант. А здесь Аристофилид, царь тарантинцев, по просьбе Демокеда велел снять кормила у мидийских кораблей, а самих персов заключил в темницу как соглядатаев. В то время как персов постигла такая беда, Демокед успел бежать в Кротон. А когда он прибыл в свой родной город, Аристофилид освободил персов и отдал им кормила.

137. Оттуда [из Таранта] персы поплыли в погоню за Демокедом и прибыли в Кротон. Там они нашли Демокеда на рынке и схватили его. Часть кротонцев, опасаясь могущества персов, была готова выдать Демокеда персам, а другие в свою очередь схватили его и стали бить персов палками. А те начали их укорять такими словами: “Кротонцы! Подумайте, что вы делаете. Ведь вы хотите

отнять у царя беглого раба. Неужели царь Дарий снесет подобное оскорбление? Неужели ваша выходка кончится добром, если вы похитите его у нас? На ваш город, прежде всего, пойдет войной персидский царь и первым он постарается обратить его в рабство''. Такими словами, однако, персам не удалось запугать кротонцев. Так вот, им пришлось отплыть назад в Азию, оставив Демокеда и грузовое судно, которое везли с собой. Дальше они уже не пытались осматривать берега Эллады, лишившись своего проводника. При отплытии персов Демокед все же дал им вот какое поручение: он велел передать Дарию, что он, Демокед, взял себе в жены дочь Милона. Ведь о знаменитом борце Милоне часто шла речь у царя. Поэтому то, как я думаю, Демокед и ускорил этот брак, истратив на это огромные деньги, именно чтобы показать Дарию, что он и в своем отечестве был знаменитым человеком[100].

138. Персы же после отплытия из Кротона были занесены [ветрами] в Иапигию. Там их обратили в рабство, а Гилл, тарантинский изгнанник, выкупил и отвез к царю Дарию. Дарий же за эту [услугу] посулил ему в награду все, что он сам пожелает. Гилл просил царя вернуть его в Тарант и рассказал историю своего изгнания. Но, чтобы не вызвать возмущения в Элладе (если из-за него сильный флот нападет на Италию), Гилл уверял, что у одних книдян достаточно силы для

возвращения его из изгнания. По его мнению, книдянам, как друзьям тарантинцев, легче всего удастся вернуть его в родной город. Дарий дал свое согласие [на это] и отправил вестника в Книд с повелением вернуть Гилла в Тарант. Книдяне повиновались царю, но не смогли, однако, убедить тарантинцев [принять изгнанника], а для того, чтобы применить силу, они были слишком слабы. Так кончилось это дело, и те персы были первыми, прибывшими в Элладу из Азии по упомянутой причине, как соглядатаи.

139. Затем царь Дарий завоевал Самос – первый из эллинских и варварских городов. Причина войны была вот какая. Когда Камбис, сын Кира, отправился в египетский поход, много эллинов также прибыло в Египет. Одни [приехали], вероятно, для торговли, другие – как участники похода, а третьи, наконец, просто хотели посмотреть страну. Среди этих последних был Силосонт, сын Эака, изгнанный брат Поликрата Самосского. Этому то Силосонту выпало великое счастье. Однажды, одетый в красный плащ, он прогуливался по рынку в Мемфисе. Увидел его Дарий, который, будучи телохранителем Камбиса, еще не имел тогда особого веса, и так прельстился плащом, что, подойдя к Силосонту, стал торговать плащ. А Силосонт, видя сильное желание Дария получить этот плащ, сказал (как бы по внушению некоего бога): “Я не продам его ни за что, но хочу тебе подарить, если уж ты

непременно хочешь его иметь''. Дарий был очень доволен и взял плащ.

140. Так вот, Силосонт думал тогда, что лишился плаща по простоте душевной. А через некоторое время, после кончины Камбиса, когда семь персов свергли мага и из этих семи Дарий был избран царем, тогда Силосонт узнал, что персидский престол достался тому самому человеку, которому он некогда подарил по его просьбе плащ. Так вот, Силосонт отправился в Сусы, сел перед вратами царского дворца и объявил, что он ''благодетель'' царя Дария. Услышав эти слова, страж дверей[101] передал их царю, и Дарий с удивлением сказал ему: ''Кто этот эллин, которому я обязан благодарностью? Ведь я лишь недавно вступил на престол, и за это время едва ли какой-нибудь эллин посетил нас. Я ничем, так сказать, не обязан никому из эллинов. Впрочем, приведите его, и я посмотрю, чего он добивается своими словами''. Страж дверей ввел Силосонта [в царские покои], и, когда тот предстал перед царем, толмачи спросили его, кто он и почему именует себя царским благодетелем[102]. Тогда Силосонт рассказал всю историю с плащом, добавив, что это он подарил царю плащ. На это Дарий ответил: ''Благородный человек! Так это ты сделал мне подарок, когда я еще не имел власти? Правда, этот подарок незначительный, но моя благодарность будет такой же,

как если бы теперь я получил откуда-нибудь великий дар. В награду я дам тебе без счета золота и серебра, чтобы тебе никогда не пришлось раскаиваться в том, что ты сделал добро Дарию, сыну Гистаспа''. Силосонт же отвечал на это: ''Не дари мне, царь, ни золота, ни серебра, но освободи и, пожалуй, мне родной город Самос, где ныне после убиения Оретом брата моего Поликрата властвует наш раб. Отдай мне этот город, но только без кровопролития и не обращая жителей в рабство''.

141. Услышав эти слова, Дарий послал войско во главе с Отаном, одним из [тех] семи персов, и повелел ему сделать все, о чем просил Силосонт. Отан же прибыл к морю и снарядил войско для переправы.

142. А на Самосе тогда властвовал Меандрий, сын Меандрия, которому Поликрат вверил бразды правления. Этот Меандрий желал быть самым справедливым властителем, но ему не довелось стать таким. Когда пришла весть о кончине Поликрата, Меандрий сделал вот что. Сперва он велел воздвигнуть алтарь Зевсу Освободителю и окружил его священным участком (он еще и поныне находится перед городскими воротами на Самосе). Затем он созвал собрание полноправных граждан и сказал вот что: ''Мне, как вам известно, Поликратом вверены скипетр и вся власть, и я мог бы стать ныне вашим царем. Однако я сам ни за что не стану делать

того, что порицаю в моем ближнем. Я ведь не одобрял владычества Поликрата над людьми, равными ему, и порицаю всякого, кто творит подобные деяния. Так вот, Поликрата постигла участь, определенная Роком, а я передаю всю власть народу и провозглашаю свободу и равенство. Однако я вправе просить предоставить мне вот какие особые преимущества: во-первых, выплатить из сокровищ Поликрата в виде особой награды шесть талантов, а затем, сверх того, пожаловать на вечные времена жречество Зевса Освободителя мне и моим потомкам. Ведь я сам воздвиг ему святилище и даровал вам свободу''. Так он объявил самосцам. А один из граждан встал и возразил ему: ''Да, ты вовсе и не достоин быть нашим владыкой, так как ты подлой крови и сволочь. Ну ка, лучше придумай, как дашь отчет в деньгах, которые присвоил''.

143. Так сказал один из уважаемых самосских граждан, по имени Телесарх. А Меандрий понял, что если он выпустит власть из своих рук, то вместо него кто-нибудь другой станет тираном, и больше уже не думал отказываться от нее. Он возвратился в акрополь и приказал гражданам поодиночке явиться к нему якобы для того, чтобы представить им денежный отчет, а затем велел схватить их и заключить в оковы. Пока они находились в темнице, Меандрия поразил какой-то недуг. А

брат его по имени Ликарет, ожидая смерти Меандрия, приказал казнить всех заключенных, чтобы легче [самому] захватить власть на Самосе. Ведь самосцы, видимо, не желали быть свободными!

144. Итак, когда персы [теперь] пришли на Самос, чтобы вернуть Силосонта, никто [из граждан] не поднял руки на них. Сторонники Меандрия и сам он объявили даже о согласии по договору покинуть остров. Отан согласился на это и заключил договор. Знатнейшие персы приказали выставить высокие сидения перед акрополем и воссели на них.

145. Был у тирана Меандрия полоумный брат по имени Харилай. Этот человек за какой-то проступок был посажен в подземелье. И вот, услышав о том, что происходит, он выглянул в окошко подземелья, увидел персов, мирно сидящих, и закричал Меандрию, что желает что-то сказать ему. Меандрий приказал снять с него оковы и привести к себе. Как только Харилая привели, он начал с бранью и поношением побуждать брата напасть на персов. Он говорил: "Негодяй! Меня, твоего брата, не совершившего ничего, достойного темницы, ты заключил в оковы и бросил в подземелье, а персов, которые тебя изгоняют и лишают крова, ты не смеешь покарать, хотя их так легко одолеть. Если же ты страшишься их, то дай мне этих наемников, и я отплачу персам за вторжение на

Самос. А тебя самого я готов изгнать с нашего острова! ''.

146. Так сказал Харилай, а Меандрий принял его предложение. Как мне думается, он все-таки не был настолько глуп, чтобы верить в победу своего войска над царским, но [поступил так] скорее из зависти к Силосонту, который должен был такой дешевой ценой получить во владение город невредимым. Поэтому он желал только раздражить персов и как можно более ослабить могущество Самоса и только тогда уже отдать его [персам]. Меандрий был совершенно уверен, что за потери, которые понесут, персы еще более озлобятся на самосцев, и знал, что ему то самому вполне обеспечено бегство с острова, когда только захочет (он приказал ведь тайно выкопать подземный ход из крепости к морю). Так вот, сам Меандрий отплыл с Самоса, а Харилай, вооружив всех наемников, отворил крепостные ворота и неожиданно бросился на ничего не подозревавших персов, которые считали, что договор заключен и все улажено. Наемники напали на знатных персов и стали убивать их. Вот что делали наемники! А остальное персидское войско поспешило на помощь, и наемники, теснимые персами, были отброшены в крепость.

147. Когда же Отан, персидский военачальник, увидел, какой страшный урон понесли персы, он позабыл о

повелении Дария при отъезде не убивать и не продавать в рабство ни одного самосца, но отдать остров Силосонту неразоренным. Поэтому, нарочно больше не думая об этом повелении, Отан приказал убивать всех, кто попадется, взрослых и детей. Часть персов принялась осаждать крепость, а другая – убивала всех встречных, кто искал убежища в святилище и вне его.

148. Меандрий же, которому удалось бежать с Самоса, отплыл в Лакедемон. Прибыв туда, он перевез в город бывшее с ним добро и сделал вот что. Он велел слугам выставить золотые и серебряные кубки и чистить их, а сам в это время беседовал и провожал домой Клеомена, сына Анаксандрида, царя Спарты. При виде драгоценных кубков изумленный Клеомен пришел в восхищение. Меандрий же сказал царю, что тот может взять себе сколько хочет кубков, и повторил это предложение несколько раз. Однако Клеомен как благороднейший человек не согласился взять предложенные подарки. Опасаясь, что Меандрий подкупит других граждан и все-таки получит [военную] помощь, царь пошел к эфорам и сказал им, что лучше всего для Спарты выслать из Пелопоннеса самосского чужестранца, чтобы тот не соблазнил его самого или других спартанцев на дурное дело. А эфоры послушались царя и приказали Меандрию удалиться.

149. Персы же, опустошив Самос, отдали обезлюдевший остров Силосонту. Однако позднее военачальник Отан вновь заселил остров. [Причина этого] – сновидение и некий недуг, поразивший его детородные части.

150. Во время похода персидского флота на Самос вавилоняне подняли восстание, прекрасно подготовленное. За время правления мага и заговора семи, в течение всего этого смутного времени, вавилоняне готовились к осаде и делали это, я полагаю, втайне. А когда началось открытое восстание, вавилоняне сделали вот что. Каждый выбрал себе по одной женщине (кроме матери), какую хотел; остальных же всех собрали вместе и задушили. А по одной женщине каждый оставил себе для приготовления пищи. Задушили же своих жен вавилоняне, чтобы не тратить на них пищи.

151. При известии о восстании Дарий выступил со всем войском против вавилонян. Подойдя к Вавилону, царь приступил к осаде города. А вавилонян осада вовсе не беспокоила: они поднимались на стенные зубцы и, кривляясь [и выкрикивая обидные слова], издевались над Дарием и его войском. Один из них сказал: "Что вы сидите здесь, персы, и бездельничаете? Убирайтесь ка лучше восвояси! Только когда лошачиха ожеребится, возьмете вы наш город!". Так

сказал какой-то вавилонянин в уверенности, что лошачиха никогда не жеребится.

152. Между тем прошел уже год и семь месяцев, и Дарий и все его войско были очень раздосадованы, что не могли взять Вавилон, несмотря на всяческие уловки и хитрости. Между прочим; царь пробовал также и хитрость, с помощью которой Кир некогда взял Вавилон, однако вавилоняне неусыпно несли стражу и перехитрить их он не мог.

153. Наконец на двадцатом месяце осады явилось Зопиру, сыну Мегабиза, – отец его был одним из семи мужей, свергнувших мага, – этому то Мегабизову сыну Зопиру явилось диковинное знамение[103]. Одна из его вьючных лошачих ожеребилась. Когда Зопиру сообщили об этом, он сначала не хотел верить, но, когда сам увидел жеребенка, запретил всем видевшим говорить об этом и стал обдумывать [знамение]. Он думал о предсказании вавилонянина, данном еще в начале [осады], именно, что город будет взят, когда лошачихи ожеребятся. Теперь то, как думал Зопир, по этому предсказанию, Вавилон должен пасть: ведь вавилонянин изрек свое предсказание по внушению божества, а у него [также по божьему промыслу] ожеребилась лошачиха.

154. Так вот, Зопир решил, что отныне Вавилон уже обречен на гибель. Он пришел к Дарию и спросил, очень ли

важно завоевать Вавилон. А когда Дарий подтвердил [важность этого], Зопир стал обдумывать, как ему совершить этот подвиг и предать город в руки Дария. Ведь персы выше всего чтят такие доблестные подвиги. Зопир полагал, что может достичь цели только одним путем: именно, изувечить себя и затем перебежать к врагам. Тогда с легким сердцем он нанес себе неисцелимые увечья: отрезал нос и уши, безобразно остриг волосы и со следами ударов бича предстал перед Дарием.

155. А Дарий пришел в ужас, увидев так изувеченным столь почтенного человека. Царь с криком вскочил со своего трона и спросил, кто и почему так его изувечил. А Зопир отвечал: "Нет, кроме тебя, на свете человека, который имеет власть так поступить со мной. Не другой кто сделал это, государь, а я сам себя изувечил, потому что горько мне [терпеть] издевательства ассирийцев[104] над персами". А царь сказал ему в ответ: "Несчастный! Ты стараешься приукрасить свой ужасный поступок, утверждая, что так немилосердно изувечил себя ради осажденных. Разве, глупец, враги скорее сдадутся от того, что ты сам себя изувечил? Не сошел ли ты с ума, так искалечив себя?". А Зопир отвечал царю: "Если бы я открыл тебе мой замысел, ты не позволил бы мне [сделать] этого, [над собой]. Поэтому я так поступил на свой страх. Итак, если ты не откажешь в помощи, мы

возьмем Вавилон. Я тотчас же перебегу в город и объявлю, что это ты нанес мне такие увечья. Я думаю, они поверят и поставят меня во главе войска. А ты на десятый день с того дня, как я уйду в город, поставь у гак называемых ворот Семирамиды 1000 человек из той части [войска], потеря которой тебе безразлична. На седьмой день после этого поставь еще 2000 человек у так называемых ворот Нина[105]. Затем обожди двадцать дней и пошли 4000 человек против так называемых Халдейских ворот. Ни те первые, ни эти воины не должны иметь при себе никакого другого оружия для защиты, кроме кинжалов. Кинжалы можно им оставить. Наконец, через двадцать дней прикажи всему остальному войску немедленно штурмовать стены со всех сторон. А персов поставь против так называемых Белских и Киссийских ворот. Не сомневаюсь, что, когда я совершу такие великие подвиги, вавилоняне, конечно, доверят мне не только всю защиту города, но даже ключи от ворот. А тогда уж – моя и персов забота, как завершить дело!''.

156. После этого Зопир побежал к воротам, беспрестанно оглядываясь [назад], словно настоящий перебежчик. Стражи у ворот, заметив его с башен, спустились вниз, чуть приоткрыли створки ворот и спросили, кто он и зачем пришел. А тот отвечал, что он Зопир и хочет перейти к ним. Услышав такой ответ,

привратники повели его к начальникам. Когда Зопир явился перед начальниками, то стал жаловаться, объявив, что увечье, которое на самом деле причинил он себе сам, нанес ему царь Дарий за то будто бы, что он дал совет [снять осаду] и увести войско, так как у царя нет возможности взять город. "И теперь, – сказал он, – я пришел вам на благо, а Дарию с войском – на погибель. Царь дорого поплатится за такие увечья. И знаю его тайные замыслы и хитрости!".

157. Так говорил Зопир, а вавилоняне, видя знатного перса с отрезанным носом и ушами и покрытого кровавыми рубцами от ударов плетей, вполне поверили, что он говорит правду и пришел к ним как друг и союзник. Они были готовы вверить ему все, о чем он ни попросит. А просил он себе отряд войска. Когда же получил его, то стал действовать так, как было условленно с Дарием. На десятый день Зопир вывел вавилонский отряд, окружил ту 1000 человек, что велел Дарию выставить на первый раз, и перебил их. А вавилоняне, убедившись, что слова перса не расходятся с делом, чрезвычайно обрадовались и готовы были во всем слушаться его. Тогда Зопир, выждав условленное число дней, снова вывел отборный отряд вавилонян и перебил 2000 воинов Дария. За этот новый подвиг вавилоняне осыпали Зопира похвалами, и его имя было у всех на устах. А Зопир опять, обождав назначенное

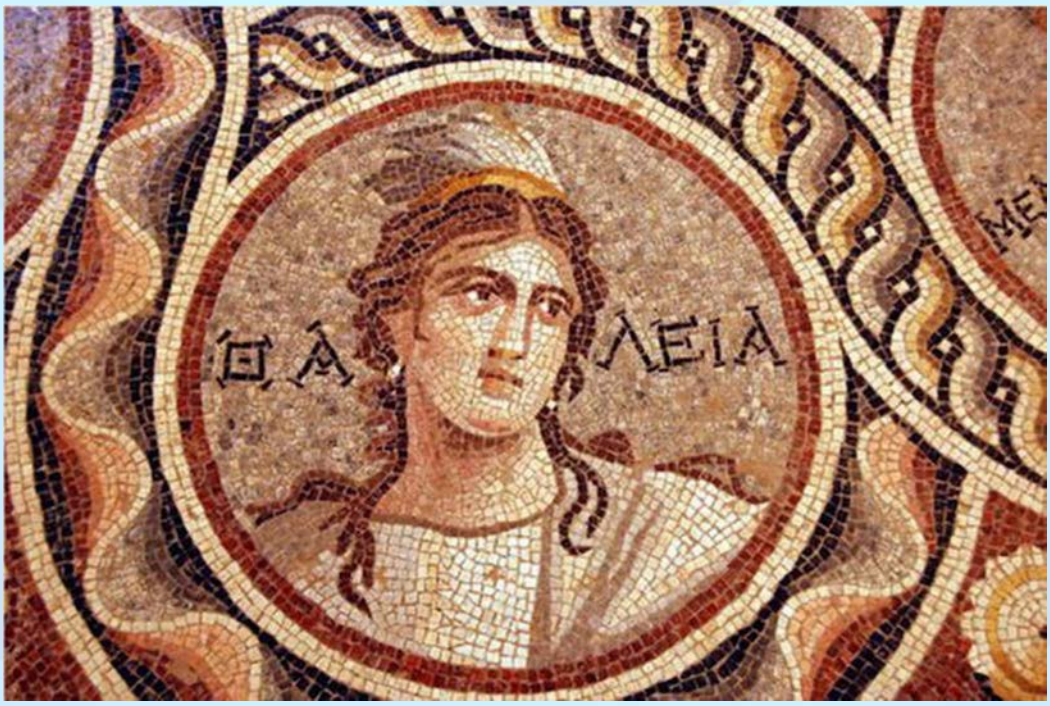
число дней, вывел отряд в условленное место и, окружив персов, перебил 4000 человек. Теперь, после такого подвига, Зопир добился всего: его сделали главным военачальником и комендантом крепости.

158. Когда же Дарий по условию приказал со всех сторон штурмовать стены, тут то и открылся коварный замысел Зопира. На стенах вавилоняне отражали приступы Дариева войска, а Зопир открыл так называемые Киссийские и Белские ворота и впустил персов в крепость. Часть вавилонян увидела, что произошло, и бежала в храм Зевса Бела. Другие же не заметили этого и оставались на своем месте, пока не узнали о предательстве.

159. Так-то Вавилон был взят во второй раз. Дарий же, овладев Вавилоном, повелел, прежде всего, разрушить стены и сломать все ворота, чего Кир не сделал при первом взятии Вавилона. Затем царь приказал распять около 3000 знатнейших граждан. Остальному же населению он позволил жить в городе. А чтобы у вавилонян были жены и от них потомство (своих собственных жен, как я сказал уже, вавилоняне задушили, чтобы сберечь съестные припасы), Дарий сделал вот что. Он повелел соседним племенам послать своих женщин в Вавилон – каждому племени известное количество, так что, в

общем, туда собралось 50000 женщин. От этих то женщин и произошли нынешние вавилоняне.

160. По мнению Дария, никто из персов ни прежде, ни после не превзошел Зопира в доблести, кроме одного Кира (с ним ведь ни один перс не смеет себя сравнивать). А Дарий, по рассказам, говаривал, что предпочел бы видеть Зопира не изувеченным, чем владеть еще двадцатью Вавилонами. Царь окружил Зопира величайшим почетом. Ежегодно посылал ему дары, которые считаются в Персии самыми почетными[106], отдал ему в пожизненное управление Вавилон (без обложения податью) и осыпал другими почестями. У этого Зопира был сын Мегабиз, который сражался во главе персов в Египте против афинян и их союзников[107]. А у этого Мегабиза был сын Зопир, который приехал из Персии в Афины как перебежчик.



Примечания.
Г.А.Стратановский

[1] 337. Египетские врачи славились в то время. Как показывают папирусы, медицина в Египте достигла высокого уровня.

[2] 338. Женитьба на законной наследнице египетского престола укрепляла притязания Камбиса на египетский трон.

[3] 339. Бегство Фанеса произошло не в 525, а в 547 г. до н.э.

[4] 340. Здесь под "сирийцами" Геродот имеет в виду филистимлян, города которых Аскалон, Ашдод, Гат и Экрон персидская армия прошла на пути в Египет.

[5] 341. Персы приказали все глиняные сосуды от финикийского вина в Египте наполнять водой и отправлять по дороге назад в Финикию, чтобы обеспечить снабжение водой в пустыне между Египтом и Палестиной.

[6] 342. Это был царь независимых арабов, набатеев.

[7] 343. Такая прическа арабов кочевников упоминается в Библии (Левит 20, 27).

[8] 344. Геродот смешивает здесь Красное море с Мертвым морем.

[9] 345. Именно, у города Таниса.

[10] 346. В храме богини Нейт в Саисе.

[11] 347. В таком виде изображены побежденные на рельефе Бехистунской надписи.

[12] 348. Экипаж корабля состоял таким образом из 200 человек.

[13] 349. Персы не могли проникнуть в болотистую западную часть Дельты, где властвовали Инар и Амиртей, и потому должны были признать там власть их сыновей.

[14] 350. Об этих мнимых преступлениях Камбиса египетские источники ничего не сообщают. Святотатственные действия Камбиса – выдумка враждебных ему египетских жрецов. Гнев жреческой касты

против Камбиса объясняется тем, что царь значительно урезал доходы главных египетских храмов.

[15] 351. Жители оазиса Сива.

[16] 352. Имеется в виду нубийское царство (совр. Джебель Баркал). Южное море, по Геродоту, образует южные границы Ливии.

[17] 353. Речь идет о дарах, которые подносили на Востоке чужеземным владыкам – золото, ладан и мирра (смирна).

[18] 354. Домашние захоронения покойников встречаются уже в доисторическую эпоху в Египте.

[19] 355. Оазис Харга. Персидский гарнизон оазиса состоял из греческих наемников самосцев из филы Эсхриония.

[20] 356. Рассказ об убиении Аписа Камбисом неверен. Сохранилась на погребальном саркофаге Аписа 524 г. (которого Камбис только и мог убить) надпись, свидетельствующая о торжественном официальном (а не тайном) погребении Аписа. Надпись гласит: "Камбис, царь Верхнего и Нижнего Египта, посвятил большой саркофаг своему отцу Осирису".

[21] 357. Геродот сообщает здесь официальную персидскую версию. Камбис убил Бардию, а затем отправился в поход на Египет. В это время, воспользовавшись недовольством вновь покоренных персами областей, маг Гаумата захватил власть 2 апреля 522 г. Маг опирался на знать Запада. Противниками Гауматы был Гистасп и знать Востока. Маг был убит 29 сентября 522 г. до н.э.

[22] 358. Брак на родной сестре, по религиозным воззрениям персов, считался почетным.

[23] 359. Т.е. на Атоссе. Вторая сестра – жена Камбиса – Роксана. Властная Атосса не могла примириться с оскорблением, нанесенным ей Камбисом. Атосса интриговала против Камбиса, вышла замуж затем за мага, а после его убийства договорилась с Дарием (представителем младшей ветви Ахеменидов) и стала его супругой.

[24] 360. Эта и следующая история о Камбисе, вероятно, исходит из кругов младшей ветви Ахеменидов. Цель их – показать неспособность к правлению старшей линии. Сюда же относится и выдуманная эпилепсия Камбиса.

[25] 361. Эпилепсия.

[26] 362. Здесь Камбису приписываются греческие религиозные представления. Бог – греческий Аполлон – меткий стрелок из лука.

[27] 363. Ср. выше, [I][207].

[28] 364. Святилище Гефеста – храм Пта в Мемфисе.

[29] 365. Имя происходит от санскритского слова "кала" (черный) и указывает на принадлежность к древнему темнокожему населению Индии.

[30] 366. В конце VI в. до н.э. о. Самос при тиране Поликрате был наиболее сильным греческим государством в Ионии.

[31] 367. Корабли с тремя рядами весел (один над другим). Экипаж триеры состоял из 170 человек, 20 матросов для парусов, 16 офицеров и 12 воинов.

[32] 368. Рассказы о жестокостях Периандра сильно преувеличены. Они созданы в ту эпоху, когда власть тиранов воспринималась уже как препятствие для

дальнейшего развития рабовладельческого государства (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 114)

[33] 369. Имеется в виду таран корабля в виде клыков вепря. Храм на Эгине был посвящен Афее (критская богиня), а не Афине. На двух фронтонных группах стоит посреди Афина, так что ошибка Геродота понятна.

[34] 370. Храм Геры. Его стены были раскопаны в 1910 – 1913 гг.

[35] 371. Одиссея II, 330.

[36] 372. То же самое сообщает и Бехистунская надпись Дария. Маг Гаумата (Лжесмердис) был провозглашен царем в отсутствие Камбиса и пользовался поддержкой влиятельной касты магов и знати Запада.

[37] 373. Акбатан в Сирии нет. Камбис умер в 522 г. до н.э. после возвращения в Персию.

[38] 374. В результате войн Кира в Иране разгорелась классовая борьба. Господствовавшая на Западе знать стремилась покончить с укрепившимся положением "народа войска", а на Востоке военно племенная демократия старалась воспрепятствовать возвышению

знати. К этому присоединилось недовольство всех народностей персидской державы непомерным ростом налогов и податей и бесконечными наборами в войско.

[39] 375. События разыгрывались не в Сусах, по рассказу Геродота, а в резиденции Бардии (Смердиса) в Мидии (в северо восточной Персии). Здесь Бардия был убит 29 сентября 522 г. до н.э. в крепости Сикайавати.

[40] 376. Речь Отана перекликается с надгробной надписью Дария, где Дарий отражает упреки Отана в деспотических стремлениях (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 80).

[41] 377. В злобных выпадах Мегабиза против народа нашла отражение острая ненависть персидской знати к "народу войску" племен Ирана (ср.: В.В. Струве. Этюды, стр. 77)

[42] 378. Речь Дария соответствует его подлинным словам в Накширустемской надписи (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 76). В этих трех речах нашли отражение три политических направления в среде персидской знати эпохи Дария I и его преемников.

[43] 379. Семь персов принадлежали к семи знатнейшим персидским фамилиям (среди них – Гобрий и Аспафин).

[44] 380. Геродот пропускает описание длительных войн Дария после его воцарения. По Бехистунской надписи, сначала восстал Элам с древней столицей Сусы, затем Вавилон под предводительством Нидинту Бела, сына последнего царя, и Мидия (т.е. почти все провинции). В конце 521 г. Дарий усмирил почти всех восставших, кроме Египта и Малой Азии. Египет был покорен в 519/518 г. до н.э.

[45] 381. Страна арабов – набатейское царство. Арабы Сирийской пустыни были уже раньше покорены персами.

[46] 382. . Рельеф на скале, как в Бехистуне.

[47] 383. Перечень персидских сатрапий восходит к ионийскому описанию персидских провинций. Сатрапии были, по-видимому, сначала введены в тех областях, где они были связаны с уже существовавшими государственными организациями, а затем в пограничных областях (по соображениям стратегического характера). Народы северо востока Балканского полуострова в списке не упомянуты.

[48] 384. Монетная реформа Дария базировалась на введении золотой валюты. Дарий чеканил золотые дарейки (8.4 г) = 1/3000 евбейского таланта. Отношение золота к серебру равнялось 13.5 : 1.

[49] 385. Малоазийская прибрежная сатрапия с греческими городами.

[50] 386. Прежние северные провинции Лидии от Геллеспонта до устья р. Галиса.

[51] 387. Совр. Ливан, Сирия и Палестина.

[52] 388. Кроме Египта, оазис Харга и побережье от совр. Бенгази.

[53] 389. В Мемфисе еще со времен Амасиса были поселены ионийские и карийские наемники.

[54] 390. Область Пешвара и южная часть совр. Афганистана.

[55] 391. Древний Элам с Сусами.

[56] 392. Совр. Ирак.

[57] 393. В. В. Струве (Этюды, стр. 256) предлагает вместо "парикании" читать "гиркании" или "баркании". Ортокорибантии – перевод перс. "тиграхауда" (с остроконечными шапками) (В. В. Струве. Этюды, стр. 56). Эта сатрапия охватывала северо западную Персию.

[58] 394. Совр. Азербайджан с Гиланом.

[59] 395. Совр. Северный Афганистан с долиной совр. Верхней Амударьи.

[60] 396. Горные народности между совр. Эрзерумом и Трапезунтом.

[61] 397. Народности между линией совр. Исфахан – Ханум и Хильменд и побережьем Персидского залива до пролива Ормус.

[62] 398. Племена, кочевавшие по южному и восточному берегам Каспийского моря до устья высохшего теперь Узбоя.

[63] 399. Область от низовья совр. Сырдарьи до долины Херируд в совр. Афганистане.

[64] 400. Персидское побережье от пролива Ормус до области Карачи и совр. Белуджистана. Парикании и азиатские эфиопы – остатки дравидиского населения, оттесненного иранцами.

[65] 401. Матиены жили между Ванским озером и верховьями р. Тигра, близ теперешней иранско турецкой границы. Саспиры жили в долине совр. р. Чороха, впадающей в Черное море у Батуми. Алародии (урарту) жили в треугольнике, образованном совр. озерами Ван, Урмия и Севан.

[66] 402. Черноморское побережье от совр. Трапезунта до Поти.

[67] 403. Совр. индийская провинция Пенджаб.

[68] 404. Имеется в виду северная часть эфиопского царства в Нубии (быть может, область от совр. Асуана до Хальфы).

[69] 405. Мифическая гора и местность – родина Диониса. По Гомеру, Ниса находилась во Фракии или в Беотии. Геродот помешает ее в стране азиатских эфиопов (дравидийцев) в Индии.

[70] 406. Совр. западная Грузия и Абхазия.

[71] 407. Приводимые Геродотом цифры податей взяты не из официальных персидских источников, а восходят, по-видимому, к частным греческим оценкам величины податей в отдельных провинциях и, очевидно, слишком высоки.

[72] 408. Пустыня Тар (Фар).

[73] 409. Имя объясняется из санскрита и тамильского языка. Падей родственны веддам на Цейлоне.

[74] 410. Геродот рисует образ жизни брахманских странствующих аскетов.

[75] 411. Геродот передает здесь древнейшую форму легенды, возникшей в Ладаке на тибетско индийской границе (легенда сохранилась в тибетской, монгольской и китайской версиях). Новелла принадлежит местным золотоискателям и купцам и выдумана, чтобы отпугнуть конкурентов.

[76] 412. Эти климатические условия характерны для узких горных долин Ладака: после полудня солнце исчезает и наступает холод.

[77] 413. Речь идет об особой породе быстрых и выносливых лошадей. Нисейские лошади конского завода в Мидии.

[78] 414. Хлопок. Индийский хлопок экспортировался в Месопотамию.

[79] 415. Ладан происходил из местности Сафар в Хадрамауте (южная Аравия).

[80] 416. Мирра (смирна) – благовонная смола (см. выше, [III][20]и [прим][.][17]).

[81] 417. Касия – ароматическое растение (Cinnamomum iners L.). Кинамом – дерево корицы. Уже тогда ввозили корицу из Цейлона.

[82] 418. Ледан – благовонная смола.

[83] 419. Стирак – благовонная смола растения Styrax officinalis.

[84] 420. Род саранчи.

[85] 421. Геродот не сомневается во всемогуществе и всеведении богов.

[86] 422. Здесь и далее (111, 112) Геродот излагает рассказы арабских мореходов.

[87] 423. Курдючные овцы (изображения их встречаются уже на ассирийских рельефах) разводились особенно в Аравии.

[88] 424. Эфиопия – здесь восточноафриканское побережье, которое тогда посещали арабские и финикийские купцы мореходы.

[89] 425. Эридан – название нижнего течения совр. р. По или Эч. Позднее Эриданом стали называть также реку на севере. Быть может, Геродот имеет здесь в виду даже устье совр. р. Вислы.

[90] 426. С Оловянных островов (совр. Британские острова) олово переправлялось через Тартесс в восточную часть Средиземного моря. Янтарь иллирийцы привозили к устью совр. р. По или Эч, а греки переправляли его в Грецию и на Восток.

[91] 427. Известие Геродота, по-видимому, относится к оросительным сооружениям на р. Акесе (совр. Мургаб), где лежит оз. Мерв.

[92] 428. Страж дверей – комендант царского дворца и начальник царских телохранителей (великий визирь). Докладчик (передаватель новостей, секретарь) – высшая придворная должность в Персии. Через этого придворного царь сообщался с внешним миром.

[93] 429. Т.е. царь находился в гареме, в особом дворце.

[94] 430. После падения Поликрата Анакреон (лирический поэт из Теоса) жил в Афинах (умер в 495 г. до н.э.).

[95] 431. "Зависть" или "ревность" богов к человеческому счастью вызывает гибель счастливцев, проявивших ὕβρις (заносчивость, своеволие).

[96] 432. "Тысяча персов" – персидское название телохранителей.

[97] 433. Царский секретарь, приставленный к каждому сатрапу, читал и составлял "бумагу" на арамейском языке и переводил на персидский.

[98] 434. Школа врачей в Кротоне пользовалась тогда большой славой. Здесь, как и в других медицинских школах,

разрабатывали науку на основе философских теорий и опытных наблюдений.

[99] 435. С этой почестью были связаны особые привилегии. Царь сидел при гостях за занавесью, невидимый ими.

[100] 436. Новелла о Демокеде объясняет возникновение проектов похода на Элладу соображениями престижа и личной безопасности царя.

[101] 437. См. выше, [III][118]и [прим][.][92].

[102] 438. "Благодетели" царя (оросанги, перс. "буварзака") – люди, имеющие заслуги перед государством и царем. Им жаловали земельные угодья.

[103] 439. Рассказ Геродота основан на "истории Зопира", в основе которой лежат персидские народные сказания. Содержание новеллы неисторично. Из персидских источников известно, что Вавилон был взят дважды. Первый раз (восстание Нидинту Бела, сына последнего царя Набонида) его взял сам Дарий (18 декабря 522 г. до н.э.). Второй раз (восстание армянина Арахи) город был взят Индаферном (Виндафарна) 27 ноября 521 г. до н.э. Рассказ о мятеже Вавилона насыщен фольклорными мотивами и

восходит к семейным преданиям персидского эмигранта Зопира, правнука Мегабиза.

[104] 440. Здесь – вавилоняне.

[105] 441. Через ворота Нина (северные) путь шел в ассирийскую столицу Ниневию (Нин). Ворота халдеев – южные. Киссийские ворота – северо восточные, на пути в Киш (совр. Эль Охеймир); ворота Бела – западные, к мосту через р. Евфрат.

[106] 442. Например, одеяния царя или сбруя его коней.

[107] 443. Ливийский царек Инар поднял восстание с помощью афинян в Египте. Мегабиз разбил Инара в битве при Мемфисе (456 г. до н.э.), Инар был взят в плен и казнен.

Hyperboreans
U
R
E
Gulf
Agathyrsi
PONTUS EUXINE
Iberians
B
Atlas
Nasamones
Memphis
LIBYA
Atlanteans
ATLANTIC SEA
Nile
A
S
Ethiopians
Macrobio

Scythians
Issedones
Caucasus
Massagetae
CASPIAN SEA
Bactrians
Gandarians
Choramians
Parthians
INDIA
Persians
RED SEA

В. Г. Борухович

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ГЕРОДОТА

Среди многочисленных и разнообразных наук, завещанных нам античным миром, история с особой наглядностью хранит следы этой преемственности: уже к концу V в. до н. э. исторический жанр достигает высочайшего развития в произведении афинского историка Фукидида. Однако в начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы, соединяя в себе две, казалось бы, столь разнородные стороны человеческой деятельности, как науку и искусство. Благодаря последнему обстоятельству сочинения греческих и римских историков тем более привлекают внимание читателей. Особое место в истории европейской

науки занимает творение Геродота: оно является первым памятником исторической мысли и одновременно первым памятником художественной прозы. Цицерон метко определил значение творческого подвига гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории» (Cic. De leg. I, 1): с той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Однако, когда Геродот начал писать свой труд, рождение исторической науки было уже совершившимся фактом(1). Она возникла в первой половине VI в. до н. э. в Ионии, и в частности в Милете, выдающемся центре греческой культуры архаической эпохи. Один из самых образованных авторов древности, греческий географ Страбон замечает: «Ранее всех появились поэтические жанры и достигли высокого развития и славы. Затем, подражая им, но освободившись от метра, сохраняя, однако, все остальные отличия поэзии, написали свои произведения писатели круга Кадма, Ферекида, Гекатея» (I, 2, 6). Называя милетян Кадма и Гекатея наиболее выдающимися прозаиками раннего периода, Страбон обращает внимание на то, что греческая проза появилась намного позже поэзии (на этом основании грамматики стоической школы считали прозу выродившейся поэзией).

Главная причина позднего развития жанра исторического повествования заключалась в том, что условия для его развития появились только на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда в Элладе происходят глубинные социальные преобразования, явившиеся результатом ожесточенной классовой борьбы в греческих полисах. Эти процессы с особой силой проявились в

Ионии. В своем социальном и экономическом развитии ионийские города вырываются далеко вперед по сравнению с государствами материка(2).

Новое общество ощущает потребность в более детальной ориентации в окружающем мире, продиктованную практическими задачами. Оно интересуется как своим прошлым, так и тем, как живут иные далекие страны, и этой ясно выраженной потребности удовлетворяет возникающая проза. Так как литературный процесс в это время перестает быть формой коллективного самовыражения общины, в зарождающейся греческой прозе перед нами выступают авторы в своем индивидуальном облике.

Древнейшие произведения греческой прозы носили название λόγος, что значит «слово», «рассказ». Геродот употребляет этот термин, обозначая им обладающие тематическим единством части своего труда, а также весь труд (VII 152). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому и вообще поэзии, например, в одах Пиндара (Pyth. I, 94; Nem. VI, 39). В качестве литературного жанра логос отличался от басни, сказки и мифа (Платон в «Федоне» проводит четкое различие между λόγος и μῦθος)(3). Для логоса была характерна тенденция рассказать о действительно встречающемся, но эта действительность на практике оказывалась смешанной с мифическими и просто фантастическими подробностями, представлявшими интерес для слушателей. Возможно, что прозаический логос в какой-то

мере отражал демократическую реакцию на аристократизм эпоса, возвеличивавшего басилевсов.

Образцы древнейшей ионийской прозы были историческими, мифологическими, этнографическими, географическими, морализирующими и естественнонаучными сочинениями, а также сборниками различного рода анекдотов и рассказов из жизни выдающихся людей. Естественно-географические сюжеты интересовали купцов и мореходов, исторические были важны при решении политических и территориальных споров. Немалую роль играла занимательность рассказа: величайший историк древности Фукидид противопоставлял свой труд сочинениям подобного рода как «лишенный басен» и «не столь приятный для слуха». Критикуя сочинения своих предшественников и современников, Фукидид называет их «логографами» (I, 21). По-видимому, это слово не было термином, означающим определенный литературный жанр. В Аттике IV в. до н. э. логографами чаще называли лиц, избравших своей профессией составление речей для выступающих в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Отсюда можно сделать вывод, что в аттическом диалекте классической эпохи еще не было терминов, обозначающих различные жанры прозы, и историков просто причисляли к прозаикам. Аристотель в «Риторике» (II, 11, 7) отчетливо противопоставляет логографов поэтам, когда говорит о литературных произведениях, ставящих своей целью прославление чьих-то заслуг. Несмотря на то что термин «логограф» нельзя признать удачным, наука все же не

располагает другим сколько-нибудь удовлетворительным обозначением группы ранних греческих историков, писавших до Геродота и Фукидида или бывших их современниками(4). Необходимо сразу же оговориться, что сочинение Геродота принципиально ничем особым не отличалось от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла.

ЛОГОГРАФЫ — ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ЭЛЛАДЫ

Произведения логографов до нас не дошли, и сохранившиеся в составе сочинений более поздних авторов цитаты (за точность которых поручиться нельзя) не могут дать нам вполне ясного представления о характере греческой исторической прозы до Геродота(5). Практически греческая историография начинается для нас с Геродота, как поэзия — с Гомера. Но если в отношении предшественников Гомера мы вынуждены ограничиться общим утверждением fuerunt ante Homerum poetae, то, говоря о предшественниках Геродота, мы переходим от более или менее вероятных гипотез к реальным историческим данным. Подразумевая под логографами, как уже говорилось выше, конкретных греческих историков, писавших до него, Фукидид подчеркивает, что они стремились в своих сочинениях скорее к тому, чтобы вызвать интерес у слушателей, чем к истине (I, 21). Отсюда, между прочим, вытекает, что во времена Фукидида произведения историков чаще читались вслух при большом стечении слушателей, как это было с поэмами Гомера. Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о творчестве логографов, Фукидид

употребляет термин ξυντιθέναι («составлять», «складывать») вместо термина ξυγγράφειν и делает это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть развлекательный характер сочинений. Знакомство с фрагментами сочинений логографов все же позволяет сделать заключение, что жанр исторического повествования ко времени Геродота получил значительное развитие. Еще во времена Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) произведения логографов изучались и имели успех у читающей публики. В сочинении упомянутого автора, посвященном Фукидиду, мы находим развернутую характеристику их творчества: «Собираясь начать свое сочинение, посвященное Фукидиду, я хочу сказать несколько слов и о других историках, как принадлежавших к старшему поколению, так и о тех, которые жили в его время. На их фоне станет особенно ясным и направление его творчества, и сила, в нем заключенная. Большое количество историков жили в разных частях Эллады до Пелопоннесской войны. К их числу относятся Эвгеон с Самоса, Деиох с Проконнеса, Эвдем с Пароса, Дамокл фигелеец, Гекатей милетянин, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкедона. Несколько ранее Пелопоннесской войны и до времени Фукидида жили Гелланик с Лесбоса, Дамаст сигеец, Ксеномед хиосец, Ксанф лидиец и большое количество других. Направление их творчества было сходным в выборе и построении сюжета, и в отношении качества сочинений они также немногим отличались друг от друга. Одни из них описывали эллинские дела, другие — варварские. Эти факты и события излагались ими не в тесной связи друг с другом, но

отдельно для каждого народа или государства. Они преследовали всегда одну цель: собрать воедино все предания отдельно для каждого народа или государства, которые сохранялись у местных жителей или были записаны в религиозных и светских книгах, ничего не добавляя к ним или убавляя от них. В этих сочинениях встречались мифы, дошедшие от древнейших времен, и некоторые сценического характера перипетии, кажущиеся весьма наивными нынешним людям. Стиль изложения был в основном одинаков у всех, кто избирал один и тот же диалект. Важнейшими особенностями их стиля были ясность, чистота, сжатость, выбор выражений в соответствии с темой, отсутствие всякой искусственности. Их произведения — одни в большей, другие в меньшей степени — носят на себе отпечаток какой-то свежести и прелести, являющейся причиной того, что они не исчезли и продолжают сохраняться» (Dion. Halic. Thuc. 5).

Перечисляя предшественников Фукидида, Дионисий Геродота не упоминает, но почти все из того, что сказано им о логографах, свойственно и самому «отцу истории».

Логографов принято делить на старших и младших. К первым принадлежит Гекатей, наиболее замечательный, по-видимому, из всех предшественников Геродота: стиль его считался образцом литературного ионийского диалекта ранней эпохи(6). Он был современником греко-персидских войн, в которых его родине, городу Милету, принадлежала на первых порах ведущая роль. О позиции, которую занимал Гекатей в разгорающемся восстании ионийских греков, ясно говорят следующие слова

Геродота: «Историк Гекатей вначале не советовал начинать войну против персидского царя, перечисляя все народы, над которыми властвовал Дарий, и указывая на его военную мощь. После того как он не сумел их убедить, он стал советовать грекам добиваться господства на море, указывая при этом, что добиться этого можно, если сделать следующее. Известно ведь, говорил он, что военные силы милетян ничтожны. Но если взять сокровища из храма в Бранхидах, которые туда посвятил Крез Лидийский, то можно будет с полным основанием рассчитывать на установление господства греков на море» (V 36).

Из этого сообщения Геродота видно прежде всего, что Гекатей был человеком, обладавшим большими познаниями в географии. Действительно, из другого места сочинения Геродота мы узнаем, что он побывал в Египте, в Фивах, где выяснял свою генеалогию у тамошних жрецов (II 143). Сообщив об этом, Геродот, возможно не без иронии, добавляет, что Гекатей выводил свое происхождение от богов в шестнадцатом колене. Побывал Гекатей и в других странах, за что его еще в древности назвали ἀνὴρ πολυπλάνης — многостранствовавший муж (Agathemer. I, 1). По-видимому, он особенно интересовался Востоком, как можно заключить из сообщения Агатархида (De rubro mari, p. 48). Греки в те времена охотно совершали путешествия на Восток, в частности в Египет. Там побывали Солон, Фалес, Пифагор, позднее Демокрит, Эвдокс с Книда и многие другие.

Цитированный выше рассказ Геродота позволяет нам также сделать вывод, что Гекатей был человеком передовых взглядов, не побоявшимся посягнуть на сокровища, принадлежавшие божеству. Далее Геродот сообщает, что греки все же не приняли совета Гекатея из страха перед божеством.

Написанное Гекатеем сочинение, бывшее результатом его странствий, носило название «Обозрение земли» (Περίοδος γῆς). Сочинение это состояло из двух книг (в одной описывалась Европа, в другой — Азия), и к нему была приложена географическая карта, одна из первых(7). Другое его произведение называлось «Генеалогии», и в нем описывались родословные древа людей, восходящие к богам. Интерес к генеалогическим исследованиям был тогда очень живым — до нас дошли надписи с возводимой к богам генеалогией отдельных лиц.

По собственным словам Гекатея, он описывал все, что казалось ему истинным и правдивым, так как рассказы греков слишком разнообразны и смешны, по крайней мере кажутся ему такими. Здесь мы ясно различаем элементы критического отношения Гекатея к мифам. Следствием этого были его попытки рационалистически осмыслить старинные сказания. Так, Кербер — мифическое чудовище, стерегущее Аид, — превращается у него в огромную змею, поселившуюся на мысе Тенар (т. е. там, где, по представлениям греков, находился вход в Аид). Этот же рационалистический подход заметен у Гекатея в его попытках этимологического истолкования имен, например: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию, чтобы захватить там царскую власть, и его собака родила

ствол, и он приказал закопать его, и из него выросла виноградная лоза со многими гроздьями. Поэтому и сына своего он назвал Фитием. А от него родился Ойней, получивший это имя от виноградной лозы, так как древние эллины называли виноградные лозы ойнами...»(8).

Отрывок, приведенный выше, является характерным образцом стиля Гекатея, с его нанизывающей системой предложений — это стиль еще устного рассказа, простого и безыскусственного, что говорит о тесной связи творчества Гекатея с фольклором. «Милетские рассказы» (а Милет был родиной Гекатея) славились на протяжении всей античности. Все же Гекатей недостаточно владел литературной техникой. Он не умел, например, выделить прямую речь, как видно из следующего отрывка: «Кеик, считая это опасным, приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны. Ведь я не в силах вам помочь: идите к другому народу, чтобы и сами вы не погибли, и мне не было вреда...»(9).

Наиболее заметной фигурой среди младших логографов является Гелланик с острова Лесбоса, живший приблизительно в одно время с Геродотом, писавший также на ионийском диалекте, хотя его родным был эолийский. Он написал ряд исторических сочинений, в том числе хронику «Жрицы Геры Аргосской», где имя каждой жрицы связывалось с определенными событиями. Гелланик был первым, кто решил изложить историю Аттики — так называемую «Аттиду». Это было результатом возросшей роли Афинского государства в жизни

Эллады: его история стала темой, привлекавшей всеобщее внимание.

Некоторые из составленных Геллаником местных историй назывались именами героев-покровителей, эпонимов данной местности или государства. Сочинение «Девкалиония» излагало историю Фессалии и было названо по имени Девкалиона, потомком которого был Фессал, эпонимный герой Фессалии. Другое сочинение Гелланика называлось «Троика» и рассказывало о мифах Троянского цикла. Основой повествования послужила здесь история рода Дарданидов, мифических царей Трои. Такая организация материала является вполне естественной для представителя общества, в котором родовые институты еще очень сильны.

Гелланик необычайно широко — больше, чем другие логографы, — использовал мифологический материал и писал не только в прозе, но и в стихах под влиянием скорее всего эпической поэзии.

Замечания Дионисия Галикарнасского и то, что сохранилось до нашего времени от творчества логографов, позволяют сделать следующие заключения об их творчестве:

1. Большинство первых прозаических писателей Эллады происходило из греческих городов Малой Азии или прилегающих островов, что объясняется высоким уровнем социального развития греческих полисов указанного района.

2. Сочинения их излагали историю отдельных городов или местностей Эллады, за немногими исключениями.

3. Произведения логографов содержали в себе множество отступлений от основной темы, представлявших собой экскурсы на мифологические, географические, этнографические темы.

4. Характерной особенностью творчества логографов было рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствовавшее о зачатках научной критики.

5. Источниками для их сочинений служили прежде всего эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином «история».

6. Установление строго соответствующей фактам исторической истины не было главной задачей логографов, стремившихся не столько к достоверности, сколько к красочности и литературности изложения. Их сочинения были в большей мере художественными, чем научными сочинениями.

Собрания отрывков сочинений логографов, из которых лучшими являются издание Якоби (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923) и не потерявшее своего научного значения собрание Мюллера в пяти томах (C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. P., 1868—1883), ценны не только тем, что они сами по себе содержат, но важны и потому, что позволяют судить о литературном

движении, наиболее ярким представителем которого явился Геродот.

ЖИЗНЬ И СТРАНСТВИЯ ГЕРОДОТА

Уже в древности труд Геродота относили к самым замечательным произведениям историографии. Аристотель в «Поэтике» (IX), устанавливая принципиальное отличие истории от поэзии, приводит в пример Геродота, считая его, очевидно, наиболее выдающимся историком. Причиной были не только его научные заслуги, но и блестящий талант рассказчика, мастера художественной прозы, сумевшего из самых разнообразных материалов — собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документальных данных, трудов своих предшественников и т. п. создать яркое и цельное по своему характеру произведение. Оно было делом всей его жизни, и в нем он рассказал о событиях величайшего мирового значения — греко-персидских войнах, предопределивших весь ход исторического процесса в Элладе. В то же время труд Геродота удивительно верно и полно отражает черты греческого национального характера той далекой поры.

Прожитая им жизнь, а особенно обширные и длительные путешествия наложили свой отпечаток на его произведение. К сожалению, биографические данные о нем являются крайне скудными: по существу мы располагаем только краткими, малосодержательными и не очень точными справками в статьях словаря Суды Ἡρόδοτος, Πανύασις, Ἑλλάνικος). Некоторое представление о его путешествиях можно

получить из его труда. Время его рождения обычно устанавливается на основании цитаты из сочинения писательницы Памфилы, жившей при императоре Нероне (Aul. Gell. N. A. XV, 23). Она сообщает, что к началу Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года. Так как эта война началась в 431 г. до н. э., мы получаем 484 г. до н. э. как дату рождения историка(10).

То, что Пелопоннесская война началась еще при жизни Геродота, видно из рассказа о вторжении спартанцев в Аттику в начале войны и опустошениях, которые они там учинили (IX 73). Так как Геродот знает о выселении жителей Эгины в 431 г. до н. э. (VI 91), но ни словом не упоминает об их истреблении в 424 г., становится ясно, как остроумно заключил Якоби, что к этому времени историка уже не было в живых(11).

Он не упоминает и о персидском царе Дарии II, правившем с 425 г. до н. э., что при живом интересе «отца истории» к Востоку, и особенно к Персии, вряд ли могло бы иметь место, если бы этот царь вступил на престол при его жизни. Следовательно, Геродот умер между 431—425 гг. до н. э. Указанные даты его жизни подтверждаются и общими соображениями, вытекающими из содержания его труда. Описывая события греко-персидских войн, он часто ссылается на устные рассказы участников и очевидцев, людей старшего поколения.

Родина Геродота, малоазиатский город Галикарнасс, был основан греками дорического племени, но там жили и многие

представители местного племени карийцев, смешавшиеся с греками. Карийское имя носил отец Геродота Ликс и дядя его (или двоюродный брат) Паниасид. Последнего предание причисляет к выдающимся эпическим поэтам, и это дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством было традиционным в семье историка(12). В Галикарнассе он с детского возраста наблюдал, как прибывают в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие и неведомые страны.

В молодом возрасте он принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, сам же Геродот оказался вынужденным покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, который был одним из самых богатых и развитых ионийских государств. Мощный флот Самоса в недавнем прошлом контролировал морские пути в Западном Средиземноморье. Живя там, любознательный и общительный галикарнассец быстро освоился с интересами тамошней жизни. В своем труде он обнаруживает прекрасную осведомленность в местной истории. Наиболее ярко это проявляется в его рассказе о гибели самосского тирана Поликрата, в связи с которой он приводит различные варианты традиции. Он знает даже, где Поликрат принимал прибывшего к нему вестника от персидского наместника Оройта, как протекала беседа (III 120)(13). К этому гостеприимному острову, приютившему его в трудную минуту жизни, он

относился с особой любовью, поэтому он назвал его «наиболее выдающимся (πρώτη) из греческих и варварских государств» (III 139).

Вскоре предприимчивый галикарнассец покинул Самос и отправился в дальнейшие путешествия. Для него началась жизнь, полная странствий: он путешествовал по суше и плыл на корабле (желая точнее узнать об египетском божестве Геракле, он отплыл в финикийский город Тир) (II 44). Когда, в каком порядке и на какие средства он совершал свои путешествия, при данном состоянии источников установить нельзя(14). Они длились, по-видимому, не менее 10 лет, если учитывать дальность его путешествия и тогдашние транспортные средства. Поскольку около 445 г. он уже читал в Афинах части своего труда и получил за это награду(15), можно допустить, что время путешествий Геродота падает на 455—445 гг.(16).

Более всего Геродота привлекал Восток, культурные достижения которого вызывали у него нескрываемое восхищение. Он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, Ассирии и Акбатан (I 98; V 89 — наибольшую из крепостных стен Акбатан он сравнивает с обводной стеной в Афинах). Особенно его поразило виденное в Египте, где он пробыл три месяца, поднявшись вверх по Нилу до острова Элефантины. Отсюда он отправился в дальнейшие путешествия. Обширную информацию в Египте он собирал как от местных греков и смешанного греко-туземного населения, так и от жрецов (пользуясь, разумеется, услугами переводчиков: в Египте их

оказалось так много, что он принял их за особое сословие — II 164).

Второй район путешествий Геродота обнимает собой Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милетской колонии Ольвии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Труд его обнаруживает хорошее знакомство автора с Эфесом, долиной Меандра, Сардами, Тевтранией, Илионом, Лесбосом, Геллеспонтом. Об Ольвии он рассказывает как очевидец, называя имена людей, с которыми он там беседовал. Третьим районом путешествий Геродота были греческие государства Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Он прекрасно ориентируется в районах Аттики и в самих Афинах (ср., например, V 77, где он как очевидец описывает посвящения на афинском акрополе), был в Фивах (V 59: «Кадмейские письмена я сам видел в храме Аполлона Исменского в беотийских Фивах») и Дельфах. Ему хорошо известны посвящения Креза в Дельфы, их местоположение: среди них он называет золотую кропильницу с надписью, сделанной спартанцами, в которой они называют себя жертвователями. «На самом деле и эта чаша — дар Креза, а надпись начертал один из дельфийцев в угоду лакедемонянам: имя его я знаю, но не назову» (I 51). Как справедливо отмечаетС. Я. Лурье, такую информацию мог иметь писатель, ставший в Дельфах своим человеком(17). По-видимому, Геродот объездил и Пелопоннес, побывав на Истме, где он видел захваченную греками в бою финикийскую трирему, посвященную богам (VIII 121), в Сикионе, где он посетил

святилище Адраста (V 67), в Тегее (ср. IX 70, где говорится о посвящениях в храме Афины Алеи). Он побывал и на островах — Делосе (II 170), Фасосе, Закинфе и многих других.

Не оставил он без внимания и север Балканского полуострова. Характер описаний, относящихся к Македонии и Фракии, таков, что они могли быть сделаны только очевидцем (ср. V 17). К правящей династии Македонии автор проявляет особую симпатию, всячески стараясь завуалировать персофильскую позицию царей Македонии в греко-персидских войнах. Как человек, охотно и много странствовавший, а также близкий к правящим политическим кругам в Афинах(18), Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. Стремясь упрочить влияние Афинского морского союза на юге Италии и одновременно сплотить всех эллинов вокруг Афин, Перикл в середине 40-х годов V в. до н. э. задумал основать на месте разрушенного кротонцами города Сибариса колонию афинян и их союзников. К участию в этом предприятии приглашались все желающие. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, и это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов(19). Вместе с Геродотом участие в основании колонии приняли философ Протагор, афинский политический деятель Ксенократ, милетский архитектор Гипподам. Вероятно, уже живя в Фуриях, историк совершил путешествия по западной части Средиземноморья и побывал в Сицилии (Сиракузах — VII 153).

В Фуриях, однако, вскоре началась борьба между проафинскими и проспартанскими элементами(20). Геродот нигде не

упоминает этой колонии, но хорошо знает местность, где она была основана. Он называет Сибарис (V 44—45; VI 21), Метапонт (IV 15), знаком с местными сюжетами Кротона (история Демокеда — III 129—138), Тарента (Арион — I 24). Мы находим у него сравнение Скифии с югом Италии (IV 99).

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны. Не исключено, что из Фурий он вернулся в Афины, где и умер, как предполагает Майрс(21).

ТЕМА И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ГЕРОДОТА

В античности произведение Геродота обычно цитировали как «Истории» (так оно названо в Линдосской хронике)(22). Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет традиция не сохранила. Аристотель в «Риторике» (III, 9, 2) следующим образом цитирует начало труда Геродота: Ἡροδότου Θουρίου ἥδ᾽ ἱστορίης ἀπόδεξις (Геродот фуриец представляет нижеследующее изыскание). У Аристотеля Геродот называет себя фурийцем, но за точность цитирования здесь поручиться нельзя. Во всех дошедших до нас рукописях это же начало сохранилось в следующей редакции: Ἡροδότου Ἁλικαρνασσέος ἱστορίης ἀπόδεξις ἥςε (Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца). Так как Аристотель даже переставил слова, можно допустить, что он цитировал это начало по памяти. Плутарх в своем трактате «О злонравии Геродота» (35) пишет: «Человеку, который считает себя галикарнассцем, хотя другие и называют его фурийцем...» (см. также: De exil. 13). Отсюда видно, что Плутарх был склонен

цитировать начало труда Геродота в том виде, как оно сохранилось до нашего времени. Так как Плутарх был выдающимся ученым и библиофилом (он обладал одной из лучших библиотек в Греции), следует считать, что у него был проверенный экземпляр труда Геродота, восходящий к авторскому оригиналу и редакции(23).

с.469 В этом знаменитом введении Геродот говорит о теме своего труда: «Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца, [представленное] для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях, совершенных частью эллинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война»(24).

Смысл этого знаменитого введения Майрс интерпретирует следующим образом:

1. То, что совершено людьми, обладает ценностью для человечества и достойно того, чтобы спасти его от забвения.

2. Великие подвиги не являются монополией какого-либо одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеет здесь в виду Геродот.

3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, которым должно быть дано объяснение. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем(25).

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν — славу мужей (ср.: Hom. Od. VIII, 73)(26). Но главная цель труда Геродота, подчеркнутая в конце цитированного введения, заключалась в описании войны между эллинами и варварами, т. е. греко-персидских войн(27). Замысел этот обладал особой привлекательностью и новизной. Пришел ли он к этой идее до того, как приступить к созданию своего труда, или же он подходил к ней постепенно, по мере накопления материала? Иными словами, какова история труда Геродота?

Якоби (которому в данном вопросе следует и С. Я. Лурье) убедительно доказывал, что труд Геродота не был составлен по заранее продуманному плану, но постепенно вырастал и оформлялся по мере накопления материала(28). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сам Геродот придавал значение самостоятельных произведений тем частям своего труда, которые обладают тематическим единством. Он постоянно ссылается на отдельные логосы — египетский, скифский и т. п., которые, как предполагают некоторые исследователи, были написаны им до создания своего универсального труда(29). Среди них мы встречаем две ссылки на ассирийский логос (I 106,184), которого труд Геродота не содержит. Возможно, что Геродот закончил его, но не включил в окончательную редакцию своего труда, так как он выпадал из общей схемы: Ассирия не успела стать объектом персидских завоеваний, будучи задолго до образования персидской державы разгромлена войсками мидян (а Геродот поочередно описывает

те страны, которые захватили Ахемениды начиная с основателя династии Кира до похода Ксеркса на Элладу). Иногда Геродот отсылает читателя к определенным частям своего труда, основываясь на своем авторском делении (V 36: «Как было показано мною в первом логосе»; ср. также I 175; II 38; VI 39), но выяснить, каким оно было, не представляется возможным(30). По-видимому, Геродот готовил части своего труда таким образом, что они обладали известной самостоятельностью. Но поручиться за то, что он с самого начала работы имел уже готовый план всего произведения, как оно сохранилось до нашего времени, нельзя.

Сейчас уже трудно себе представить, как технически осуществлялась работа «отца истории» над своим произведением. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая в разных странах и городах, Геродот составлял для себя краткие заметки. Позднее они подвергались литературной обработке, и так возникали логосы. Первоначально собранный материал дополнялся на основании других источников (литературных, документальных, устных рассказов и т. п.). В составе египетского логоса мы можем выделить сюжеты, развернутые до размера новеллы (как, например, рассказ о сокровищнице Рампсинита — II 121) и оставшиеся краткими заметками (как рассказ о царице Нитокрисе — II 100). Али назвал его «кратким рефератом»(31). Овемт предполагал, что Геродот взял с собой в Фурии эти записки и только там стал писать свой труд(32). Однако это предположение противоречит

античной традиции, согласно которой он в 445 г. до н. э. уже читал в Афинах часть своего труда.

Композиционно все произведение Геродота делится на две части(33). Первая, заканчивающаяся главой 27 пятой книги, излагает историю Лидии в связи с походами Кира, подробно рассказывает о Египте, ставшем объектом завоевательного похода сына Кира Камбиса, повествует о внутренней истории Персии в связи с воцарением Дария; далее описывается поход Дария против скифов (и поэтому детально рассказывается о Скифии). К этой же части труда примыкают ливийский (персы собирались завоевать Ливию) и фракийский логосы. Вся первая часть представляет собой как бы разросшееся введение, в котором преобладают этнографические и географические экскурсы. Разделы ее в значительной мере самостоятельны: мы ясно выделяем здесь лидийский, египетский, скифский, киренский, ливийский и фракийский логосы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она распадается на три раздела. Первый излагает события ионийского восстания (V 28 — VI 32), второй рассказывает о походе Дария, «мстившего» материковым грекам за помощь, оказанную восставшим ионийцам («афиняне и эретрийцы оказали им помощь кораблями, и эти корабли положили начало бедам, выпавшим на долю эллинам и варварам» — VI 97), третий содержит историю похода Ксеркса. Описанием сражения при Сесте труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается. Является ли это результатом несовершенства литературной техники или же

Геродот просто не успел его закончить — решить этот вопрос со всей определенностью нельзя, но есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд. В VII 213 он обещает рассказать о смерти предателя Эфиальта в «последующих логосах», но сделать этого, по-видимому, не успел.

Таким образом, в композиции труда Геродота сочетается традиционный Περίοδος γῆς с носящим новаторский характер замыслом — описанием греко-персидских войн. Возможно, что к этому замыслу он пришел во время своего пребывания в Афинах.

В эту схему, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, которые Геродот сам называет «добавления ми» (προσθῆκαι) и говорит о них, как о характерном признаке своего труда с самого его начала (IV 30). Благодаря этим отступлениям его труд содержит колоссальное богатство материала. Перед читателем открывается обширный мир древних цивилизаций Востока и Запада, в который автор проникает с наивным и жадным любопытством ионийского грека, пытающегося осмыслить со своей эллинской точки зрения все то, что он видит и слышит. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей (или даже обыкновенных смертных), странные с точки зрения грека обычаи варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем

старается автор рассказать, не упуская из виду главную сюжетную линию, образующую обрамление.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

С художественной точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня. К характерным чертам новеллы у Геродота относятся ее историческое обрамление, сжатость формы, отточенная, меткая и часто афористическая речь, логическая и художественная полнозначность деталей. Мы сталкиваемся здесь с рельефно очерченными характерами, перед нами выступают иногда типические фигуры в типических обстоятельствах (например, придворные, предостерегающие своих властителей, — Санданис у Креза — I 71, Артабан у Ксеркса — VII 8, Артабаз у Мардония — IX 41). С народными устными рассказами Геродота связывает помимо синтаксических особенностей языка и пристрастие к вещим снам, чудесным предзнаменованиям, излюбленным числам. Кроме устного народного творчества, влияние которого на Геродота было очень сильным, он испытал на себе и влияние ионийской литературной традиции, в частности того жанра, который в древности назывался «милетскими рассказами»(34).

Сюжетной законченностью и высокими художественными достоинствами обладают новеллы о сокровищнице Рампсинита (II 121), о Солоне и Крезе (I 29), о жене перса Интаферна (III 118), о Периандре и его сыне Ликофроне (III 50), о Поликрате

(III 125), о Кипселе и Периандре с.473 (V 92), о происхождении спартанского царя Демарата (VI 61), проникнутая тонким юмором новелла о сватовстве к Агаристе (VI 126), новелла о Ксерксе, его брате Масисте и Артаинте (IX 108), которую С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 203) назвал «жутким романом».

Одним из наиболее ярких образцов новеллистического искусства Геродота может служить новелла о лидийском царе Кандавле, его жене и хитром оруженосце Гигесе (I 7—13). Она особенно интересна тем, что мы можем указать на ее источник — народную лидийскую легенду-сказку, объяснявшую происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса(35). В варианте, близком, по-видимому, к фольклорному, она приведена в «Государстве» Платона (II, 359 D). Там рассказывается, как пастух Гигес приобрел волшебное кольцо, которое делало его невидимым. Сумев обольстить жену лидийского царя, он вместе с ней убил последнего и захватил власть в государстве.

Геродот отбросил сказочный элемент, и действие его новеллы носит реалистический характер. Лидийский царь Кандавл решил похвалиться красотой своей жены, показав ее обнаженной своему телохранителю Гигесу, и оскорбленная женщина заставила Гигеса убить ее супруга и жениться на ней. Сжатость формы не помешала вылепить яркие и полнокровные образы: перед нами как живые выступают глупый и хвастливый царь Кандавл, его хитрый оруженосец, пылкая, решительная и гордая жена Кандавла — настоящая лидийская Клитемнестра.

Не менее замечателен тонкий юмор, разлитый по всей новелле, проникнутой поистине аттической солью: он придает ей особую привлекательность. Растерявшийся вначале, но затем быстро оценивший обстановку Гигес забавен, еще более смешон Кандавл, с настойчивостью глупца добивавшийся осуществления своего замысла, приведшего его к столь печальному концу. Юмор подчеркнут авторскими ремарками («суждено, видно, было Кандавлу попасть в беду»), трижды повторяется своеобразная альтернатива, предложенная женой Кандавла Гигесу («или, убив Кандавла, получить и меня и лидийское царство, или самому сейчас же умереть»).

Заметно ироническое отношение грека к некоторым восточным обычаям(36). Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему бо́льшую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком.

Вся новелла носит ясный отпечаток драматизации. Мы находим в ней пролог, действие, развязку(37). Историческое обрамление ее напоминает логографов: исследуется генеалогия лидийских царей, возводимая к Гераклу. Характерна и интонация новеллы, рассчитанная на устное произношение, нанизывающее построение фраз, свойственное народным сказкам («...воцарился Кандавл, сын Мирса... Этот вот Кандавл был страстно влюблен в свою жену... любя ее, он считал...»).

Черты народной сказки в еще большей степени свойственны новелле о сокровищнице Рампсинита. Для оживления рассказа «Геродот чередует веселые сцены с мрачными, жестокими

происшествиями — например, ужасное вынужденное братоубийство со сценой спаивания сторожей» (38). Он стремится рассказать об удивительном(39), поражающем воображение, и с наивным простодушием готов удивляться всему: и победам олимпиоников (VI 36, 103; VIII 47), и победам полководцев (IX 64), открытию искусства дифирамба наравне с пайкой металлов (I 23, 25).

Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений. Труд Геродота не составляет исключения из этого правила. Исторические деятели, выведенные в нем, выступают перед нами произносящими речи, спорящими, советующимися с богами. Характерным примером такой драматизации может служить рассказ о подготовке похода Ксеркса. Он открывается сценой совещания при царе, на котором выступают самые знатные персы (VII 8). Мы встречаем среди них сторонников похода (Мардоний) и его противников (Артабан). Речи царя и лиц, выступающих в совете, построены с большим искусством, содержат обильную аргументацию и украшены сравнениями, делающими доводы выступающих особенно убедительными. Ксеркс гневно отчитывает Артабана, не советующего

выступать в поход. Однако ночью Ксерксу снится вещий сон, побуждающий его не отменять похода. Сон этот повторяется. Тогда Ксеркс призывает Артабана и приказывает ему надеть его, Ксеркса, платье, усесться на трон и затем улечься спать на царское ложе — не приснится ли и ему такой же сон. Артабан вынужден исполнить царский приказ, ему снится все тот же губительный сон (οὖλος ὄνειρος Гомера — Илиада II, 6). Под влиянием этого сна Артабан меняет свое мнение. Наконец, Ксерксу снится еще один вещий сон, который маги толкуют в том смысле, что Ксеркс поработит весь мир. Так богиня безумия Ата заставляет Ксеркса совершить тот дерзостный поступок (поход на Элладу), за который он будет наказан богами.

Необходимо, однако, отметить, что изложение истории похода Ксеркса, сохраняя черты новеллистического стиля, стоит уже ближе к научно-повествовательному рассказу в том его виде, как он представлен в античной историографии.

ГЕРОДОТ — ИСТОРИК СОВРЕМЕННОСТИ

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до проникновенных обобщений, и перед нами чаще выступает уже не художник, а ученый, трезвым и острым умом исследующий факты и устанавливающий их значение, оригинально и глубоко мыслящий. Критическое суждение автора достигает, может быть, наибольшей остроты при оценке роли Афин в победном исходе сражений 480/479 г. до н. э.: «Здесь я оказываюсь вынужденным высказать мнение, которое вызовет недовольство

большинства людей. Тем не менее я не хочу его скрывать, ибо оно представляется мне соответствующим истине. Если бы афиняне из страха перед надвигающейся опасностью покинули свою родину или даже если бы они ее не покинули, а остались бы и добровольно подчинились Ксерксу, никто не осмелился бы выступить на море против персидского царя. А если бы никто не противостоял Ксерксу на море, то и на суше произошло бы то же самое. Пусть пелопоннесцы воздвигли бы несколько крепостных стен в качестве линий обороны на Истме, союзники все равно оставили бы лакедемонян, сделав это не по своей доброй воле, а в силу необходимости, так как их города захватывали бы поодиночке эскадры врага...» (VII 139) (40).

Если первые четыре книги и начало пятой (до гл. 27) можно назвать повествованием о прошлом Эллады и цивилизаций Востока, связанных с ней, то последующая часть «Истории» может быть определена как история современности. Она посвящена событиям, память о которых была свежа в умах старших современников Геродота, — истории греко-персидских войн.

Чем ближе к современности, тем более уверенным чувствовал себя автор (история греко-персидских войн является наиболее достоверной частью его труда). Но и здесь у него много различных вещих предзнаменований, сбывшихся оракулов, чудесных событий и совпадений. Дает себя знать и отсутствие надлежащей точности в цифровых данных — чего стоит, например, его сообщение о пяти миллионах воинов в армии Ксеркса! Современные ученые уменьшают эту цифру в

50 раз. Справедливость, однако, требует отметить, что он стремился к точному описанию сражений и посетил поля сражений при Марафоне, Платеях и др. Новейшие историко-топографические исследования поля Марафонского сражения подтверждают рассказ Геродота. В. К. Притчетт в своей монографии «Марафон» показывает, что данные Геродота о том, что расстояние между враждующими армиями перед началом атаки афинских гоплитов равнялось 8 стадиям (VI 112), соответствуют истине(41). Это тем более важно, что Геродот описывал сражение через несколько десятков лет после того, как оно произошло, и источники, которыми он пользовался, были далеко не совершенными. Картина морской битвы при Саламине, нарисованная им, подтверждается другими источниками — например, трагедией Эсхила «Персы»(42).

Освободительная война, которую греки вели против огромной персидской державы, описана им без всякого намека на то, чтобы как-то очернить врага или намеренно исказить факты в угоду предвзятой концепции (то же можно сказать о «Персах» Эсхила). Заметна превосходная ориентированность автора не только в событиях внутренней истории Эллады, но и в персидских делах (сказывалось его происхождение из Галикарнасса, входившего в состав персидской державы). Правители Галикарнасса стояли в особо близких отношениях к персидскому двору: это видно из рассказа о той роли, которую играла Артемисия, правительница Галикарнасса, при дворе Ксеркса.

В основу изложения истории конфликта положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб». Эти счеты начались еще в мифические времена, причем агрессором тогда оказались не варвары, а греки (I 4); но далее (I 6) агрессором выступает лидийский царь Крез, первым начавший «несправедливые дела» против эллинов. Взаимная вражда обострилась во время восстания ионийских греков. Им оказали помощь Эретрия и Афины, приславшие 25 кораблей. Так как поход Мардония потерпел неудачу, «Дарий назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев» (V 94). Отсюда видно, что Геродот искренне считал, будто Дарий собирался вести войну именно с этими двумя греческими государствами. Историк мог мотивировать это тем, что персы вначале высадились в Эретрии (VI 98) и уже после того, как они овладели этим городом, они направились в Аттику (VI 102).

Защищая свою свободу и независимость, греки совершили величайшие подвиги. Но Геродот далек от того, чтобы исказить историческую истину и умолчать о тех греческих государствах, которые изъявили готовность подчиниться персам (став, таким образом, уже в глазах греков того времени предателями общенационального дела). Порицая действия одних и отдавая должное мужеству и героизму других, Геродот строго дифференцированно обрисовывает позицию различных полисов Эллады в ходе войны. Свет и тени в своем огромном историческом полотне он распределил под сильным

влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд. Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады — Афинским и Пелопоннесским союзами — достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе.

Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов (Геродот прямо называет афинян спасителями Эллады — VII 139).

Партия Перикла всячески подчеркивала эти заслуги Афин. Это отразилось в памятниках эпохи. Весь архитектурный ансамбль акрополя был задуман как величественный памятник борьбы и победы Афин и всех греков над огромной персидской державой. Ансамбль представлял собой чудо архитектуры и должен был привлекать в Афины греков со всех частей тогдашнего цивилизованного мира, оказывая на них определенное

идеологическое воздействие. Труд Геродота, посвященный этой же теме, должен был особенно импонировать вождям демократических Афин и прежде всего Периклу, мечтавшему об объединении Эллады вокруг Афин и поэтому оказывавшему всяческое содействие тому, что способствовало прославлению Афин и их подвига в греко-персидских войнах. Геродот в своем труде восхваляет род Перикла, называя его деда Клисфена человеком, который учредил афинские филы и установил демократию (VI 131). В этом же месте он описывает, как матери Перикла Агаристе (названной так по имени знаменитой Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена) приснился сон, будто она родила льва. Через несколько дней она родила сына Перикла. Можно выразить сомнение, действительно ли приснился подобный сон Агаристе (С. Я. Лурье квалифицировал это сообщение как попытку канонизировать Перикла в духе древнего популярного в Афинах предсказания)(43), но нельзя отказать Геродоту в том, что он нашел эффективную форму для прославления вождя афинской демократии.

В свете этих обстоятельств станет ясным, почему те государства, которые к началу Пелопоннесской войны занимали враждебную Афинам позицию, изображены в отрицательном свете, если они в ходе греко-персидских войн выступали с персофильских позиций или хотя бы стремились сохранить нейтралитет.

Главными врагами Афин к началу Пелопоннесской войны были Фивы, Спарта, Коринф. Геродот сообщает, что именно

фиванцы дали послам персидского царя «землю и воду», т. е. признали себя подданными Персии, и всячески подчеркивает их персофильство (ср. IX 28, 40, 41, 86—88). Рассказывая о том, что фиванцы оказались ревностными сторонниками персов и даже воевали на их стороне, он старается их унизить, изобличая в трусости: «Каждый раз они шли вперед до схватки, но потом их место заступали персы и мидяне, которые преимущественно перед всеми совершали чудеса храбрости» (IX 40). Но нельзя не отметить (и это характерно для «отца истории», стремившегося к объективной истине), что чувство справедливости не позволило ему умолчать о 400 фиванцах, защищавших от персов Фермопилы в отряде спартанского царя Леонида (VII 202). Леонид призывал их принять участие в войне с целью испытать фиванцев, и, по словам Геродота, фиванцы послали ему людей, хотя были настроены иначе (VII 205). Возможно, что информацию Геродот получил из кругов, враждебных фиванцам. Одним из информаторов, имя которого он называет, был житель беотийского города Орхомена Терсандр, «один из первых граждан» (IX 16). В этом месте историк рассказывает о пиршестве, которое фиванец Аттагин, связанный с персами, устроил в честь Мардония и знатнейших персов. Рассказавший об этом пиршестве Терсандр старался подчеркнуть, будто персы предчувствовали свое поражение.

Главной силой в Пелопоннесском союзе, столкнувшемся с Афинским морским союзом во время Пелопоннесской войны, была не столько Спарта, сколько Коринф, обладавший большим

экономическим потенциалом и соперничавший с Афинами в их торговой экспансии на Запад. Коринфяне были заклятыми врагами Афин, и Геродот усердно передает все слухи, порочившие поведение коринфян в греко-персидских войнах. По единодушному мнению греков, самым замечательным героем Саламинского сражения был коринфский адмирал Адимант, но Геродот рисует его трусом и изменником, пытавшимся бежать с поля боя. Совершенно ясно, что Геродот получал здесь информацию из враждебного Коринфу источника.

Напротив, Аргос, который также занимал откровенно персофильскую позицию в греко-персидских войнах, историк пытается всячески обелить. Аргос был главным союзником Афин в Пелопоннесе, его соединяли с Афинами традиционные узы дружбы. Для того чтобы не брать полностью на себя ответственность, Геродот старательно передает все то, чем аргосцы впоследствии пытались оправдать свое поведение. Прежде всего они ссылались на дельфийский оракул, запретивший им принимать участие в войне против персов (VII 148). Если учитывать персофильскую позицию дельфийского жречества, в этом нет ничего невероятного. Кроме того, сами персидские послы, прибывшие в Аргос, объявили аргосцам, что персидские цари состоят в теснейших родственных связях с ними, ибо их предок Персей был аргосским героем (VII 50). Этот аргумент был скорее всего выдуман позднее самими аргосцами. Надуманный характер его был ясен самому автору, тут же поспешившему заявить, что «есть и другой распространенный в Элладе рассказ, что именно они

(аргосцы, — В. Б.) пригласили царя пойти на Элладу, после того как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, ибо они готовы были все предпочесть своему тогдашнему несчастному положению» (VII 52). Но даже и в этих словах мы можем уловить оттенок сочувствия аргосцам(44).

Та часть «Истории», в которой излагаются события, близкие к современности, может дать нам представление и о политических взглядах автора. Он не был демократом в том смысле, как понимали этот термин в Афинах времени Пелопоннесской войны сторонники партии Клеона, но считал более приемлемой для себя демократию, чем тиранию, как показывает, например, влагаемое в уста Гистиея заявление, что каждый город в Малой Азии предпочтет господству тирана власть демократии (IV 137). Многое при этом определяла близость Геродота к партии Перикла. Последний происходил из рода Алкмеонидов, и Геродот делает все для того, чтобы представить членов этого рода в самом выгодном свете. По-видимому, в Афинах ходили слухи о связях этого рода с персами, и Геродот передает легенду, будто Алкмеониды подали персам сигнал щитом, когда те после Марафонской битвы направились к Афинам (VI 115). Но далее Геродот называет эти слухи клеветой (VI 123) на том основании, что Алкмеониды ненавидели тиранов и были освободителями Афин в гораздо большей степени, чем Гармодий и Аристогитон(45). Заявление это исходило из кругов, близких к Периклу. Ход рассуждения Геродота здесь ясен: в персидском войске находился тиран Гиппий, изгнанный из Афин, и персы намеревались

поставить его у власти в Афинах, как видно из речи Мильтиада («если они будут покорены персами, то участь их решена — они будут отданы во власть Гиппию» — VI 109).

Приписывая Алкмеонидам освобождение Афин от тирании, Геродот доказывает, что это и было причиной усиления Афин, послужив решающим условием их победы над врагом: «Будучи порабощены тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина. Напротив, по достижении ими свободы каждый из них стал усердно трудиться ради собственного благополучия» (V 78). Итак, политическая свобода является фактором общественного прогресса — эту мысль мы впервые встречаем у Геродота.

Проблема наилучшего образа правления поставлена автором в сцене знаменитого спора трех знатных персов — Дария, Отана и Мегабиза (III 80—82). В этом споре Дарий защищает, естественно, принципы монархии, Мегабиз — олигархии, Отан — демократии. Нет сомнения, что спор этот измышлен от начала до конца — подобные софистические споры можно представить себе только в Афинах(46). Поражение Отана в этом споре говорит о многом. Если Геродот прославляет Клисфена как основателя афинской демократии (VI 131), то имеет в виду лишь выдвинуть роль Клисфена как выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем из всей «Истории» совершенно ясно, что Геродот политическую свободу считал благом для общества. Спартанский царь Демарат, перебежавший к Ксерксу, в беседе с ним настойчиво проводит ту мысль, что спартанцы никогда

не примут предложений, ведущих к порабощению Эллады (VII 102). Точно так же два других спартанца, Булис и Сперхий, заявили персидскому полководцу Гидарну, что он не имеет представления о значении свободы, иначе он советовал бы спартанцам сражаться за нее не только копьями, но и топорами (VII 135).

В итоге мы могли бы сказать, что политические идеалы Геродота немногим отличались от взглядов на этот вопрос, свойственных обеспеченному гражданству Эллады того времени: они близки к умеренной демократии, и многое здесь определялось его связями с соответствующими политическими кругами Афин.

ИСТОЧНИКИ «ИСТОРИИ» И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Со времени выхода в свет труда Якоби, посвященного Геродоту, можно считать окончательно оставленной ту точку зрения, согласно которой главный труд по сбору материалов и созданию универсальной истории был сделан еще до того, как «отец истории» приступил к написанию своего труда. Информация, почерпнутая им из письменных источников, имела второстепенное значение, особенно в тех разделах, где излагается история греко-персидских войн, как справедливо отмечает Якоби(47). Но нельзя отрицать и того, что автор использовал труд Гекатея (на него он ссылается четыре раза: II 153; V 36, 125; VI 137). Он был знаком и с многочисленными литературными произведениями своего времени(48).

Помимо памятников литературы, в том числе и произведений логографов (но, кроме Гекатея, мы не можем с уверенностью говорить о других, хотя их использование не исключается), Геродот обращался и к другим источникам, в том числе документальным — надписям на посвящениях и стелах (V 59), храмовым хроникам, сборникам оракулов (особенно к так называемым «Гипомнемата» дельфийского оракула, где содержались изречения божества, сопровождавшиеся указаниями, по какому поводу они были даны)(49) и многим другим. Особенно важны ссылки самого автора на источники, которыми он пользовался, и они заслуживают детального рассмотрения.

Поясняя, какие источники он положил в основу своего египетского логоса, автор сообщает: «Нынешними рассказами египтян пусть пользуются те, кому они кажутся правдоподобными: у меня же на протяжении всего моего рассказа предполагается, что я записываю со слуха то, что рассказывают все» (II 123).

А. И. Доватур раскрывает смысл этого заявления следующим образом: «1) Автор добросовестно записывает все то, что ему рассказывают; 2) внесение рассказа в историю вовсе не означает признания за ним исторической достоверности; 3) эти правила соблюдаются на протяжении всего труда Геродота»(50).

Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков. Но, передавая их рассказы, он проявляет здравый критицизм, отвергая такие

детали, как помещение царской дочери в публичный дом (II 121) или рассказ о нисхождении Рампсинита в подземное царство.

Многое из сообщаемого Геродотом об истории и организации персидской державы содержит подробности, которые заставляют предполагать, что информация поступала к автору от влиятельной персидской знати. Он обнаруживает достаточно хорошую осведомленность в персидском образе жизни, военной тактике и стратегии, провинциальной администрации, истории возвышения Дария, в интригах при дворе Дария и Ксеркса. Вместе с тем он не знал персидского языка, о чем свидетельствуют его фантастические объяснения персидских собственных имен (VI 98). Исследователи обычно выделяют следующие источники информации Геродота о персидских делах(51). Прежде всего это могли быть знатные персы, связанные с греческим миром. Одним из них, по-видимому, был Зопир, сын персидского полководца Мегабиза, сражавшегося против афинского экспедиционного корпуса в Египте в 456—454 гг. до н. э. В 40-х годах V в. до н. э. Зопир перебежал в Афины (III 160), и Геродот мог встречаться с ним до того, как покинуть Афины и отправиться в Фурии(52). Другим таким информатором был, как предполагают, потомок Артабаза, поставленного персидским царем во главе сатрапии Фригии в районе Геллеспонта. Во всяком случае автор прекрасно осведомлен о действиях этого персидского полководца (VIII 126; IX 41, 49). Возможно также, что информаторами Геродота о персидских делах были эллины, натурализовавшиеся в Персии (потомки Фемистокла или

Метиоха, сына Мильтиада, попавшего в плен к персам и с почетом принятого Дарием — VI 11). Наконец, Геродот мог использовать документальные данные — официальные документы канцелярии Ахеменидов, переводившиеся на греческий язык и распространявшиеся в греческих городах Малой Азии. М. А. Дандамаев показал, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи»(53).

Геродот цитирует письмо Дария Гистиею (V 24), начинающееся словами: «Гистией, царь Дарий говорит тебе...» Выражение «говорит царь Дарий» встречается в Бехистунской надписи 72 раза.

Многие сообщения Геродота о персидских делах (например, данные о воцарении Дария, сына Гистаспа, о семимесячном правлении Бардии — III 67) подтверждаются персидскими источниками(54). Опубликованная в 1932 г. так называемая «гаремная надпись» Ксеркса из Персеполя оказалась полностью соответствующей по содержанию рассказу Геродота о борьбе между сыновьями Дария за престол (VII 2—3)(55).

Таким образом, в основе изложенной Геродотом истории Персии и походов персидских царей на Элладу лежат как персидские, так и греческие (как мы увидим ниже) устные рассказы и другие источники. Гипотезы некоторых исследователей, согласно которым рассказ Геродота о походе Ксеркса перелагает мемуары Дикея (упомянутого в VIII 65), ни на чем не основаны(56), так же как и предположения, будто автор

широко использовал поэму Херила Самосского «Персика»(57). Сопоставление ссылок автора на устные и письменные источники наглядно показывает подавляющий перевес первых над вторыми. Во всяком случае об одном можно говорить с уверенностью: при изложении истории похода Ксеркса автор использовал лучшие из доступных тогда источников информации(58).

Одним из наиболее важных замечаний автора о его работе с источниками является следующее место из египетского логоса: «До сих пор мое повествование опиралось на личные наблюдения и умозаключения, а также на результаты расспросов: далее я стану излагать рассказы египтян так, как я их слышал, добавляя кое-что и из собственных наблюдений» (II 99). Указанный здесь метод сбора и использования информации характерен для всего труда Геродота. Отсюда можно заключить, что главными источниками для его труда было: 1) то, что он наблюдал собственными глазами (ὄψις); 2) то, о чем он узнавал со слов других (ἀκοῇ); 3) то, что становилось, ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (ἱστορίη и γνώμη).

Исследование может быть не только его собственным — весь труд целиком является собственным исследованием автора, как об этом сказано во введении (I 1), — но может принадлежать и другим (II 118—119). Изредка автор называет имена информаторов. Это Архий (III 55), Тимн (IV 76), Ферсандр (IX 16), жрицы оракула в Додоне — Промения, Тимарета, Никандра (II 55). Он ссылается иногда на имена

информаторов — Дикея (VIII 65), Эпизела (VI 117). Но очень часто автор ограничивается ссылкой на анонимные источники типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этот передают аркадяне», и т. п. В основе таких указаний могут лежать: а) устная информация жителей города или местности, где побывал автор; б) информация, полученная из вторых рук, но со ссылкой на первоисточник; в) нельзя считать исключенной возможность какого-то письменного источника, происходящего из указанного города. В каком случае мы должны отдать предпочтение одной из этих возможностей, будет зависеть от конкретных обстоятельств, и решение вопроса в значительной мере может оказаться субъективным. Но, учитывая сильнейшее влияние устного рассказа на весь стиль произведения Геродота, его любовь к острому словцу, наконец, несовершенство литературной техники того времени, есть основания в большинстве случаев полагать, что термин «говорят» употреблен автором в прямом смысле этого слова(59).

Методы исторической критики источника еще очень несовершенны и иногда наивны, хотя в основном они выше, чем у его предшественников и современников (если исключить Фукидида, в произведении которого эти методы подняты на недосягаемую в масштабах того времени высоту). Мы сталкиваемся у Геродота с сопоставлением противоречивых источников, выбором наиболее правдоподобной версии, иногда отказом от суждения о том, насколько то или иное сообщение

соответствует истине («Действительно ли это так, я не знаю, но передаю то, что говорят» — IV 195).

В своих описаниях он отличает то, что увидел сам, от того, о чем узнавал по слухам: «До города Элефантины я все видел своими глазами, а о том, что находится за ним, знаю уже только по слухам и расспросам» (II 29). В том, что описано им по личным впечатлениям, ошибок очень мало.

Но его неутомимая любознательность приводит к тому, что из-за чрезмерного обилия материала читатель не сразу способен отделить главное от второстепенного или даже чисто случайного.

В качестве примера выбора наиболее достоверной версии можно привести рассказ автора об обстоятельствах смерти Кира (I 214). Здесь указано, что автору известен ряд версий о кончине этого царя, но он приводит ту, которая кажется ему наиболее достоверной. То же мы видим в I 95, где историк, рассказав о возвышении Кира, добавляет, что он знает еще три другие версии этого сюжета. Иногда автор поясняет, почему он не может выбрать тот или иной вариант информации (как, например, в рассказе о битве при Ладе): «С того момента как флоты сблизились и вступили в бой, я не могу в точности описать, кто из ионийцев в этом сражении оказался храбрецом, а кто трусом. Они ведь взаимно обвиняют друг друга» (VI 14).

Все же критика источников, как уже отмечалось, находилась тогда в зачаточном состоянии(60), и только этим можно объяснить появление в труде Геродота описаний, подобных

тому, какое мы находим в III 102. Здесь сообщается, что в пустынях Индии водятся муравьи величиной с собаку, роющие себе норы под землей и выносящие оттуда золотой песок. За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали. Но справедливость требует отметить, что у «отца истории» было здравое чувство естественного недоверия к баснословному и он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами или об одноглазых аримаспах (IV 25, 27; III 116), о превращении людей в волков у племени невров (IV 105), о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена (IV 5) и т. п.

Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации(61). Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали, стремясь поразить воображение любопытного чужестранца. Зато для Саисской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее.

Описание Скифии, содержащееся в четвертой книге (так называемый скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья. Как замечает Сартон, один из новейших авторов истории наук в древности, оно так же

важно, как «Германия» Тацита для истории древних германцев(62). Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения — все, рассказанное Геродотом, в основном подтверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд побратимства у скифов, при котором братающиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках(63).

Главным источником информации о Скифии для автора были его личные наблюдения, сделанные им при посещении Ольвии, а также рассказы местных жителей — как скифов, так и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными(64).

Последние археологические раскопки в Ольвии показали, что описание города, сделанное «отцом истории», в основных чертах соответствует действительности(65).

Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями(66). Сведения, сообщаемые автором о движениях войск, их составе (за исключением вопроса о численности их), очень часто обоснованны, и неопытность автора в вопросах военного искусства обычно преувеличивается. «Если Геродот говорит, что армия движется из пункта А в пункт Б, эти сведения

заслуживают доверия, но он легко может ошибиться, объясняя причину этого перемещения»(67).

Совершенно естественным следует признать то обстоятельство, что рассказы, почерпнутые «отцом истории» из сокровищницы фольклора греков или народов тех стран, которые он посещал, обладают малой степенью достоверности. Ф. Мищенко цитирует Масперо, любившего говорить, что «памятники некогда поведают нам о делах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, от Геродота же мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города»(68).

Упрекать автора за искажение исторических фактов в тех частях его труда, которые основаны на народных легендах и произведениях фольклора, — это все равно что укорять сказителей былин о Добрыне Никитиче или Алеше Поповиче за неточную информацию об истории Киевской Руси.

Историк сознавал, что не все в его труде безупречно как с точки зрения соответствия действительности, так и с точки зрения здравого смысла, и это заставило его сделать заявление, свидетельствующее о величайшей авторской добросовестности: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII 152).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОДОТА

Несмотря на значительный прогресс, который знаменовал собой труд «отца истории» в развитии науки, многое в его восприятии мира, отношении к настоящему и прошлому

(действительному или мнимому) сближало его с логографами. Эта близость проявляется в наивном рационализме, с позиций которого он стремится объяснять греческие мифы. Нимфа Ио, героиня греческих мифов, оказывается соблазненной не Зевсом, а капитаном финикийского корабля. Забеременев, она сама от стыда сбежала из Аргоса на финикийском корабле (I 5). Страна Европа не могла быть названа так по мифической тирской царевне, ибо эта царевна была финикиянкой и никогда не жила в Европе («вначале она прибыла из Финикии на Крит, а с Крита переправилась в Ликию...» — IV 45). Как и логографам, ему свойственны этимологические объяснения. В начале новеллы о Кандавле и Гигесе объясняется происхождение народа лидийцев: он происходит от Лида. Подобные мифические генеалогии были общепринятыми, и греки таким же образом объясняли себе возникновение греческих и иноземных племенных названий. Они были убеждены, что ионийцы ведут свое начало от Иона, дорийцы — от Дора, а персы — от героя греческих мифов Персея.

Наивный рационализм автора особенно заметен в его истолковании легенды об основании додонского оракула, которую он услышал от тамошних жриц (II 54—58). Они сообщили ему, что некогда из египетских Фив вылетели две черные голубки, из которых одна направилась в Ливию и основала там оракул Зевса Аммонского, другая же прилетела в Додону и, сев на дуб, повелела местным жителям основать тут оракул Зевса. Историк прежде всего задается вопросом, как могли голубки говорить человеческим голосом, и отвечает

следующим образом (II 57): «...это были, конечно, не голубки, а женщины, но, так как они прибыли из Египта и говорили на непонятном языке, показалось, будто они говорят по-птичьи. Что же касается черного цвета голубок, то это следует объяснять смуглым цветом кожи египетских женщин». Подобные рационалистические толкования могли приходить в голову ему самому, но он мог их найти и в труде Гекатея: во всяком случае он относится к ним с полным доверием.

Доверчивость вообще свойственна Геродоту, несмотря на замечаемые у него элементы критицизма, духа ионийского скепсиса, породившего некогда философию Ксенофана(69). Она проявляется особенно заметно в его отношении к греческим и иноземным культам. Хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к старинным религиозным представлениям (в Афинах, где подолгу жил Геродот, софисты пользовались особой популярностью), сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности. Когда в своих исследованиях он наталкивается на объяснение событий путем вмешательства потусторонних сил, он безоговорочно принимает эти объяснения — идет ли речь о самопроизвольном исчезновении священного оружия, чудесной силой вынесенного за порог храма (VIII 37), или о грозных предзнаменованиях богов, обративших варваров в бегство (VIII 37): узнав об этом бегстве, дельфийцы спустились с гор и перебили немалое их число. Совершенно очевидно дельфийское происхождение этой легенды. Жрецы Дельф занимали персофильскую позицию во время греко-

персидских войн, но, чтобы оправдаться перед потомством, они сочиняли подобные басни.

Якоби заметил, что Геродот никогда не прилагает усилий к тому, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него есть теологическое их обоснование(70). Он отлично знает причины, побудившие Ксеркса начать свой поход против греков: стремление к мировому господству, роль военной партии при дворе Ксеркса, усилия афинского тирана Гиппия, надеявшегося при помощи персов вернуть себе власть в Афинах, но предпочитает остановиться на той, которая представляется ему главной, рассказав о видении, явившемся во сне Ксерксу (VII 12—14). Во всем этом он был истинным сыном своей эпохи.

Как и подавляющее большинство его современников, Геродот — богобоязненный человек(71). Боги для него существуют реально и постоянно вторгаются в жизнь людей, определяя их судьбу. Все в мире подвержено тлению, лишь одни боги неизменны и вечны. Выше всех стоит рок — Мойра (Пифия, жрица оракула Аполлона Дельфийского, говорит пришедшим к ней лидийцам: «Судьбы не могут избежать даже боги» — I 91). При помощи оракулов и предзнаменований, видений, являющихся людям во сне, и устами прорицателей боги открывают свою волю людям, то, что готовит им Мойра (I 209; VI 27). За преступлением обязательно должно следовать возмездие, пусть даже через многие поколения (за преступление Гигеса расплачивается его далекий потомок Крез). Божество завистливо и вспыльчиво, любит смуту (I 32). Попытка человека превысить отведенную ему меру счастья вызывает

зависть божества и как следствие кару: чрезмерное счастье чревато бедой, и это испытал на себе тиран Самоса Поликрат. Перс Артабан говорит Ксерксу (VII 10): «Ты видишь, что бог поражает молнией выдающиеся величиной и силой живые существа, стараясь их уничтожить, малых же он не замечает. Ты видишь, как он поражает своими молниями всегда самые высокие сооружения и деревья: любит ведь бог все выдающееся смирять». Непререкаемость слепого рока, наказывающего всех, кто захватывает себе больше счастья, чем ему отведено, является основным законом истории, и вся его книга представляет собой ряд иллюстраций этого общего положения(72).

Боги эллинов — те же, что боги всех других народов. «Все люди имеют одинаковые представления об именах богов», — заявляет он, убедившись в этом после беседы с жрецами Мемфиса, Фив и Гелиополя (II 3). Имена олимпийских богов эллины заимствовали от египтян. Только Посейдон и Диоскуры, а также Гера, Гестия, Фемида, Хариты и Нереиды являются эллинскими богами (II 50). Даже Геракл — и тот египетского происхождения, но миф, который рассказывают о нем эллины (будто египтяне пытались принести его в жертву, а он порвал путы и перебил их всех), — нелеп по существу. «Можно ли допустить, чтобы Геракл один, к тому же будучи человеком, перебил, как говорят великое множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них» (II 45). Для Геродота достаточно малейшего сходства, чтобы установить тождество египетского и эллинского

бога(73). Ко всем тайнам культа богов он относится с необыкновенным интересом и всячески дает понять, что знает многое, но благоговейно умалчивает обо всем этом, за исключением таких деталей, о которых не грешно говорить (II 171). Но многое в его воззрениях на религию отличало его от Гомера, и, отыскивая причины некоторых событий во вмешательстве богов, он склонен иногда допустить, что оно могло и не иметь места (как в описании бури у Сепиады — VII 191). Эти элементы скепсиса были следствием влияния эпохи и среды, скорее всего афинской.

Происхождение современных ему людей и исторических деятелей он без колебаний возводит к мифическим героям и даже богам, отдавая таким образом дань старинным аристократическим представлениям, согласно которым басилевсы называли себя διογενεῖς (зевсорожденными). «Теряющиеся в баснословной древности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события»(74).

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий. В отличие от Фукидида Геродот не мыслит политическими понятиями, и его изложение течет в русле категорий справедливости и несправедливости, преступления и возмездия за него, мужества и трусости, бескорыстия и корыстолюбия, зависти и великодушия.

Человеческие пороки выступают в самых разнообразных проявлениях и оттенках.

Часто единственным объяснением великих исторических событий выступают у него обида или месть за нее. Многочисленные примеры собраны А. И. Доватуром: Киаксар и мидяне наказывают скифов за их бесчинства в Азии (I 106); массагетская царица мстит Киру за своего сына (I 214); египетский врач, высланный в Персию Амасисом, содействует походу Камбиса на Египет (III 1); скифский поход Дария предпринят этим царем с целью отомстить скифам за вторжение в Мидию (IV 1)(75).

Важнейшей религиозно-философской идеей автора в его осмыслении мира, человеческого общества и места, которое в нем занимает человек, является идея о превратности судьбы. Никто не может быть уверен в своем счастье, как бы высоко он ни вознесся. Художественное воплощение эта идея получила в новелле о Солоне и Крезе (I 30—32).

Как человеческие достоинства, так и недостатки не являются привилегией какого-нибудь одного народа, но свойственны всем людям. «Полагаю... что если бы все люди собрались и принесли с собой все пороки, чтобы обменяться ими со своими соседями, то каждый, увидя пороки соседей, испугался бы и поскорее унес с собой назад то бремя пороков, с которым пришел сам» (VII 152). Слова эти сказаны в том месте, где автор всячески пытается оправдать аргосцев за содействие, которое они оказывали персам.

Мир, каким его видел Геродот, был миром обычных людей, его современников, эллинов и варваров. Аристократы и простолюдины, жрецы Дельф и жрицы Додоны, ремесленники и торговцы, ветераны греко-персидских войн и переводчики на Востоке, греки и варвары, самые разнообразные категории людей сталкивались с ним на родине и на чужбине во время его продолжительных путешествий, делились с ним воспоминаниями и впечатлениями, всем, что они знали и что он хотел от них услышать, чтобы записать и запомнить. И сам он был похож на них, любознательный и общительный — истинный сын своей эпохи и своего народа.

ГЕРОДОТ — ОТЕЦ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Исследователи труда Геродота очень рано отметили характерную особенность его путешествий. Пути, по которым он странствовал, пролегали в подавляющем большинстве случаев по уже освоенным греками землям. Это был почти весь тогдашний цивилизованный мир, ойкумена. Дороги в нем были хорошо изучены, потому что этого требовали настоятельные нужды мореплавания и торговли. Географические знания этой эпохи нашли впервые в античной литературе более или менее систематизированное изложение в труде Геродота.

«Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытий в этой науке. Поднявшись вверх по Нилу, он впервые познакомил греков с городом Мероэ (II 29). Так же впервые им было очерчено расположение Каспийского моря — он открыл, что оно было замкнутым бассейном (I 202—203). Эта точка зрения

утвердилась только во II в. н. э. у географа Клавдия Птолемея (жившие после Геродота Эратосфен и Страбон считали Каспийское море заливом Северного океана).

Тем не менее его географические представления о некоторых районах были еще очень приблизительными. Скифию он представлял себе в виде четырехугольника, западную сторону которого образует Истр (Дунай), восточную — Меотида (Азовское море), северную — земли пограничных со скифами народов. Южная сторона Скифии тянется вдоль Понта. Каждая сторона этого четырехугольника имеет в длину 4000 стадий: таким образом, общая площадь Скифии равняется 300 000 км2. Суровость климата Скифии Геродот, вероятно, преувеличил, но его сообщение о том, что Меотида и Боспор Киммерийский (Керченский пролив) зимой замерзают (IV 28), соответствует действительности.

Географические описания в книге «отца истории» занимают столь большое место, что Якоби предположил, будто Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф. Такое суждение является результатом критического отношения к его труду с позиций современной исторической науки, но характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в тот раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний(76). Вклад Геродота в географию действительно велик, хотя, может быть, если бы сочинение Гекатея дошло до нашего времени, он не показался бы уж таким обширным.

Но вместе с тем исследование геродотовской географии убеждает нас в том, что в своих основных чертах она совпадает со взглядами на этот предмет, которые были общепринятыми в его времена. В четвертой книге «Истории» Геродот, критически отозвавшись об авторах «Обозрений земли», утверждавших, будто земля имеет форму круга, омываемого со всех сторон океаном, считает необходимым изложить свои взгляды на карту мира. Строит ее он следующим образом. Четыре народа — колхидяне, саспиры, мидяне и персы — живут от Северного моря до Эритрейского (под которым Геродот понимает Индийский океан со всеми его заливами). От этого «меридиана» выступают к западу два «мыса». Первый из них с северной стороны начинается от Фасиса (Рион) и достигает, протянувшись вдоль Понта и Геллеспонта, троянского Сигея. С южной стороны этот мыс тянется от Мириандрийского залива (между Сирией и Киликией) до Триопского мыса. Это та самая территория, которая теперь называется Малой Азией (IV 38).

Другой «мыс» простирается вдоль Эритрейского моря. На нем расположены Персия, Ассирия и Аравия. Кончается этот мыс у Аравийского залива, там, где Дарий проложил канал от Нила к этому заливу. Таково очень приблизительное описание Аравийского полуострова и прилегающей к нему территории, которую Геродот вместе с описанной выше Малой Азией называет Азией (IV 40).

Вторая часть света, Ливия, помещается на втором из мысов, следуя непосредственно за Египтом (IV 41).

Вместе с Европой эти три части света составляют единый континент. Так утверждали ионийцы, но Геродот уверен, что они не правы, так как к этим трем частям света надо добавить еще четвертую, а именно дельту Нила (II 16): «...она не относится ни к Азии, ни к Аравии, а расположена в промежутке между Азией и Ливией» (II 16).

Азия заселена до Индии, и территория дальше к востоку представляет собой пустыню, никому не известную.

Что касается величины этих частей света, то Геродот протестует против утверждения авторов «Обозрений земли», будто Азия одинакова по величине с Европой (IV 36). В действительности Европа равняется по длине Азии и Ливии, вместе взятым, а по ширине ее даже нельзя сравнивать с Азией и Ливией (IV 42).

Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на востоке и на севере (IV 45). Сообщив такую деталь, Геродот добавляет, что придерживается по этому поводу общепринятых мнений.

Тот наивный рационализм, с позиций которого «отец истории» толковал освещенные древностью мифологические сюжеты, проявляется и в тех местах его труда, где он пытается объяснить загадочные явления природы или уточнить географическое описание мира и отдельных стран. В II 28 он передает рассказ хранителя сокровищ богини Нейт (он называет ее Афиной) о верховьях Нила. Этот жрец заявил, будто истоки Нила находятся между двумя горами — Крофи и

Мофи. Царь Псамметих пытался измерить глубину этих истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч саженей не достигла дна. Рассказ этот показался явно нелепым здравомыслящему греку, и он объяснил этот факт следующим образом. По-видимому, в верховьях Нила существуют мощные водовороты, и бурное течение отнесло веревку таким образом, что она не достала дна.

Ливия омывается водой со всех сторон, и первый доказал это фараон Нехо, отправивший финикийцев с приказанием плыть из Эритрейского моря на юг и, обогнув Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив), вернуться в Египет. Два года плыли финикийцы и только на третий вернулись в Египет через Геракловы Столпы. Сообщив об этом, Геродот добавляет: «Рассказывали также, чему я не очень верю (другой кто-нибудь, возможно, этому и поверит), что во время этого плавания кругом Ливии финикийцы видели солнце с правой стороны». По этому поводу Ф. Мищенко замечает: «Добросовестность Геродота как наблюдателя и записывателя доказывается более всего такими случаями, когда он заносит в свой труд показания, которые подтверждаются впоследствии географическими, историческими и этнографическими изысканиями. Геродот не верит тому, будто финикияне во время плавания вокруг Африки имели солнце с правой стороны, так как наш автор не имел еще никакого понятия об эклиптике и экваторе»(77).

Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же

направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (II 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр»). Но ошибка эта не покажется нам такой большой, если мы вспомним, что эта точка зрения продержалась в Европе до конца XVIII в.(78).

Все части света и страны мира, о которых повествует Геродот, привлекали его не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их населяли народы, вызывавшие особый интерес автора. Он уделяет величайшее внимание описанию варварских народов, их быта и обычаев, существующих у них форм брака и семьи, жилищ и одежды, религии и даже языку, хотя о последнем он очень редко сообщает полезные сведения: лингвистом он не был. Этнографические описания Геродота занимают значительное место в его труде, и в них содержится сравнительно мало неточностей, потому что они являются результатом его личных наблюдений — а смотрел он достаточно внимательно и зорко.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота является описание Скифии. Оно начинается с обзора географических условий, затем он рассказывает о богах, называя их имена по-скифски, обычаях, жертвоприношениях и гаданиях, военном деле, врачевании, наказании преступников, погребальных обрядах. Как уже указывалось выше, многие из сообщений Геродота подтверждаются археологическими исследованиями(79).

Некоторые из этнографических описаний автору не принадлежат. Таковы сведения о пигмеях в Ливии, полученные даже не из вторых, а из третьих рук. О пигмеях рассказали насамоны аммонскому царю Этеарху, тот поведал это киренцам, а от киренцев уже услышал этот рассказ Геродот (II 32).

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился во время своего путешествия, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном (θωυμαστά — I 1) был одной из основных целей его труда, как видно из цитированного введения. Автор сам говорит об этом в описании египетских обычаев: «Как небо над египтянами отличается от неба других стран и река их имеет иную природу, чем все прочие реки, так подобно этому многие нравы и обычаи их противоположны нравам и обычаям остальных людей. Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. У всех остальных людей толкают уток вверх, а у египтян вниз. Мужчины у них носят тяжести на головах, женщины на плечах. Женщины мочатся стоя, мужчины сидя. Испражняются египтяне дома, а едят на улице, говоря, что все непристойное, хотя и необходимое, следует делать скрытно, а пристойное публично. Ни одна женщина не выполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве, и жреческие должности исполняют только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если они того не хотят, содержать

родителей, дочери же, наоборот, обязаны это делать непременно, хотя бы они того и не желали» (II 35).

В некоторых своих описаниях Геродот обратил внимание на такие особенности жизни народов, которыми европейская наука заинтересовалась только в середине XIX в. Он описал жизнь озерных жителей, обитавших в жилищах, построенных на сваях, на основании впечатлений от пребывания в Македонии (V 16). Первые труды о свайных постройках появились в европейской науке только во второй половине XIX в.

Этнография Геродота заслуживает внимательного исследования, но даже беглое знакомство с его трудом позволяет без преувеличения заявить, что «отец истории» является для нас практически и первым этнографом Европы(80).

ТРУД ГЕРОДОТА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Необыкновенное разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие рассказов (Cic. De leg. I, 1), фантастические детали, почерпнутые автором из фольклора самых различных народов древности, — все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины. Особенно ожесточенным противником «отца истории» был Ктесий, бывший при персидском дворе с 415 по 398 г. врачом. В своей «Персидской истории» он изо всех сил старался изобличить Геродота в лживости. Интересно при этом отметить, что труд самого Ктесия, по словам Плутарха (Artax. I), содержал

множество ошибок и преднамеренных извращений фактов. О геродотовском описании Египта, как переполненном выдумками и баснями, критически отзывался Диодор (I, 69), оттенок недоброжелательности заметен и у Страбона (XI, 6, 3). Но самые резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он был несправедливым и низким человеком, стремившимся увидеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения, мы находим в специально написанном для этой цели трактате Плутарха «О злонравии Геродота»(81). Надо иметь в виду, что он был написан, когда Греция была малозначительной провинцией Ахеей в составе огромной Римской империи. Тяжело переживавшие униженное положение, в которое вверг Элладу могущественный Рим, представители греческих образованных кругов с особой гордостью хранили память о героическом прошлом своей родины. Одной из самых ярких страниц истории этого прошлого были греко-персидские войны. Но сочинение Геродота менее всего соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального греческого дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков. Плутарх обвинил Геродота в недоброжелательности по отношению к беотийцам, полагая при этом, что он выполняет свой долг, становясь «на защиту своих предков и истины» (Плутарх был беотийцем). Сам Плутарх в своих произведениях стремился нарисовать картину тесного единства греков, героически

отстаивавших свободу и независимость своей родины от нашествия варваров.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым гуманистом Лоренцо Валла (Венеция, 1479), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли интерес читателей нового времени к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стефанус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.

Открытия в области древней истории, сделанные в начале и первой половине XIX в., заставили европейских ученых взглянуть на сочинения Геродота под новым углом зрения. В результате дешифровки египетских иероглифов и вавилонской клинописи исследователям стали доступны первоисточники по истории Древнего Востока, и это позволило выделить историю Древнего Востока в самостоятельную научную дисциплину. Прогресс знаний в этой области вызвал двойственную реакцию в отношении к Геродоту. С одной стороны, обнаружилось, что все рассказанное Геродотом по личным впечатлениям в достаточной мере достоверно и, чем ближе описанные им события к современной ему эпохе, тем его изложение точнее. Как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны, в основном подтвержденную туземными источниками(82). То же

можно отметить и для истории Персии. Геродот был знаком с официальной документацией канцелярии персидских царей — во всяком случае с теми документами, которые распространялись в греческом переводе.

С другой стороны, многие исследователи, стремившиеся проникнуть в дух и смысл этого удивительного произведения, обратили внимание на большое количество неточностей и ошибок в труде Геродота: древнейшая история Египта в изложении Геродота содержит очень мало достоверного, хотя и здесь нельзя отрицать ценности сведений, сообщаемых им, например, о строительстве пирамид. От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин. Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными. При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитать наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов. Кроме того, сочинение его представляло определенный уже сложившийся жанр, более всего доступный и понятный тому кругу читателей, на который оно было рассчитано с самого начала. Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придирчивые критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого компилятора, то просто в недобросовестного автора,

намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях(83).

В конце XIX в. в европейской науке наступил перелом в отношении к Геродоту и достоверности его сочинения. Наиболее характерным примером может служить работа Овемта(84). В своем труде Овемт отдал должное энергии, проницательности и доброй воле Геродота, восстановив доверие к его произведению. Майрс подчеркивает, что после придирчивой и часто несправедливой критики XIX в. геродотовское описание Египта получило высокую оценку специалистов(85).

Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа. Идею эту усиленно развивал Говальд(86). Она была подвергнута резкой критике Поленцом, подчеркнувшим в своем исследовании, что Геродот прежде всего историк греко-персидских войн(87).

Анализ текста и источников «Истории», проделанный Якоби в его фундаментальном исследовании, подвел итог критическому отношению к «отцу истории». Якоби дал критическую оценку всем теориям, выдвинутым в науке для объяснения происхождения и значения труда Геродота.

Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками(88). Разумеется, он не может ни в коей мере сравниться с Фукидидом, который был военным по

профессии, но нельзя утверждать, что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Гранди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении(89). Особенно важен труд Хигнетта, защитившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности.

Итоги критики труда Геродота на Западе подводит Майрс: «Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников. Его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат. Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. Это было, может быть, неизбежной стадией критического изучения, не зависевшей от позиции отдельных ученых. За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора; как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различения материалов источников Геродота в зависимости от их качества — дурных

и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация, им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения была его собственной»(90).

Выше уже указывалось, что отношение русской исторической критики к труду Геродота было всегда благожелательным. Наиболее ярким примером этому могут служить статьи Ф. Г. Мищенко, помещенные в качестве приложений к его переводу труда Геродота на русский язык. Статья «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» является монографическим исследованием, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени. Она отличается четкими и строго взвешенными суждениями, свободна от мало обоснованных гипотез, которые, к сожалению, довольно часто встречаются в посвященных Геродоту статьях и книгах(91). Как указывает С. Я. Лурье, в работе Ф. Г. Мищенко мы находим «единственный в мировой литературе связный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота»(92). Эти же высокие качества в полной мере свойственны и второй неоднократно цитировавшейся здесь статье того же автора «Не в меру строгий суд над Геродотом»; см. также статью

«К вопросу об источниках и добросовестности Геродота» (ЖМНП, 1888, июль).

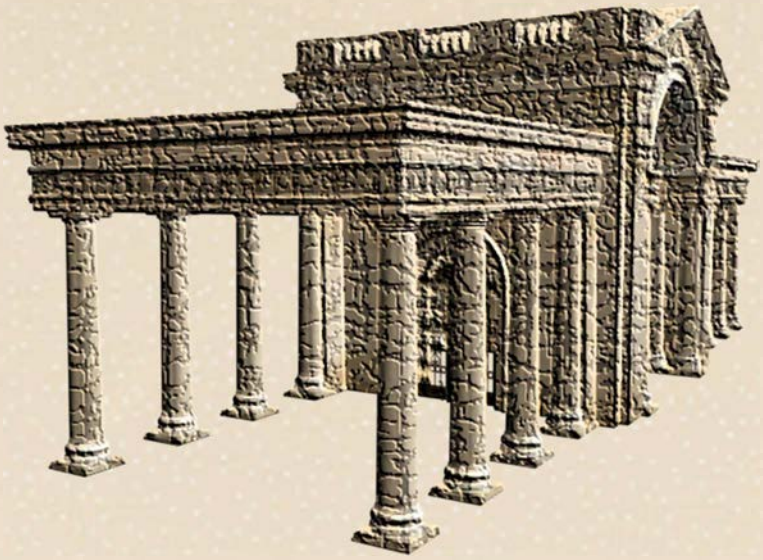
Эти традиции были продолжены в книге С. Я. Лурье «Геродот», ставившей своей целью «представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о греко-персидских войнах и одновременно — первой книгой по истории» (стр. 5). Заслугой С. Я. Лурье является оригинальная и остроумная трактовка мировоззрения Геродота, вскрывающая истинные причины той тенденции его труда, которую более поздние греческие историки и писатели (например, Плутарх) воспринимали как предательство общегреческого дела и нескрываемое сочувствие к варварам (μηδισμός). Хорошо документированной работой является книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», посвященная проблеме истоков научного стиля прозы Геродота и взаимоотношению между ним и фольклорным стилем в истории Геродота.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств(93).

Ему мы обязаны тем, что события огромного мирового значения, какими были греко-персидские войны, остались навсегда для человечества поучительным примером героизма народа, сражающегося за свою свободу и независимость.

В нем не было и тени расового высокомерия или нетерпимости, что дало повод Плутарху назвать его «филоварваром» в упоминавшемся выше трактате «О злонравии Геродота»(94).

Не было в нем и стремления подчеркнуть свое превосходство над своими предшественниками и современниками, труды которых он критикует в очень сдержанной и безыскусственной манере, искренне смеясь над тем, что казалось ему нелепым (IV 36), или тонко иронизируя по поводу того, что представлялось ему претенциозным или смешным. Читая его труд, мы следим за первыми шагами еще во многом наивной и несовершенной науки. Перед нами свидетельство ее детства, обладающее, однако, неповторимой прелестью, неувядающей свежестью и привлекательностью благодаря всепокоряющему искусству Геродота — пытливого исследователя-историка и увлекательного рассказчика-новеллиста.



ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «история» (ἱστορία) был ионийским по происхождению и означал «исследование». Лишь позднее он приобрел значение «исторического исследования», «повествования».

2. Языком ранней греческой прозы становится ионийский диалект в его литературной стилизованной форме. На нем писали и те, для которых он не был родным, как например Гелланик с Лесбоса. Галикарнасс же, родина Геродота, хотя и был дорийской колонией, к V в. до н. э. испытал сильное ионийское влияние: до нас дошли надписи из Галикарнасса на ионийском диалекте.

3. См.: E. Hoffmann. Qua ratione ἔπος μῦθος αἶνος λόγος et vocabula ab eisdem stirpibus derivata in antiquo graecorum sermone adhibita sunt. Göttingen, 1922.

4. Термин «логографы» был введен в широкий научный обиход в середине XIX в. (L.Creuzer. Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung. Leipzig, 1845) и удержался, несмотря на то что были высказаны веские соображения, заставившие такого крупного исследователя, как Якоби, отказаться от него (см.: RE, s. v. Logographen).

5. Эти цитаты носят случайный характер и далеко не всегда могут служить основанием для суждения о плане всего сочинения, источниках, стиле и т. п. Представим себе, что от прелестной новеллы Геродота о Кандавле и Гигесе (I 8), о которой речь пойдет ниже, сохранилось только ее введение, где дана сухая и сжатая справка о лидийских царях до Кандавла. Каким монотонным и скучным автором предстал бы для нас Геродот, если бы из всего его сочинения сохранилось только это место!

6. См.: RE, s. v. Logographen.

7. Об одной такой карте сообщает Геродот (V 49). Она была вырезана на медной доске, и на ней было «изображение всей земли, море все и реки все...»

8. F 328 B Jacoby (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923).

9. F 30 Jacoby. В отрывке идет речь о судьбе потомков Геракла — Гераклидах, прибывших к Кеику, чтобы спастись от преследований Еврисфея.

10. Свидетельство Памфилы не вполне надежно, так как оно опирается, по-видимому, на хронологические комбинации

александрийских грамматиков, приурочивших самый значительный факт биографии историка — участие в заселении общегреческой колонии Фурии (444 г. до н. э.) — к его «акмэ», т. е. сорокалетнему возрасту. См.: F. Jacoby. Herodotos. RE, Suppl. H. II. S. 229; W. Howa, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1957. См. также: Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. LXIII (Геродот. История. М., 1888); С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 10.

11. F. Jacoby. Herodotos. S. 232: «Здесь в ряде экскурсов он оправдывает поведение афинян по отношению к Эгине, объясняя изгнание эгинян в 431 г. как следствие продолжающегося гнева богов. Если бы ему была известна их судьба, которую афиняне готовили им в 424 г. (Thuc. IV, 57), он непременно упомянул бы об этом».

12. Эпическая поэзия оказала сильнейшее влияние на труд Геродота: не случайно анонимный критик (Псевдо-Лонгин) называет его «самым гомерическим» писателем (De sublim. 12).

13. Ср. также IV 43, 88, 152; все эти места говорят о прекрасном знании Самоса. Баррон (J. P. Barron. The sixth-century Tyranny at Samos. Classical Quarterly. LVIII. 1964, p. 212) показывает в своей статье, что в основном Геродот опирался на устную местную традицию.

14. Хотя Майрс (J. Myres. Herodotus, Father of History. Oxford, 1953, p. 5) допускает возможность того, что Геродот был

торговцем, он вынужден признать, что в его труде нет и намека на профессию автора.

15. По поводу традиции о чтении Геродотом своего труда в Афинах см.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 18 сл.

16. Геродот был в Египте после битвы при Папремисе (ок. 462—459 гг.), что видно из его описания поля битвы и черепов, там обнаруженных. Но он не мог приехать туда во время восстания 463—456 гг., ибо из его описания ясно вытекает, что весь Египет находился в это время под властью персов. К 445 г. относит это путешествие Браун (T. S.Brown. Herodotus speculates about Egypt. Amer. Journ. Philol. Vol. LXXXVI, 1, 1965, p. 61).

17. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 14.

18. Штрасбургер (H. Strasburger. Herodot und das perikleische Athen. Historia. IV, 1955, SS. 1—25) пытался доказывать, будто Геродот выехал в Фурии не потому, что был близок к партии Перикла, а для осуществления своих панэллинских идеалов, но идея эта не встретила поддержки. См.: F. Harvey. The political sympathies of Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 254 sqq.

19. Именно это имеет в виду Страбон (XIV, 2, 16), когда говорит о том, что Геродота прозвали фурийцем, а вовсе не рукописную традицию, как ошибочно полагает Якоби (Herodotos, S. 205).

20. Мейер (E. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Herodots Geschichtswerk, II, Halle, 1899, SS. 197, 222) предполагал, что

Геродот покинул Фурии после того, как там победила партия, враждебная Афинам. См. так же: C. Hignett. Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 1963, p. 26.

21. J. Myres, op. cit., p. 16. Хигнет (ук. соч., стр. 26) считает более вероятным, что Геродот умер в Фуриях.

22. Хроника Афины Линдосской представляет собой эпиграфический памятник 99 г. до н. э., открытый датчанами в г. Линде на Родосе. Она была впервые издана Блинкенбергом (Ch. Blinkenberg. La chronique du temple Lindien. Oversigt over det kgl. danske videnskabernes selskabs forhandlinger, 1912, № 5—6, p. 318 sqq.).

23. Хотя Страбон (XVI, 2, 16), Павсаний (IV, 7, 4) и составитель Линдосской хроники называют Геродота фурийцем, отсюда еще никак не следует, что так именовал себя сам Геродот. Вряд ли можно предполагать, что Геродот нашел для себя в Фуриях, где вскоре после основания началась ожесточенная борьба и влияние Афин упало, свою вторую родину. Может быть, его отношение к этой колонии проявилось в том, что он нигде о ней не упомянул, хотя, как мы видели выше, обнаруживает хорошее знакомство с местностью, где она была основана.

Во времена Геродота жители колоний очень часто продолжали называть себя гражданами того города, откуда они происходили. Так, жители Ольвии еще в V в. до н. э., много лет спустя после основания этой колонии, упорно считали себя милетянами, как сообщает Геродот (IV 78). Дионисий

Галикарнасский, глубоко изучавший труды историков прошлого, называет Геродота галикарнассцем (Thuc. 5). Легран (Ph. Legrand. Hérodote. Paris, 1932, p. 13; REA, XXXVI, 1934, p. 407), Поленц (M. Pohlenz. Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes. Berlin—Leipzig, 1937, S. 44) и С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 26) склоняются в пользу чтения Ἡροδότου Θουρίου, следуя Якоби (Herodotos, S. 205). Напротив, Майрс (ук. соч., стр. 3) придерживается традиционного чтения рукописей.

24. В понимании этого места имеются известные трудности. Слово ἔργα, которое переведено здесь как «деяния», некоторые понимают как «сооружения». Так, С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 124) допускает возможность обоих толкований. Поленц (ук. соч., стр. 3) решительно отвергает возможность второго из указанных переводов: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опровержении... Для грека Дионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα Геродота как πράξεις (Ad Pomp. 3, 3; Thuc. 5)». Слово ἔργον в значении «подвиг, деяние» можно обнаружить в ряде контекстов (ср., например: Xen. Cyrop. I, 1, 5; I, 4, 25). Литературу вопроса см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

25. J. Myres, op. cit., p. 66.

26. K. Marot. Die Anfänge der griechischen Literatur. Budapest, 1960, S. 323.

27. Для древности Геродот был прежде всего историком греко-персидских войн, как видно из сочинения Лукиана (Herod. 2). См. также: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 65.

28. F. Jacoby. Herodotos, S. 281. Якоби, следуя в основном идеям Бауэра (A. Bauer. Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerks. Wien, 1878), предположил, что вначале целью Геродота было создание «Обозрения земли», подобного сочинению Гекатея, и лишь позднее он пришел к идее написать историю греко-персидских войн. Имел ли Геродот в виду эту цель с самого начала работы — этот совершенно неразрешимый вопрос ставит также Де Санктис (G. De Sanctis. La composizione della storia di Erodoto. Rivista di filologia, 4, 1926, p. 290). По мнению Де Санктиса, логосы Геродота создавались не как независимые сочинения, но как части органически единого труда, посвященного истории Персии. Против мнения Якоби, что Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф, возражает Хигнет (ук. соч., стр. 27).

29. Внутреннее единство, присущее, например, египетскому логосу, отмечает Фогт (J.Vogt. Herodot in Ägypten. Genethliakon W. Schmid. Tübing. Beiträge z. Altertumswissenschaft. H. V, 1929, S. 130) и Де Санктис (ук. соч., стр. 290), подчеркивающий «органичность» и «артистическое единство» этого логоса.

30. Деление на девять книг, названных именами Муз, принадлежит александрийским грамматикам.

31. W. Aly. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 58.

32. A. Hauvette. Hérodote historien des guerres médiques. Paris, 1894, p. 47.

33. J. Myres, op. cit., p. 60.

34. Стиль «милетского рассказа» оказывал влияние на античную прозу до самых поздних времен. «Вот я сплету на милетский манер разные басни...» — начинает свои «Метаморфозы» Апулей.

35. О богатствах Гигеса вспоминает Архилох: Οὔ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει(Что мне заботы до богатства Гигеса).

36. Та же ирония сквозит в истории перса Отана (V 25): «Отец Отана Сисамн был царским судьей. Царь Камбис за то, что Сисамн, решая судебные дела, брал взятки, казнил его, повелев при этом содрать с него кожу, нарезать из нее ремней и обтянуть ими тот самый трон, сидя на котором Сисамн вершил суд. Затем Камбис назначил судьей вместо Сисамна, с которого он содрал кожу, сына Сисамна, посоветовав ему помнить, на каком троне он будет сидеть, когда будет вершить суд. Вот этот-то Отан, посаженный на такой-то трон, стал тогда преемником Мегабаза...». По поводу иронии у Геродота см.: A.Piatkowski. Le sourire ironique d' Hérodote. Studi clasice, X, 1968, p. 51 sqq.

37. Драматическому характеру этой новеллы Геродота посвятил свою статью Шталь (H. P. Stahl. Herodots Gyges-Tragodie. Hermes, XLVI, 1968, S. 385 ff.). Как полагает Уотерс

(K. H. Waters. The Purpose of dramatisation in Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 157 sqq.), указанная особенность стиля Геродота обусловлена тем, что он адресовался к публике, приученной следить за развитием драматического сюжета на сцене.

38. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 136.

39. Проблеме «удивительного» у Геродота посвятил свою работу Барт (H. Barth. Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot. Klio, 50, 1968, S. 93).

40. Якоби (Herodotos, S. 355) считает эти слова ключом ко всему произведению Геродота. См. также: K. Wüst. Politisches Denken bei Herodot. Würzburg, 1935, S. 39.

41. W. K. Pritchett. Marathon. Univ. of Calif. public., in class. archaeology, vol. 4, Berkeley a. Los Angeles, 1960, p. 143. См.: A. Gomme. Herodotus and Marathon. More Essays in Greek History and Literature. Oxford, 1962.

42. Н. Ф. Дератани. Эсхил и греко-персидская война. ВДИ, 1946, № 1, стр. 18 сл.

43. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 17.

44. Хойбек (A. Heubeck. Das Nationalbewusstsein des Herodot. Neustadt, 1936, S. 43) подчеркивает, что Геродот, повествуя в слегка ироническом тоне о нерешительности и безответственности спартанцев, одновременно всячески старается извинить аргивян.

45. См.: Ch. W. Fornara. The cult of Harmodius and Aristogeiton. Philologus, 114, 1970, p. 156: «Поэтому нет сомнения, что

мнение Геродота, будто Алкмеониды были истинными освободителями Афин... имеет в своей основе информацию, предоставленную ему заинтересованной стороной...»

46. По поводу источников Геродота в этом месте его труда см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота, стр. 195, прим. 37.

47. F. Jacoby. Herodotos, S. 394.

48. В древности некоторые авторы пытались даже обвинить Геродота в плагиате, утверждая, что он дословно списывал с Гекатея (Porph. apud Euseb. Praep. Evang. X, 3,p. 466 B), но, как замечает Легран (Ph. Legrand. Hérodote, t. I. Paris, 1932, p. 157), Геродот был просто начитанным человеком.

49. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 116.

50. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 98.

51. J. Myres, op. cit., p. 159; C. Hignett, op. cit., p. 32.

52. См.: В. В. Струве. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I. ВДИ, 1948, № 3, стр. 13. В этом был уверен такой крупный знаток истории Древнего Востока, каким был Б. А. Тураев, писавший по этому поводу: «Зопир, поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее знатных и близких ко двору...» (История Древнего Востока. т. II. М.—Л., 1935, стр. 127).

53. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 140.

54. Там же, стр. 145. Геродот иногда довольно точно передает имена персидских вельмож, помогавших Дарию расправиться с магом Гауматой (см.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 13).

55. В. В. Струве (ук. соч., стр. 13) со ссылкой на Герцфельда (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938).

56. См.: F. Jacoby. Herodotos, S. 404; А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186, прим. 3.

57. См.: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186—187, прим. 4.

58. C. Hignett, op. cit., p. 30.

59. F. Jacoby. Herodotos, S. 402: «В большинстве случаев у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Геродот действительно опрашивал представителей каждого народа...»

60. F. Jacoby. Herodotos, S. 478.

61. Как отмечает Якоби (Herodotos, S. 473), Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению.

62. G. Sarton. A History of Science. Cambridge, 1960, p. 312.

63. Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 33. Автор подчеркивает, что геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными (стр. 18).

64. А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 49.

65. К. Э. Гриневич. О достоверности сведений Геродота об Ольвии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 105 сл.

66. C. Hignett, op. cit., p. 33: «Его последние три книги, описывающие нашествие Ксеркса и его поражение, являются наиболее удачными с исторической точки зрения, и все последующие рассказы основывались только на них».

67. Там же, стр. 38.

68. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. CXXV.

69. См.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 44.

70. F. Jacoby. Herodotos, S. 482.

71. «Делос, как сообщали жители этого острова, постигло землетрясение... Я полагаю, что божество явило людям это чудо как знамение грядущих бед» (VI 98).

72. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41.

73. J. M. Linforth. Greek gods and foreign gods in Herodotus. Univ. of Calif. public., in class. philology, 9, 1, 1926, p. 13.

74. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. CIII.

75. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 113.

76. G. Sarton, op. cit., pp. 303—314.

77. Ф. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. LIX (Геродот. История. Т. II, М., 1888).

78. G. Sarton, op. cit., p. 311.

79. «Описания Геродота, проверенные этнографами и археологами, оказались подтвержденными во всех деталях», —

пишет Сартон (указ. соч., стр. 312). Сартон сильно преувеличивает заслуги Геродота, допустившего ряд неточностей. Но, как справедливо подчеркивает Ф. Мищенко (Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. CXXVIII), причиной этих неточностей было несовершенство тогдашних методов исследования, не говоря уже о чрезмерной доверчивости «отца истории». В другой своей статье (Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. XLVI) Мищенко показывает, как многие обычаи скифов, как например доение кобылиц при помощи костяных трубок (IV 2), поклонение мечу, подтверждаются соответствующими обычаями и культами калмыков, аланов, квадов и т. п.

80. «Можно не называть его отцом истории, но уже без всякого сомнения он является отцом этнографии», — замечает Сартон (ук. соч., стр. 312).

81. Перевод см. у С. Я. Лурье (ук. соч., приложение 1, стр. 161 сл.).

82. Это последовательно показывает Шпигельберг (W. Spiegelberg. Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten. Berlin, 1926).

83. Ф. Мищенко в статье «Не в меру строгий суд над Геродотом» одним из первых в европейской науке выступил против недооценки труда «отца истории», подвергнув критическому разбору работу Сэйса (Sayce. Herodotus I—III. The ancient empires of the East. London, 1883), совершенно незаслуженно обвинившего Геродота в сознательном обмане

своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места.

84. A. Hauvette. Hérodote historien des guerres médiques. Paris, 1894.

85. К работам Видемана, Якоби и Шпигельберга, на которые ссылается Майрс (ук. соч., стр. 152), следует добавить исследование Эртеля (F. Oertel. Herodots ägyptischer Logos und die Glaubwürdigkeit Herodots. Bonn, 1970).

86. E. Howald. Ionische Geschichtsschreibung. Hermes, 58, 1923, S. 113 ff.

87. M. Pohlenz, op. cit., p. 1 sqq.

88. J. Myres, op. cit., p. 25; C. Hignett, op. cit., p. 37.

89. G. B. Grundy. The Great Persian War. London, 1901; J. Kromayer. Antike Schlachtfelder. Leipzig, 1924—1931. См. также: A. Ferrill. Herodotus and the strategy and tactics of the invasion of Xerxes. Amer. histor. rev., LXXII, 1966, p. 102. Автор показывает, что Геродот обнаруживает гораздо больше знания военной тактики и стратегии, чем обычно полагают.

90. J. Myres, op. cit., p. 31.

91. Даже Майрс, книга которого в основном написана довольно сдержанно и основана на большом фактическом материале, начинает свое изложение с описания того, как пятилетний Геродот вместе со своей матерью встречал флот правительницы Галикарнасса Артемисии, возвращавшейся после сражения при Саламине, и задал матери вопрос, на

который не мог получить ответа всю жизнь: «За что они сражались?»

92. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41, прим. 2.

93. «Я ... буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая большие и малые города людей. Ведь те, кто были великими в древности, в большинстве стали незначительными ныне и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» (I 5).

94. Все народы замечательны в каком-нибудь отношении, все связаны между собой общими судьбами и интересами, все греки и вообще все люди являются создателями единой человеческой культуры — таков явный и скрытый смысл многих экскурсов Геродота. Совершая насилие над подлинным смыслом труда Геродота, Хельман (Fr. Hellmann. Herodot. Das neue Bild der Antike, hrsg. v. H. Berve. 1942, S. 248) считал его «великолепным противопоставлением греческого и варварского начала».

От переводчика.

(Г.А.Стратановского)

Для любознательного читателя русского перевода «Истории» Геродота должен представить значительный интерес вопрос об источниках, на которые опирается текст греческого оригинала. Таковыми являются относящиеся к X-XV вв. рукописи, которые отражают непрерывную рукописную традицию, восходящую в конечном счёте к одному из античных изданий. Рукописи эти, вывезенные византийскими учёными в Западную Европу после взятия Константинополя турками (1453 г.), хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Тейдельберга и других городов. Число их довольно значительно; так, в капитальном критическом издании Г. Штейна (Берлин, 1869-1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них разночтения затрагивают в основном диалектные черты текста Геродота и лишь изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Таким образом, сличение рукописей позволяет установить текст, практически не отличающийся от

того, которым пользовался уже младший современник Геродота Фукидид.

Важным подтверждением надёжности средневековой рукописной традиции Геродота послужили найденные в начале нашего века папирусные отрывки Геродота, относящиеся к античной эпохе; древнейший из них, содержащий гл. 115-116 кн. I, датируется примерно I-II вв. н.э. Чтения этих отрывков воспроизведены в издании К. Гуде (Herodoti Historiae. Recognivit brevique adnotatione critica instruxit Carlus Hude. Vol. I-II. Editio altera. Oxonii, 1912), по которому сделан наш перевод. Переводчиком использованы следующие переводы и комментарии к Геродоту. Русский перевод: Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1885; Т. II. М., 1888. Немецкие переводы: 1) Das Geschichtwerk des Herodotos von Halikarnassos. Übertragen von Theodor Braun. Stuttgart, 1964; 2) Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe. Übersetzt von A. Horneffer. Neu herausgegeben und erläutert von H.W. Haussig. Mit einer Einleitung von W.F. Otto. Stuttgart, 1963; 3) Die Geschichten des Herodotos, übersetzt von Friedrich Lange. Neu herausgegeben von Dr. Otto Güthling. Zwei Teile. Leipzig (s.a.). Комментарии: 1) Herodotos. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. K. Abicht. Fünf Bdchen. Leipzig, 1866-1886; 2) Herodotos, erklärt von H. Stein. Fünf Bde. Berlin, 1866-1875; 3) W.W. How and J. Wells. A

commentary on Herodotus, with an introduction and appendixes. Oxford, 1928. Специальный словарь к Геродоту: A Lexicon to Herodotus by J. Enoch Powell. Second Edition. Hildensheim, 1960.

Прочая литература, использованная переводчиком

А.И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (А.И. Доватур. Стиль).
В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, №2, стр. 249-288.
С.Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947 (С.Я. Лурье. Геродот).
С. Я. Лурье. История Древней Греции, ч. I. Л., 1940 (С.Я. Лурье. История).
В.С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963.
В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 (В.В. Струве. Этюды).
Б.А. Тураев. История Древнего Востока. I-II. Л., 1936.
J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913.
Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung. Herausgegeben von Walter Marg. München, 1962.
F. Jacoby. Herodotos. Pauly-Wissowa. Realenzyklopädie d. klassichen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Leipzig, 1908.
E. Meyer. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Stuttgart, 1937.

Список сокращений

Акк. — аккадский.

Асс. — ассирийский.

Библ. — библейский.

Вав. — вавилонский.

Греч. — греческий.

Др.-евр. — древнееврейский.

Егип. — египетский.

Инд. — индийский.

Иранск. — иранский.

Кар. — карийский.

Карф. — карфагенский.

Критск. — критский.

Лид. — лидийский.

Лик. — ликийский.

Мид. — мидийский.

Миф. — мифический.

Перс. — персидский.

Сем. — семитический.

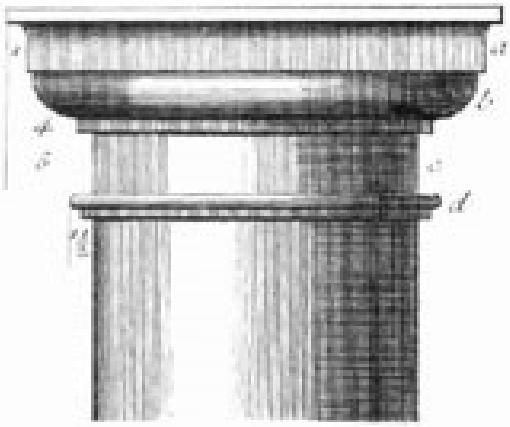
Сир. — сирийский.

Скифск. — скифский.

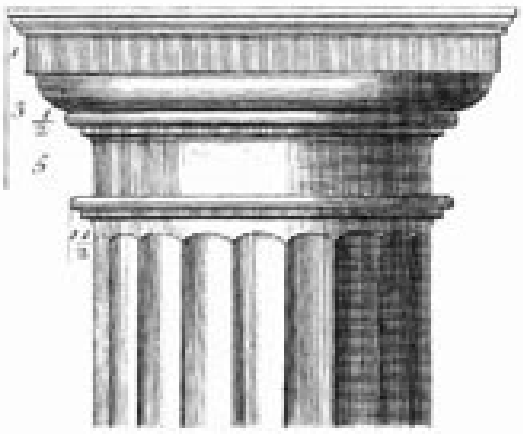
Финик. — финикийский.

Chapiteaux des cinq Ordres, avec le Chapiteau Ionique Moderne.

Chapiteau Toscan.

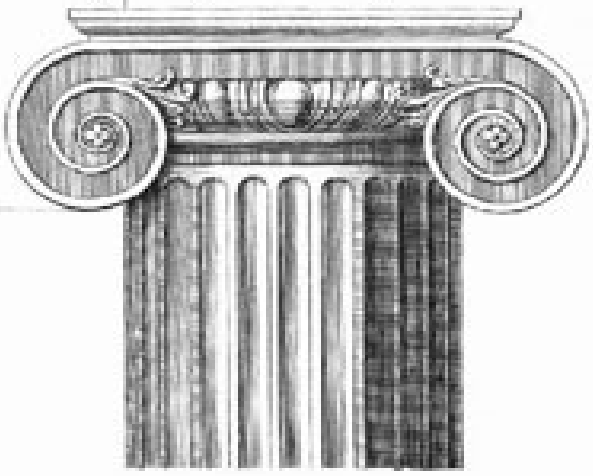


Chapiteau Dorique.

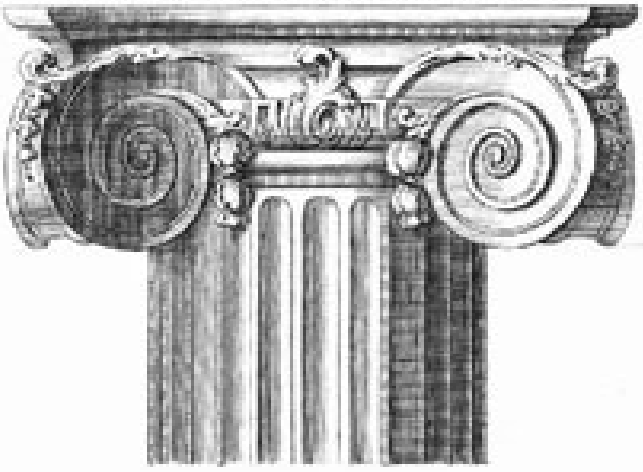


2 Modules ou 24 minutes.

Chapiteau Ionique.

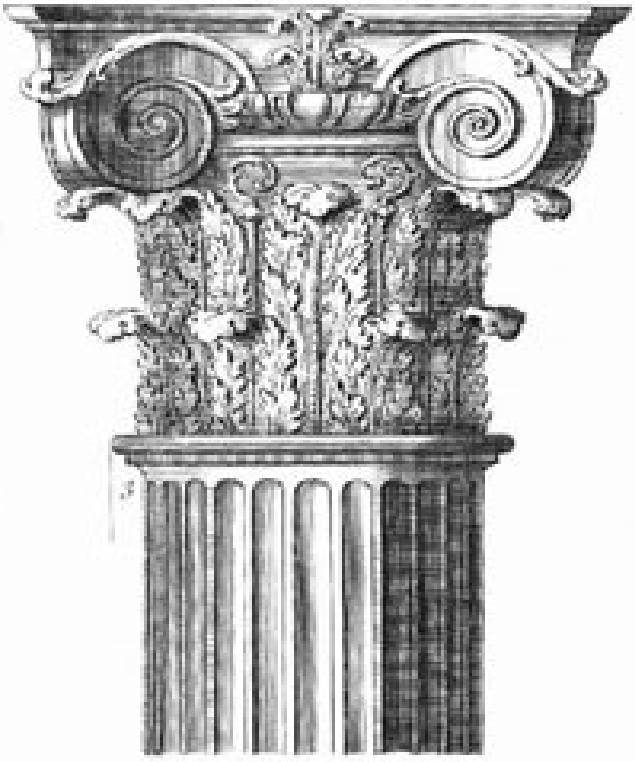


Chapiteau Ionique Moderne.



Chapiteau Corinthien.

Chapiteau Composite.



2 Modules ou 30 minutes.

Античные меры

Меры длины и площади

Дактиль (палец). — 18.5 мм

Локоть. — 440.0 мм

Локоть персидский (царский). — 532.8 мм

Локоть (пигон) = 20 пальцев. — 385.3 мм

Оргия. — 1.776 м

Парасанг (фарсах). — 5549 м

Плефр. — 29.6 м

Стадий (аттический). — 177.6 м

Стадий (олимпийский). — 192.27 м

Схен (египетский). — 445.20 м

Арура (аттическая). — 0.024 га2

Арура (египетская). — 0.2 га2

Меры веса и ёмкости

Дарейк (золотой). — 8.4 г

Драхма (горсть). — 4.336 г

Мина. — 341.20 г

Мина (персидская). — 420.00 г

Талант (серебряный). — 33.655 кг

Талант (аттический). — 26.196 г

Каиф. — 0.045 л

Котила. — 0.275 л

Арбата (персидская). — 55.08 л

Медимн (аттический). — 52.5 л

Метрет. — 38.88 л

Амфора. — 40 л

Халк. — 0.09 г

Хеник. — 1.08 л

Хус. — 3.24 л

Содержание:

Геродот. История.

Книга третья. Талия (обл.) стр.1

Геродот. История. В девяти книгах – 1972 стр.3

От редакционной коллегии стр.5

Бюст Геродота. Музей в Неаполе стр.9

Книга третья. ТАЛИЯ стр.11

Примечания. Г.А.Стратановский стр.123

Вкладка «Карта мира по Геродоту» стр.140

В.Г.Борухович «Научное и литературное значение труда Геродота» стр.142

От переводчика (Г.А.Стратановский) стр.227

Античные меры стр.232

Содержание стр.234

Форзац стр.235

Обложка стр.236

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга третья. ТАЛИЯ

В.Г.Борухович «Научн. и лит. значение труда Геродота»

Редактор: **Амидала**

Художественный редактор: **Амидала**

Технический редактор: **YODA**

Ответственный за выпуск: **YODA**

Оформление: **Амидала**

Утверждено к публикации: 19.08.2016

Формат документа: (А4) 27,9 х 21; 236 стр.

Тираж: Без ограничений.

«Человек –
лишь игралище случая»

Геродот